

С.И. Уманец

**Очерк развития религиозно-философской
мысли в исламе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
С11

С11 **С.И. Уманец**
Очерк развития религиозно-философской мысли в исламе / С.И. Уманец – М.: Книга по Требованию, 2014. – 164 с.
ISBN 978-5-518-07163-6

- 903603 -

ISBN 978-5-518-07163-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

С. И. УМАНЕЦЪ.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ВЪ ИСЛАМЪ.

(ОПЫТЪ ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКАГО СЕКТАНТСТВА ОТЪ СМЕРТИ МУХАММЕДА
ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лив., 7
1890.



Дозволено цензурою, Сиб., 3 января 1890 г.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящій краткій очеркъ возникновенія и развитія сектантства въ исламѣ со смерти Мухаммеда до нашихъ дней, печатавшійся въ 1887—1888 г. въ органѣ с.-петербургской духовной академіи, „Христіанскомъ Читеніи“, — первый на русскомъ языкѣ опытъ систематической исторіи важнѣйшихъ мусульманскихъ сектъ Востока и Запада.

Издавая его отдѣльною книгою, я, не дѣлая въ немъ никакихъ существенныхъ измѣненій и дополненій, постарался исправить допущенныя мною въ немъ погрѣшности, главнымъ образомъ, въ транскрипціи арабскихъ именъ, указанныя мнѣ компетентными въ этомъ лицами, за что приношу имъ сердечную признательность.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, не могу не выразить крайняго огорченія, что, при составленіи моей статьи, мнѣ вовсе не приходилось встрѣчаться съ русскими сочиненіями по исторіи мусульманскаго сектантства. Даже и монографій по этому вопросу мнѣ почти вовсе не случалось видѣть. Кромѣ извѣстнаго изслѣдованія о бабизмѣ мирзы Казамъ-Бека, да недавно вышедшей въ свѣтъ брошюры г. Позднева „Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ, 1888 г.“,

являющейся лишь пересказомъ англійскаго сочиненія Brown'a, — The dervishes or oriental spiritualism. London. 1868, по-русски, насколько я знаю, нѣтъ ничего, или, по-крайней мѣрѣ, очень мало, что могло бы, хотя сколько нибудь, познакомить русскую публику съ мусульманскимъ расколомъ, явленіемъ несомнѣнной важности и интереса, какъ для психологически-философскихъ изслѣдованій, такъ и для задачъ миссіонерства.

И буду очень счастливъ, если трудъ мой послужитъ въ пользу.

С. Уманецъ.

15 Декабря 1889 г.
С.-Петербургъ.

ГЛАВА I.

Исламъ при первыхъ халифахъ.—Причины развитія сектъ.—Вліявіе Персіи на умственное броженіе въ исламъ.—Внутреннее состояніе Персіи въ эпоху покоренія ея арабами.— Два рѣзко обозначенныя направленія мусульманскихъ сектъ.— Сунниты.— Обожаніе пророка.— Культъ святыхъ.— Хасанъ Басорскій и его школа.— Абу-Хузайфа-Василь-ибнъ-Атâ († 748 или 749 г.).— Мутазилиты.— Абу-Гузайль.— Наззамъ (835).— Бисръ-ибнъ-ал-Мутамиръ.— Муаммаръ-ибнъ-Аббадъ.— Тумама († около 213 г.).— Амръ-ибнъ-Бахръ-ал-Джахизъ.— Джуббаъ.— Абу-Гашимъ.— Муздаръ.— Защитники правовѣрія: Абу-Хамедъ-Мухаммедъ-ибнъ-Мухаммедъ-Газали и Абу-Хасанъ-ал-Ашари.— Гоненіе мутазилитовъ при халифѣ Ал-Кадирѣ (1017 и 1018 г.).— Торжество мутазилитовъ при халифахъ Ал-Мамунѣ (813—833) и Ватыкѣ (842—847 г.).— Торжество правовѣрія при халифѣ Мутевеккилѣ (847—861).— Ибадиты и Зейдиты.— Морджиты.— Джабариты.— Сифатитты.

Послѣ смерти Мухаммеда не долго сохранился исламъ въ своей первоначальной чистотѣ, — всего лишь въ продолженіи 24 лѣтъ, т. е. при трехъ первыхъ халифахъ (632 — 656). Своей сухой обрядовой стороною и смутной, слабо развитой догматикой онъ мало давалъ уму и сердцу. Узкія рамки его міровоззрѣнія не могли долго сдерживать напора пытливей мысли его приверженцевъ. Смѣлые запросы духа не удовлетворялись мертвою рутиной Курана, не дававшего простора человѣческой мысли и требовавшего отъ каждаго мусульманина одной слѣпой вѣры въ Аллаха и строгаго исполненія обрядовъ, предписанныхъ пророкомъ.

Разладъ религіозной мысли въ исламѣ вскорѣ обнаружился: одни держались буквы, другіе жаждали духа, одни ставили религію внѣ разума, слѣпо ей вѣря и не смѣя посягать освѣ-

щать ее разумомъ, другіе стремились согласить основы религій съ требованіями разсудка.

Отсюда—начало религіозно-философскихъ системъ, во множествѣ образовавшихся въ исламѣ, отсюда—возникновеніе многочисленныхъ сеетъ, и чисто религіознаго, и политически-религіознаго характера. Умственному броженію въ исламѣ, раздѣлившему его на множество философскихъ, религіозныхъ и политическихъ школъ и толковъ, весьма много способствовало завоеваніе арабами Персіи и обращеніе въ исламъ большаго количества персовъ, внесшихъ съ собою въ мусульманскій міръ философскія идеи Заратустры, Будды и греческихъ мыслителей, и давшихъ исламу тотъ толчекъ, которому онъ обязанъ своимъ послѣдующимъ развитіемъ и силой ¹⁾. Древняя религія персовъ, возродившаяся на почвѣ брамизма, имѣла своимъ основателемъ Заратустру Спитаму ²⁾ и получила окончательное развитіе при жрецахъ, заступившихъ его мѣсто. Въ эпоху покоренія Персіи арабами ея религія уже отживала свой вѣкъ, терявъ свою первоначальную силу и чистоту. Еще со времени покоренія Персіи Александромъ Македонскимъ ея древняя религія перестала быть религіей государства и затѣмъ уже никогда не подымалась до первоначальной высоты. Правда, позднѣе, она получила поддержку при Сассанидахъ, которые, стремясь (въ 3 мѣ вѣкѣ нашей эры) упрочить за собою корону, старались овладѣть расположеніемъ народа, обѣщая ему возстановленіе парсизма. Девизомъ ихъ было: тронъ—опора алтаря, алтарь—опора трона. Цари этой династіи искали сближенія со жрецами Заратустрова ученія, но ихъ старанія не имѣли успѣха и парсизмъ никогда уже не приобрѣталъ прежняго значенія. Сильныя внѣшнія вліянія уже давали себя чувствовать и новыя идеи, между прочимъ, идеи греческой философіи и христіанства, уже успѣли про-

¹⁾ Essai sur l'histoire de l'Islamisme par R. Dozy, Paris, 1879, стр. 189 и слѣд.

²⁾ Масуди, знаменитый арабскій историкъ и путешественникъ (950 г.), опредѣляетъ время жизни Заратустры за 280 лѣтъ до Александра Македонскаго, т.-е. приблизительно около 516 г. до Р. X. См. Martin Haug,—Essays on the sacred language, writings and religion of the Parsees. Bombay, 1862, p. 12.

никнуть въ предѣлы Персіи. — Хозревъ Нуширванъ, либераль своего времени, принялъ къ своему двору греческихъ мудрецовъ, преслѣдуемыхъ Юстиніаномъ, и приказалъ перевести творенія Платона и Аристотеля. Издавна, можетъ быть, даже во время владычества грековъ въ Индіи ¹⁾, буддійскіе миссіонеры ²⁾ проповѣдывали въ провинціяхъ Персіи. Они утверждали, что Будда былъ посланникомъ божіимъ, посредникомъ между творцомъ и его твореніями, и что нужно заботиться не объ этомъ мірѣ, а о будущемъ. Такимъ образомъ образовались секты, которыя, требуя соціальныхъ реформъ, примѣшивали къ парсизму новые догматы, напр., догматъ переселенія душъ, столь же свойственный брамизму, какъ и буддизму, откровенія отъ Бога первому человѣку, воплощенія божества въ особѣ правителя ³⁾ и проч.

Большія секты, въ свою очередь, подраздѣлялись на второстепенныя. Словомъ, Персія была очагомъ религіознаго броженія; въ ней всевозможныя философскіе и религіозныя толки находили себѣ пріютъ. Что случается обыкновенно при усиленной работѣ религіозно-философской мысли, случилось и на этотъ разъ: появились рационалисты, философы, отвергающіе всякое божественное откровеніе. Поклонниковъ натуралистическихъ воззрѣній, издревле существовавшихъ въ Персіи, оказалось немало. Они проповѣдывали любовь къ ближнему, обузданіе страстей, умерщвленіе плоти, упражненіе въ терпѣннн и самоулучшеніи; они признавали Верховное Существо, провидѣніе и безсмертіе души. Но были и такіе, которые ничего этого не признавали: это были вольнодумцы въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Напрасно правительство и каста жрецовъ съ огнемъ и мечомъ ополчились противъ этихъ провозвѣстниковъ новыхъ идей: они этимъ возбудили только противъ себя ненависть, а это обстоятельство въ значительной степени облегчило завоеваніе Персіи арабами.

Въ самомъ жречествѣ произошелъ, наконецъ, расколъ: одна часть его придерживалась Авесты, а другая Зенда, тол-

¹⁾ Chwolsohn, Die Ssabier und die Ssabismus.

²⁾ Будда умеръ въ 544 году до Р. Х. (по Бюрнуфу).

³⁾ Въ Тибетѣ по сію пору Лама является воплощеніемъ божества.

кованія Авесты ¹⁾). Со времени завоеванія Персіи арабами парсизмъ навсегда потерялъ значеніе господствующей религіи, да иначе не могло и быть при той тѣсной связи алтаря съ престоломъ, о которой мы только что говорили: паденіе одного неминуемо повлекло за собою паденіе другаго. Впрочемъ, парсизмъ не исчезъ вдругъ. Много персовъ оставались ему вѣрными и поддерживали культъ огня, хотя громадное большинство населенія Персіи приняло исламъ. Личныя выгоды главнымъ образомъ побуждали персовъ принимать мухаммеданство: они хотѣли быть освобожденными отъ податей. Кромѣ того, каждый персъ, не перестающій помнить о славномъ прошломъ своей родины, лишь сдѣлавшись мусульманиномъ, могъ избавиться отъ того унижительнаго для его гордости положенія, въ которое поставила его побѣда арабовъ надъ его странюю. Впрочемъ, нужно замѣтить, что исламъ со своимъ міровоззрѣніемъ не былъ чуждъ персамъ. Напротивъ, между обѣими религіями было много точекъ соприкосновенія. Еще больше общаго исламъ имѣлъ съ сектами, какъ, напр., Манихеями и послѣдователями Маздака.

Таково было внутреннее состояніе Персіи въ эпоху ея покоренія арабами.

Обращеніе персовъ въ исламъ было во всѣхъ отношеніяхъ для него выгодно. Въ противоположность склонности арабовъ къ религіозному индифферентизму персы были полны религіознаго пыла и одушевленія. Какъ привычныя къ научнымъ занятіямъ, они стали творцами мусульманской теологіи. „Больш-

¹⁾ Масуди говоритъ слѣдующее о священныя книгахъ Парсисовъ: Первая книга, написанная Заратустрой (или Зерадугитомъ), была Авеста. Персы не были въ состояніи понимать ее; тогда Заратустра составилъ на нее толкованія, названныя Зендомъ. Впослѣдствіи онъ составилъ толкованія на эти толкованія и назвалъ ихъ Павендомъ. Послѣ его смерти появились толкованія его толкованій и объясненія всѣхъ имъ составленныхъ, только что нами упомянутыхъ, книгъ подъ названіемъ Язда. Haug, *op. cit.* p. 11—12. О Зендъ-Авестѣ подробныя свѣдѣнія *ibid.* p. 120—224. О Заратустрѣ и священныя книгахъ Парсисовъ см. еще *History of the Parsis by Dosobhai Framji Karaka, London, 1884, vol. I, p. 146—164; 165, 208, и Harlez,—Introduction à l'étude de l'Avesta et de la religion Mazdéene и его же Etudes avestiques и Des origines du Zoroastrisme.*

шинство изучавшихъ наизусть священныя преданія ислама и тѣмъ сохранившихъ ихъ для потомства составляли персы, говоритъ арабскій историкъ Ибнъ-Халдунъ ¹⁾. Мусульманскіе экзегеты и комментаторы Курана были, по большей части, изъ нихъ же, утверждаетъ тотъ же историкъ.

Только благодаря персамъ исламъ сталъ міровою силою. Одни арабы такой силой никогда бы его не сдѣлали! Однако, при всей пользѣ, принесенной исламу персами, они причинили ему не мало и вреда. Изъ числа признавшихъ мусульманство было много въ него не вѣровавшихъ, принявшихъ его безъ внутренняго убѣжденія. Одни находили, что оно даетъ мало; другіе, наоборотъ, что оно даетъ слишкомъ много. Мало—потому, что для перса, привыкшаго къ сложному культу своей прежней религіи, исламъ былъ слишкомъ простъ, сухъ, прозаиченъ; слишкомъ много—потому, что для свободомыслящихъ исламъ заключалъ въ себѣ множество элементовъ, по ихъ мнѣнію, вполне бесполезныхъ. Отсюда-то тѣ два рѣзко обозначенныя направленія, характеризующія мусульманскія секты: однѣ стремятся приобщить къ мусульманству догматы другихъ религій; другія стараются упростить ученіе ислама до предѣловъ возможнаго.

Когда персы приняли мусульманство, они не нашли въ немъ твердо установившейся догмы. Вопросы о богопознаніи, свободѣ воли и предопредѣленіи оставались открытыми и давали поводъ къ разнорѣчивымъ толкованіямъ. Куранъ представляетъ Бога надѣленнымъ всѣми человѣческими качествами, до лица, рукъ и ногъ включительно. Мусульмане, правда, не понимали этихъ мѣстъ Курана къ буквальному смыслу, но и не давали себѣ труда долго останавливаться надъ этимъ вопросомъ. Они знали, что тотъ Богъ, о которомъ говоритъ имъ Куранъ, есть ихъ прежній „Алла-Таала“ и успокоивались на этомъ!

Сложный вопросъ о предопредѣленіи ²⁾ также не трево-

¹⁾ Prolégomènes d'Ibn-Khaldonn, tr. de Slane.

(Ибнъ-Халдунъ писалъ въ XIV в. Родился въ Тунисѣ, въ 1332 г., умеръ въ Египтѣ, въ 1406 г.).

²⁾ О предопредѣленіи см. суры Курана: XI, 59; X, 26; X, 100; XVI, 95; VI, 125 и 150, VII, 99, 155, 185; IX, 27; X, 99; XIV, 4; XXII, 19; XXVIII, 68.

жилъ ихъ: они мало надъ нимъ думали, да врядъ ли и самъ пророкъ имѣлъ о немъ вполне ясное, опредѣленное представленіе. По Курану, судьба каждаго правовѣрнаго не только заранѣе опредѣлена, но даже и записана; однако, Куранъ учитъ тѣ же, что ангелы вписываютъ дѣянія людей *послѣ того*, какъ дѣянія сіи совершены.

Какъ согласить первое положеніе со вторымъ? Эта неполнота, запутанность и неясность мусульманской догматики съ одной стороны, и пытливые запросы мысли, не удовлетворявшіеся рутиннымъ толкованіемъ религіи, предлагаемымъ суннитами, бывшихъ поклонниковъ Зороастрова ученія и нечуждыхъ греческой мудрости персовъ съ другой, — вотъ та почва, на которой зародились секты, быстро смѣняя одна другую и угасая, часто въ потокахъ крови.

Что же сдѣлали тѣмъ временемъ сунниты, эти ревнители „правовѣрія“, непоколебимые почитатели Сунны ¹⁾, представители строгаго мусульманства, оберегатели чистоты вѣры, преподанной пророкомъ? Они коснѣли въ безпредѣльномъ обожаніи личности „Посланника Божія“ (Ресуль-Иллахи), переходящемъ въ его оботвореніе, напоминающее собою фетицизмъ ихъ предковъ ²⁾.

Слѣпое подчиненіе буквѣ Курана было доведено у нихъ до крайнихъ предѣловъ. Масса новыхъ, болѣе или менѣе не-

¹⁾ „Суннетъ (въ европ. произношеніи сунна) значитъ привычки, правила жизни; все, что Мухаммедъ говорилъ и дѣлалъ въ поприщѣ религіи и обрядовъ, называется суннетъ; оно передано потомству ближайшими учениками его, а потому и самое преданіе носятъ вообще имя суннетъ. Шіиты отвергаютъ все то изъ этихъ преданій, что не перешло къ потомству посредствомъ ихъ собственныхъ имамовъ. На этомъ основаніи „сунниты“ носятъ это имя въ смыслѣ сословія, исповѣдующаго ученіе суннета, а шіиты, какъ явно отвергающіе огромную часть суннета, называютъ себя шіэ, т. е. словомъ, которое значитъ: явно протестующіе въ пользу праваго дѣла и это правое дѣло — первенство ихъ имама — Али въ Халифатѣ“ („Бабъ и бабиды“ мирзы Каземъ Бека. Спб., 1865, стр. 143, прим. 1).

²⁾ Многіе сектанты возставали противъ этого чрезмѣрнаго почитанія Мухаммеда. Такъ напр., мутазилитъ Ахмедъ-Ибнъ-Гаитъ утверждалъ, что Мухаммедъ не годится въ святые, какъ слишкомъ страстный поклонникъ женщинъ; правовѣрные слабо возражали на это, чувствуя справедливость этого замѣчанія.

остроумныхъ, легендъ присоединилась къ преданью („Суннѣ“). Они искажали личность пророка и вкладывали въ уста его такія слова и рѣчи, отъ которыхъ при жизни онъ немедленно бы отрекся. Ему приписывали до-міровое рожденіе, вопреки Курану, гдѣ Мухаммедъ самъ называетъ себя „простымъ жалкимъ грѣшникомъ“. Чудеса его, какъ напр., путешествіе въ Іерусалимъ и поднятіе на седьмое небо, приняли характеръ фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію. Пришествіе Мухаммеда при концѣ міра, мысль въ высшей степени противорѣчащая Курану, возымѣла силу догмата. Легенда вложила даже въ уста самого пророка слѣдующія слова ¹⁾: „Въ день страшнаго суда люди предстанутъ предъ Господомъ, исполненные страха. Они возопіютъ; о, если бы мы могли найти предстателя предъ Господомъ! И люди обратятся къ Адаму и скажутъ ему: О, отецъ человѣковъ! Самъ Господь сотворилъ тебя и вдунулъ въ тебя дыханіе жизни. Онъ водворилъ тебя въ раю и повелѣлъ ангеламъ своимъ почитать тебя; онъ научилъ тебя именамъ всѣхъ вещей, будь нашимъ предстателемъ предъ Господомъ! Но Адамъ откажется, говоря: Господь Богъ гнѣвенъ сегодня, онъ запретилъ мнѣ вкушать плодъ отъ древа познанія, а я ослушался! Я полонъ смятенія на счетъ собственной участи, обратитесь къ другому! Тогда люди обратятся по очереди ко всѣмъ пророкамъ и, наконецъ, къ Іисусу, который направитъ ихъ къ Мухаммеду“.

„Тогда я припаду къ стопамъ Аллаха (разсказъ ведется, какъ уже упомянуто, отъ лица самого Мухаммеда), умоляя выслушать мою просьбу, и онъ скажетъ мнѣ: О, Мухаммедъ, подыми голову твою, проси и получишь просимое! Будь предстателемъ и я исполню! Тогда я подыму голову мою и скажу: Господи! сжался надъ моимъ народомъ! И Господь отвѣтитъ мнѣ: Возми сколько хочешь душъ отъ народа твоего и введи ихъ въ дверь одесную рая“

Если бы Мухаммедъ могъ слышать эти слова, вложенныя въ его уста его чрезмѣрно усердными поклонниками, онъ, подобно Моисею, разбившему нѣкогда данныя ему для евреевъ скрижали, разорвалъ бы данный имъ арабамъ Куранъ!

Со временемъ сунниты пошли еще дальше: они объявили

¹⁾ L'Islâm et son fondateur par J.-Ch. Scholl. 1874, стр. 309.

безусловную святость Мухаммеда. По ихъ мнѣнію, душа пророка образована изъ искры божественнаго свѣта, до сотворенія міра. Болѣе того: основатель ислама есть причина существованія міра, рая и ада. Самъ Богъ, приступая къ мірозданію, произносилъ знаменитое: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Мухаммедъ посланникъ Бога!“¹⁾

Какъ скоро забыли мусульмане ту глубокую покорность предъ Богомъ, которую проявляетъ пророкъ, говоря о себѣ:

„Не былъ ли ты сиротою и не принялъ ли онъ тебя?

„Онъ нашелъ тебя заблуждшимъ и направилъ,

„Онъ нашелъ тебя бѣднымъ и обогатилъ!“²⁾

Не слѣдуетъ удивляться такому явному искаженію идей ислама. Подобное явленіе не ново въ исторіи религій. Ученики, желая увеличить славу учителя, часто прибавляютъ къ его словамъ то, что, по ихъ мнѣнію, можетъ усугубить славу его ученія и почти всегда достигаютъ противоположнаго результата, безжалостно калѣча первоначальную мысль учителя. То же случилось и въ исламѣ. Начиная съ 5-го вѣка гиджры, славословіе Мухаммеда является существенною частью мусульманской молитвы³⁾. Почитаніе святыхъ, въ принципѣ противоположное исламу, стало принимать все большіе и большіе размѣры. Почитаніе святыхъ имѣетъ своимъ основаніемъ ученіе Курана о „сыдыкъ“’ахъ (справедливыхъ, праведныхъ), которыхъ Мухаммедъ въ порядкѣ небесной іерархіи ставитъ тотчасъ же послѣ пророковъ.

Названіе „сыдыкъ“’овъ получили также и сотоварищи пророка, его друзья, первые послѣдователи и распространители его ученія, которыхъ народная набожность наградила ореоломъ святости. Арабы вѣрили въ нравственную связь живыхъ съ умершими. Это дѣлало для суннитовъ еще болѣе священнымъ Медину, гдѣ находятся могилы пророка, Абу-Бекра и Омара. Съ своей стороны, шіиты (отрицающіе Сунну и не признающіе законности правленія 3-хъ первыхъ

¹⁾ Kremer, Ideen des Islam.

²⁾ Куранъ, XCIII, 6—8.

³⁾ См. молитву, приведенную Турнефоромъ (Tournefort. Voyage du Levant, Lyon, 1717, t. II, lettre XIV).

халифовъ ¹⁾, воздавали въ Куфѣ чуть не божескія почести Али (4-му халифу, зятю Мухаммеда), а въ Кербелѣ—сыновьямъ его Хасану и Хусейну. Голова Хусейна сохранялась въ Каирѣ, а обогрѣнная кровью рубашка его въ главной мечети въ Испани. Это неумѣренное почитаніе святыхъ перешло сначала въ ихъ обожаніе, а затѣмъ святымъ стали приписывать сверхъестественную силу и чудеса. Культъ святыхъ, несмотря на сильную, но тщетную оппозицію сначала мутазилитовъ ²⁾, а потомъ, уже въ наши дни, ваггабитовъ ³⁾, приобрѣлъ на востокѣ большое развитіе. Глава святыхъ (вали) ⁴⁾ назывался котбъ (полюсь),—т.-е. полюсь милосердія; онъ пребываетъ въ Меккѣ и имѣетъ своими помощниками святыхъ низшаго ранга, по одному на четырехъ полюсахъ и по одному на семи земныхъ зонахъ. Они собираются па молитву на легендарную гору Кафъ ⁵⁾.

Неудивительно, что при жалкомъ состояніи суннизма, потерявшаго почти всякую окраску религіи, обратившагося въ какой-то цестрый калейдоскопъ предразсудковъ, грубыхъ повѣрій и нелѣпныхъ легендъ, выдаваемыхъ за догматы, сектанство, какъ оппозиція свѣта мраку, какъ протестъ духа буквѣ, должно было явиться и явилось.

Первый отпоръ мертвящему суннизму явился изъ Басры. Тамъ, уже въ первомъ вѣкѣ гиджры, возникла и развилась богословская школа, приобрѣтшая вскорѣ громкую извѣстность. Во главѣ ея стоялъ Хасанъ Васорскій, сынъ вольноотпущенника Зейдъ-Ибнъ-Талиба и невольницы одной изъ женъ пророка. Хасанъ велъ въ высшей степени суровый образъ жизни и его, по истинѣ, можно считать основателемъ мусульманскаго аскетизма. Взглядъ его на религію былъ мрачный, безотрадный. Въ Аллахѣ онъ видѣлъ грозное, карающее боже-

¹⁾ О шіитахъ и шіитствѣ будетъ сказано подробно во 2-й главѣ.

²⁾ и ³⁾ О тѣхъ и другихъ будетъ сказано подробно въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Мусульманскій богословъ Ибнъ-Араби высоко ставитъ значеніе „вали“—святыхъ. По его мнѣнію, они несравненно выше пророковъ: миссія пророковъ временная и можетъ бытъ возобновляема, тогда какъ миссія святыхъ неизмѣнима и вѣчна. Это мнѣніе Ибнъ-Араби несогласно съ Кураномъ.

⁵⁾ Kremer. op. cit., стр. 173.

ство. На жизнь смотрѣлъ онъ, какъ на трудный, тернистый путь, пройти который есть подвигъ.

Умерщвление плоти, какъ средство возвышаться духомъ до понятія отвлеченныхъ истинъ вѣры, усердно имъ проповѣдывалось. Хотя Хасанъ выдавалъ себя за правовѣрнаго изъ присущей его характеру осторожности, но, тѣмъ не менѣе, былъ творцомъ мусульманской экзегетики, которую, какъ свободомыслие, не допускалъ суннизмъ, закоснѣвшій въ буквѣ закона, въ ней одной видѣвшій спасеніе.

Басорская школа критически отнеслась къ Курану и Суннѣ. Она стала свободно обсуждать и объяснять основныя доктрины ислама и, не стѣсняясь, указывать на нерѣдко встрѣчающіяся въ Куранѣ противорѣчія пророка, и съ самимъ собою, и, что еще хуже, со здравымъ смысломъ.

Ученикъ Хасана Абу-Хузайфа-Василь-ибнъ-Атá († 748 или 749 г.), по всей вѣроятности, персъ, основатель знаменитой впослѣдствіи секты мутазилитовъ¹⁾, пошелъ несравненно дальше своего учителя. Во-первыхъ²⁾, онъ отрицалъ атрибуты Бога, исходя изъ того положенія, что, признавая вѣчными идею и атрибуты оной, тѣмъ самымъ признаешь два вѣчныхъ начала, два Бога. Это философское положеніе мы видимъ у него только еще въ зародышѣ. Впослѣдствіи оно было развито его учениками подъ вліяніемъ греческой философіи. Во-вторыхъ, онъ отстаивалъ свободу воли. Какимъ образомъ человѣкъ отвѣтственъ за проступки, кои ему, по Курану, присуждено совершить заранѣе? Или онъ не отвѣтственъ за нихъ вовсе, или же онъ отвѣтственъ за нихъ, пользуясь свободой воли. Отсюда истекаетъ, что догматъ предопредѣленія можно признавать лишь на-столько, на-сколько онъ относится до частныхъ случаевъ человѣческой жизни, но не моральныхъ дѣйствій людей, ихъ внутренней жизни и интеллектуальныхъ процессовъ. Въ третьихъ, Василь признавалъ существованіе чего-то вродѣ католическаго чистилища для тяжко согрѣшившихъ правовѣрныхъ, вопреки мнѣнію хариджитовъ, утверждавшихъ, что тяжкій грѣхъ ставитъ мусульманина на степень „кяфира“, т.-е.

¹⁾ Секта мутазилитовъ основана между 718 и 748 гг. (Scholl, op. cit. стр. 308).

²⁾ Dasy, op. cit. стр. 202.

невѣрнаго, и морджитовъ, не считавшихъ, наоборотъ, тяжкіе проступки отнимающими у правовѣрныхъ право быть оными, если только вѣра согрѣшившаго крѣпка, ибо, по ихъ ученію, одна вѣра можетъ спасти, добрыя же дѣла безъ вѣры бесполезны. Этотъ тезисъ былъ вполне чуждъ теоріи Хасана, съ которымъ Василь, мало-по-малу, совершенно разошелся, вслѣдствіе чего онъ и ученики его и получили названіе мутазитовъ, т.-е. отщепенцевъ, диссидентовъ ¹⁾. Въ четвертыхъ, онъ ставилъ очень низко преемниковъ пророка послѣ Османа, сдѣлавшихъ изъ религіи способъ достиженія политической власти.

Изъ наиболѣе выдающихся послѣдователей Васыля укажемъ Абу-л-Гузайля (умеръ между 840 и 849 г.). Онъ усердно развивалъ и разработывалъ идеи Хасана, примѣняя къ своимъ воззрѣніямъ метафизическія тонкости греческихъ философовъ. Такъ, Богъ, по его мнѣнію, всепремудръ премудростью, субстанцію коей онъ въ себѣ заключаетъ, всемогущъ—могуществомъ и т. далѣе ²⁾. Онъ допускаетъ свободу воли, но только въ границахъ немедленнаго примѣненія ея въ дѣйствительной жизни. Онъ вѣритъ въ будущую жизнь, въ существованіе рая и ада. Онъ старается согласить исламъ съ идеями Платона и Аристотеля. Слѣдующая мысль его заслуживаетъ особенно вниманія: онъ утверждаетъ, что человѣкъ долженъ дѣлать добро для добра и домогаться истины для истины, помимо какихъ бы то ни было религіозныхъ обязательствъ, помимо какого бы то ни было откровенія, безъ всякаго расчета, что онъ будетъ за это вознагражденъ.

Наззамъ (около 835) возставалъ противъ ученія суннитовъ о необходимости существованія зла въ мірѣ, какъ неизбежнаго для міровой гармоніи,—ученіе, къ которому прибѣгли, чтобы примирить идею зла съ атрибутомъ благости божіей. Зло, по мнѣнію Наззама, не можетъ исходить отъ Бога, главнѣйшій атрибутъ котораго составляетъ справедливость, не-

¹⁾ Ихъ называли также „кадаритами“, т.-е. сторонниками свободы воли. Мутазиты считали за величайшее оскорбленіе, когда ихъ называли этимъ именемъ, вслѣдствіе существующаго преданія, приписывающаго Мухаммеду слѣдующія слова: Кадариты-маги этой общины (т.-е. правовѣрныхъ) (Dosy, op. cit., стр. 205).

²⁾ Scholl, op. cit. p. 362.

совмѣстная, какъ таковая, съ фатализмомъ, коимъ поддерживается теорія о міровомъ злѣ. Богъ есть источникъ всякаго добра ¹⁾.—Въ ученіи о сотвореніи міра Наззамъ сходится съ Кураномъ: міръ былъ созданъ словомъ Божиимъ. Форма вселенной была всегда та же. Всякое существо было создано согласно своему роду. Замѣчательно его ученіе о взаимныхъ отношеніяхъ человѣка и матеріи. Человѣкъ имѣетъ свою, ему свойственную, силу, а матерія—свою. Человѣкъ беретъ камень и бросаетъ его кверху,—камень падаетъ внизъ: земля притягиваетъ его къ себѣ. Это ея сила, данная ей Создателемъ, ей присущая и съ ней нераздѣльная ²⁾.

Ученіе Наззама о душѣ достойно примѣчанія. Душа, которая вмѣстѣ съ разумомъ, по его ученію, составляетъ субстанцію человѣческой личности, есть нѣчто матеріальное. Это тѣло очень неопредѣленной формы, тонкое, прозрачное и легкое. Развивая далѣе свою теорію о матеріальной душѣ, Наззамъ запутывается въ ней и не доводитъ ея до конца, утверждая, что такая матеріальная душа обладаетъ жизнью, силою и волей, т.-е., другими словами, имѣетъ свою душу, одаряющую ее главнѣйшими атрибутами человѣческой субстанціи, что можетъ наводить на мысль, что эта душа имѣетъ также свою душу и т. д. до безконечности. Теорія свободы воли имѣла въ Наззамѣ своего ревностнаго защитника.

Атрибутъ справедливости Божіей былъ въ подробности рассмотрѣнъ Бисръ-ибнъ-ал-Мутамиромъ.

По его мнѣнію ³⁾ Богъ не можетъ наказывать малолѣтняго, не совершая несправедливости: еслибы онъ наказывалъ малолѣтняго, онъ тѣмъ самымъ смотрѣлъ бы на него, какъ на человѣка вмѣняемаго, дѣйствующаго сознательно, слѣд., малолѣтній не былъ бы малолѣтнимъ и невмѣняемымъ, что противорѣчитъ посылѣ.

Бисръ-ибнъ-ал-Мутамиръ былъ горячимъ защитникомъ свободы воли. Человѣкъ, говоритъ онъ, воленъ принять или не принять откровеніе. Обязанности Бога къ человѣку въ этомъ

¹⁾ Мысль Платона.

²⁾ Steiner, Die Mutaziliten, p. 68.

³⁾ Steiner, op. cit. стр., 58.

отношеніи ограничиваются тѣмъ, что онъ предлагаетъ людямъ откровеніе и только.

До сего времени у мутазилитовъ не замѣчается отрицанія основъ религіи. Но со временемъ у нихъ стало появляться упорное стремленіе освободиться отъ нихъ. Такъ, Муаммаръ-ибнъ-Аббадъ совершенно обезличиваетъ Бога, отрицая въ немъ существованіе какихъ бы то ни было атрибутовъ ¹⁾. По его мнѣнію, Богъ не обладаетъ даже сознаниемъ, ибо, еслибы онъ обладалъ имъ, то былъ бы самъ объектомъ своего собственного сознанія, что, по мнѣнію Муаммара, невозможно допустить ²⁾. Однако, этому бессознательному Богу онъ приписываетъ волю, сотворившую вселенную, что, очевидно, является явнымъ противорѣчіемъ ученію его объ отсутствіи атрибутовъ у Бога. Ученіе о такомъ бессознательномъ Богѣ совершенно противорѣчитъ ученію о немъ Курана. Въ то же время онъ допускаетъ участіе воли Божіей въ сотвореніи міра.

Подобно Наззаму, онъ также говоритъ о силѣ матеріи, приписывая ей еще большую роль, чѣмъ Наззамъ. Матерія, по его словамъ, непрерывно, вполне самостоятельно развивается, благодаря тѣмъ сокрытымъ силамъ, которыя ей присущи и въ ней содержатся, съ того самаго момента, какъ ей былъ данъ импульсъ, сообщившій ей движеніе ³⁾.

Теорія Муаммара, при всемъ томъ, не лишена, однако, идей спиритуализма: душа, говоритъ онъ, управляетъ тѣломъ; тѣло повинуется душѣ; душа составляетъ основу человѣческой личности, тѣло—инструментъ проявленія этой личности.

По теоріи Тумамы († около 213 года гиджры), въ способности творить заключается сущность божественной субстанціи. Твореніе является, такимъ образомъ, не актомъ боже-

¹⁾ Kremer, op. cit., p. 31.

²⁾ Steiner, op. cit., p. 59.

³⁾ Однако, большинство мутазилитовъ было гораздо умѣреннѣе въ своихъ заключеніяхъ. Извѣстный Замахшари, авторъ знаменитаго Кушафъа (комментаріевъ Курана), старается главнымъ образомъ доказать, что опредѣленія Курана не составляютъ послѣдняго предѣла мудрости и что слова пророка могутъ быть объясняемы съ меньшей букввальностью, чѣмъ это дѣлаютъ сунниты. Dugat. Histoire des philosophes et des théologiens musulmans (de 632 à 1258). Paris. 1878, стр. 7 и 187. Les colliers d'or, allocutions morales de Zamakhschari t. par Meynard. Paris. 1876.

ственной воли, а проявленіемъ божественной сущности. Міръ вѣченъ также, какъ вѣченъ Богъ.

Амръ-ибнъ-Бахръ-ал-Джахизъ ¹⁾ (умеръ около 849 или 850 г.) отличается чисто натуралистическимъ міровоззрѣніемъ. По его мнѣнію, міромъ управляютъ законы необходимости. Свободы воли нѣтъ и быть не можетъ: дѣйствія людей зиждутся на неизбѣжныхъ законахъ необходимости. Дѣлая что-либо, человекъ дѣлаетъ это не потому, что онъ такъ *хочетъ*, а потому, что онъ такъ *долженъ* сдѣлать, вслѣдствіе массы предшествовавшихъ причинъ, имъ незамѣчаемыхъ и несознаваемыхъ, сдѣлавшихъ его послѣдующія дѣйствія неизбѣжными, необходимыми. Поэтому, на такъ называемую свободу воли нельзя смотрѣть иначе, какъ на фикцію. Нѣтъ ничего реального, помимо субстанціи, которая вѣчна. Различныя проявленія ея образуютъ: переменъное, измѣняемое и сложное.

Джуббаи (ум. въ 914 или 915 г.) и сынъ его Абу-Гашимъ имѣли о божествѣ самое отвлеченное представленіе, какъ о бытіи-идеѣ, для однихъ необходимой, для другихъ безполезной ²⁾.

Впослѣдствіи, однако, отецъ и сынъ обратились къ болѣе простому ученію, признающему менѣе отвлеченнаго Бога, не совсѣмъ чуждаго міру, нравственныя обязательства и даже вѣру ³⁾.

Въ лицѣ Муздара мутазилиты, вопреки Мухаммеду, горячо возставали противъ ученія суннитовъ, что Куранъ не сотворенъ. Муздаръ поддерживалъ эту мысль такимъ силлогизмомъ: если Куранъ вѣченъ, то существуютъ два вѣчныхъ существа:— Богъ и Куранъ, а это противорѣчитъ ученію самого Курана ⁴⁾,

¹⁾ Kremer, op. cit., стр. 126. прим. 17.

²⁾ Steiner, op. cit., стр. 82.

³⁾ Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, хотя первоначальные мутазилиты и отличались смѣлостью философской мысли, но тѣмъ не менѣе не обладали почти ни однимъ точно опредѣленнымъ положеніемъ своего ученія, вслѣдствіе чего послѣдующіе партизаны мутазилитства, не пускаясь въ глубь метафизики, старались исправить этотъ недостатокъ своихъ предшественниковъ установленіемъ болѣе или менѣе положительныхъ принциповъ (Steiner, op. cit., стр. 84).

⁴⁾ Менѣе рѣшительные утверждали только, что несотворенный Куранъ находится на небѣ, на священномъ столѣ, одесную престола Божія; Куранъ

ergo: Куравъ не вѣченъ, Куранъ сотворенъ; если же Куранъ сотворенъ, то, въ виду неизмѣняемости божественной субстанции, его уже нельзя къ ней приравнивать. Этимъ положеніемъ подрывался уже самый догматъ божественнаго происхожденія Курана и его боговдохновенности. Ученіе мутазилитовъ о будущей жизни весьма не согласуется съ ученіемъ о томъ же суннитовъ. Они объясняли аллегорически всѣ мѣста, касающіяся будущей жизни. Въ этомъ они зашли такъ далеко, что толковали иносказательно не только наслажденія рая и мученія ада ¹⁾, но даже самое предстоянiе предъ Божествомъ понимали въ смыслѣ созерцанія вѣчнаго разума ²⁾. Этотъ вѣчный разумъ, учили они, изъ котораго истекають идеи—типы существующихъ предметовъ, предстанетъ тогда мысленнымъ очамъ людей, какъ луна, не подернутая тучами, во всемъ своемъ блескѣ.

О душѣ воззрѣнiя мутазилитовъ также не сходились съ ученіемъ суннима. Сунниты утверждали, что души умершихъ продолжаютъ жить до скончанія міра нераздѣльно съ тѣломъ. Мутализиты же учили, что одна душа живетъ послѣ смерти, тѣла же умершихъ будутъ оживлены въ день страшнаго суда.

Позднѣйшіе мутазилиты все болѣе и болѣе удалялись отъ принциповъ строгаго правовѣрiя. Ихъ стремленія освѣтить религію разумомъ не удовлетворялись Кураномъ. Въ греческой философіи, у перипатетиковъ, искали они разрѣшенія своимъ сомнѣніямъ. Секта, что весьма естественно, подраздѣлялась на толки. Въ главнѣйшихъ своихъ положенiяхъ всѣ мутазилиты сходились, однако, другъ съ другомъ. Всѣ они отрицали существованіе атрибутовъ божіихъ, оспаривали возможность представленія Бога въ человѣческомъ образѣ ³⁾, признавали за человѣкомъ полную свободу воли, утверждали, что всѣ

же Мухаммеда есть лишь списокъ съ того несотвореннаго, вѣчнаго, на небѣ находящагося Курана (Kremer, op. cit., стр. 248).

¹⁾ Впрочемъ, первоначальные мутазилиты мѣста Курана о раѣ и адѣ понимали буквально.

²⁾ Steiner, op. cit. стр. 80.

³⁾ Сунниты слова Курана: „Вы увидите вѣкогда Господа нашего также хорошо, какъ вы увидѣли полную луну во время битвы при Бедрѣ“—понимали вполне буквально.

истины, необходимы для спасенія, принадлежать области разума, что ихъ, при помощи его, можно воспріять до откровенія также хорошо, какъ и послѣ него, такъ что чело-вѣкъ, какъ имѣющій разумъ, долженъ всегда обладать этими истинами; они учили, что Куранъ сотворенъ, хотя Мухаммедъ поучалъ противному; отвергали возможность чудесъ, описанныхъ въ Куранѣ, и, относясь критически къ дѣйствіямъ пророка, смѣло указывали на многія слабыя стороны его личности, какъ напр., неумѣренное женолюбіе. Къ этимъ основнымъ положеніемъ впослѣдствіи мутазилитскіе толки прибавляли каждый немало своего ¹⁾. Но при всемъ томъ мутазилиты заслуживаютъ полнаго къ себѣ вниманія. Они не удовлетворились, подобно суннитамъ, обрядовой стороной религіи, пятикратной ежедневной молитвой, омываніемъ, раздачей милостыни, соблюденіемъ зеката ²⁾ и постовъ ³⁾. Они стремились одухотворить

¹⁾ Нѣкоторые, напр., допускали переселеніе душъ или учили, что животныя, подобно людямъ, составляютъ свою религіозную общину со своимъ пророкомъ во главѣ. Другіе склонялись въ сторону идей христіанства, смѣшанныхъ съ вѣрованіемъ шитовъ въ Махди.

²⁾ и ³⁾ Зекать есть обязательная для cadaго правовѣрнаго подача милостыни сообразно съ размѣромъ имущества. Есть много мѣстъ въ Куранѣ, гдѣ эта обязанность предписывается вообще заодно съ молитвою (Кур. II, 2, 40, 77, 104, 172, 255, 277; III, 15; IV, 79, 160; V, 15, 60; VIII, 5; IX, 18, 72, 104, 105; XIV, 32; XIX, 32, 56; XXI, 73; XXII, 42, 78; XXIII, 4, 62; XXIV, 37, 55 и т. д.), причемъ очищеніе имущества отъ скверны грѣха выставляется какъ *raison d'être* ея. Имущества, подлежащія зекату, суть всѣ предметы собственности, приносящія выгоду, а именно: скотъ, цѣнности, произведенія полей, произведенія деревьевъ, товары. Доходъ, получаемый отъ зеката, раздѣляется между бѣдными, нуждающимися, сборщиками, обращенными въ исламъ или склоняющимися къ его принятію, должниками, несостоятельными, рабами, воинами и путешественниками. Слѣдующія же лица не получаютъ ничего изъ доходовъ зеката: Бену-Гашимъ и Бену-л-Муталибъ, т.-е. родственники пророка и ихъ потомки, лица, содержимыя плательщикомъ податей (т.-е. жены его, дѣти и рабы) и невѣрующіе (Основн. начала мусульм. права Фанъ-дентъ-Берга. Спбургъ, 1882, стр. 34—39).—Обязательный постъ у мусульманъ—въ теченіе одного мѣсяца рамазана, такъ какъ Мухамедъ въ этотъ мѣсяць получилъ первое откровеніе (Кур. XLVI, 1—5). Въпродолженіе дней этого мѣсяца мусульмане соблюдаютъ строгое воздержаніе, ночами же (такъ какъ поститься слѣдуетъ только днемъ), они предаются всевозможнымъ излишествамъ, стараясь тѣмъ наверстать потерянное время. Необязат. посты: „бѣлые дни“, т.-е. 13, 14 и 15-го cadaго мѣсяца, — дни, когда луна достигаетъ высшей точки на

мыслью мертвящую обрядность ислама, они хотѣли освѣтить разумомъ то, что имъ давалъ Куранъ. Они не погрязли въ рутинѣ обрядности, какъ сунниты, они жаждали истины и всѣмъ сердцемъ стремились къ ней. Нерѣдко впадали они въ заблужденія. Нерѣдко, смѣло развивая свои теоріи, они противорѣчили самимъ себѣ: никогда и ни въ чемъ не заблуждается лишь тотъ, кто никогда и ни о чемъ не мыслить.

Не легко было суннитамъ бороться съ мутазилистами. Сунниты мало смыслили въ греческой философіи, знакомой мутазилистамъ, и не имѣли навыка въ діалектикѣ, въ которой такъ были сильны ихъ противники. Сунниты, однако, боролись, какъ могли. Они проповѣдывали золотую середину, утверждая, что тѣ мѣста Курана, которыя подвергаются анализу разума, должны быть объясняемы до возможной ихъ ясности; тѣ же, гдѣ умъ ничего не въ состояніи сдѣлать, должны быть понимаемы вполне буквально.

„Господь возсѣдаетъ на тронѣ, читаемъ мы въ Куранѣ, говоритъ знаменитый Маликъ, основатель маликитской школы ¹⁾, — это безспорно. Какимъ образомъ возсѣдаетъ онъ на тронѣ своемъ, мы не знаемъ; намъ нужно слѣпо вѣрить въ это и только, — всякое сомнѣніе на этотъ счетъ есть ересь!“

небѣ; понед. и четв. каждой недѣли; 9 и 10 числа мѣсяца мухаррама; во время солнечн. и лун. затмѣній и большой засухи (Ibid., 41—42).

¹⁾ У суннитовъ существуетъ четыре богословскихъ ортодоксальныхъ толка, комментирующихъ каждый по своему Куранъ и основанные на немъ принципы юриспруденціи, творцами которыхъ были: Абу-Ханифа (ум. 767 г.), персъ по рожденію, жившій въ Иракѣ, Маликъ (ум. 795), знаменитый ученый Медины, Аш-Шафи († 820), курайцитъ, подобно Мухаммеду, и Ибнъ-Гамбаль († 855), преподававшій въ Багдадѣ. Эти четыре ученые были въ общихъ чертахъ согласны другъ съ другомъ въ объясненіяхъ догматовъ и обрядовъ. Ученики же ихъ, которые и до нашихъ дней носятъ названіе ханифитовъ, маликитовъ, шафитовъ и гамбалитовъ, расходясь другъ съ другомъ въ весьма значительной степени въ объясненіяхъ Курана и Сунны, отличаются главнымъ образомъ другъ отъ друга духомъ своего ученія. Гамбалиты — это пуритане Востока; въ ученіи о Богѣ они впадаютъ въ грубый антропоморфизмъ. Не разъ во имя религіи они подымали знамя возстанія, особенно въ послѣдніе годы правленія Абассидовъ въ Багдадѣ. Они проникали въ дома, уничтожали предметы роскоши и яростно истребляли музыкальные инструменты. Ханифиты придерживаются воззрѣній болѣе либеральныхъ. Шафиты и маликиты составляютъ средину между ними (Dozy, op. cit., стр. 234).

Наиболѣе выдающимися борцами за правовѣріе являются Ал-Газали и Ашари.

Аму-Хамедъ-Мухаммедъ-ибнъ-Мухаммедъ-Газали родился въ гор. Тусѣ, въ Хорасанѣ, около 1058 года, умеръ же около 1111. Отецъ его былъ хлопчатобумажный торговецъ; отсюда и прозваніе Газали. Газали учился мусульманскому богословію въ Багдадѣ и Нишапурѣ. Сначала Газали былъ страстнымъ поклонникомъ свободы мысли, но впоследствии, видя, какъ эта свобода яростно нападаетъ на ту самую религію, во имя которой она ратуетъ, Газали перешелъ на сторону суннитовъ и сдѣлался горячимъ защитникомъ правовѣрія. Но онъ не былъ его рутиннымъ защитникомъ. Съ удивительною мягкостью и терпимостью относился онъ ко мнѣніямъ своихъ противниковъ. Его апологія ислама имѣла въ высшей степени изящную форму ¹⁾. Подъ конецъ жизни, однако, онъ впалъ въ мистицизмъ и примкнулъ къ суфіямъ. Признавая большую часть идей Курана ²⁾, Газали имѣетъ свое особое, исключительное міровоззрѣніе, близкое къ міросозерцанію суфіевъ. Существуютъ не однѣ истины, воспринимаемыя разумомъ, говоритъ онъ, есть и такія, которыя не могутъ быть постигнуты нашимъ пониманіемъ; мы принимаемъ ихъ, хотя не въ силахъ признать ихъ логически; нѣтъ ничего неразумнаго въ предположеніи, что, помимо области разума, существуетъ другая область, область божественнаго проявленія; ея законовъ мы не знаемъ; разумъ, однако, долженъ признать возможность ея существованія ³⁾.

Другой крупный защитникъ правовѣрія былъ Абу-л-Хасанъ-ал-Ашари (ум. въ 941 г.). Сначала Ашари былъ ревностнымъ поборникомъ ученія мутазилитовъ. Но потомъ, въ силу искренняго убѣжденія, онъ перешелъ къ суннитамъ. Его переходъ на сторону правовѣрія былъ событіемъ такой громадной важности въ религіозной жизни ислама, что мусульмане этотъ переходъ объясняли чудомъ. Однажды, го-

¹⁾ Steiner, *op. cit.*, стр. 12.

²⁾ Обзоръ главнѣйшихъ положеній теоріи Газали см. у Kremer'a, *op. cit.*, стр. 44—46.

³⁾ Sédillot, *Histoire des Arabes*, p. 401.

ворять они, явился къ Ашари во снѣ пророкъ, доказаль ему его заблужденія и наставиль на путь истины.

Но исторія передаетъ намъ слѣдующія обстоятельства, при которыхъ совершилось отпаденіе Ашари отъ мутазилитства.

Однажды, бесѣдуя со своимъ учителемъ, знаменитымъ мутазилитскимъ ученымъ Ал-Джуббаи, Ашари завель слѣдующій разговоръ.

— Представимъ себѣ, сказалъ ему Ашари, трехъ братьевъ: одинъ былъ истинно вѣрующій и благочестивый человѣкъ, другой невѣрующій, третій—ребенокъ. Представимъ себѣ дальѣе, что всѣ трое умирають. Скажи мнѣ, какая участь ожидаетъ ихъ?

— Вѣрующій, отвѣчалъ Джуббаи, достигнетъ неизмѣримой высоты на небесахъ, невѣрующій попадетъ въ адъ, а ребенокъ, хотя и будетъ спасенъ, но, однако, не будетъ превознесенъ наравнѣ со своимъ вѣрующимъ и благочестивымъ братомъ.

— Представимъ себѣ, продолжалъ Ашари, что ребенокъ возгорѣлся желаніемъ подняться на ту же высоту, на которой находится братъ его,—будетъ ли ему это дозволено?

— Нѣтъ; ему скажутъ: братъ твой достигъ своего мѣста благодаря постоянному послушанію волѣ Божіей, которое онъ много разъ высказываль въ своей жизни: ты же не дѣлалъ этого.

— А если ребенокъ отвѣтитъ: въ томъ не моя вина: Богъ далъ мнѣ мало жизни и тѣмъ лишилъ меня возможности выказать ему мою готовность повиноваться его волѣ.

— На это Господь возразить ему: я зналь, что если бы я дароваль тебѣ болѣе продолжительную жизнь, ты сдѣлался бы ослушникомъ моей воли и заслужиль бы мученія ада. Назначивъ тебѣ раннюю смерть, я сдѣлалъ тебѣ тѣмъ благо.

— Хорошо! Но представъ себѣ, что невѣрующій, услыша это, скажетъ: Алла! Ты зналь также, что и меня ожидало, почему же ты не сдѣлалъ для меня такъ, какъ было бы для меня лучше?

— Ты одержимъ нечистой силой, если позволяешь себѣ подобныя разсужденія! вскричалъ въ негодованіи Джуббаи.

— Ничуть! Ты же не можешь, я вижу, разрѣшить моихъ сомнѣній, отвѣтилъ спокойно Ашари ¹⁾).

Съ того времени, мало по малу, онъ сталъ расходиться съ мутазилистами и кончилъ открытымъ торжественнымъ отреченьемъ отъ нихъ. Сунниты сначала не довѣряли искренности его обращенія въ правовѣрїе и относились къ нему недовѣрчиво: ихъ пугала философія, даже когда она защищала исламъ! Гамбалиты выказывали открыто къ нему враждебность. Когда онъ умеръ, они хотѣли вырыть его трупъ и предать его сожженію, и привели бы свой замыселъ въ исполненіе, если бы правительство не воспрепятствовало этому. Но они не успокоились и возобновили первоначальную попытку. Кончилось тѣмъ, что пришлось скрыть то мѣсто, гдѣ Ашари былъ погребенъ.

Но не всѣ относились къ философу съ такой же враждой. У него было много истинныхъ поклонниковъ, и заслуги его, оказанныя правовѣрїю, оцѣнились по достоинству. Мало по малу слава его все росла и росла и, наконецъ, его стали считать непогрѣшимымъ. На несогласныхъ съ его воззрѣніями смотрѣли прямо, какъ на невѣрныхъ.

Главный атрибутъ Бога, по ученію Ашари, — творческая сила. Богъ Ашари видитъ и слышитъ и праведники узрятъ въ раю его величіе. Но это не антропоморфизмъ узкаго правовѣрїя. Ашари постоянно развиваетъ доктрину духовности божества, проявляющейся въ неизмѣримомъ количествѣ вмѣщаемыхъ имъ въ себѣ совершенствъ.

Въ ученіи о свободѣ воли Ашари рѣзко расходится съ мутазилистами. Послѣдніе ставили нравственный законъ („категорическій императивъ“ Канта) выше предписаній религіи: Богъ, по ихъ ученію, есть абсолютное добро и отождествленъ съ моральнымъ закономъ. Ашари оспариваетъ эту доктрину и подчиняетъ нравственный законъ исламу; нравственный законъ истекаетъ изъ религіи.

Система Ашари прилежно разрабатывалась мусульманскими богословами. Въ своей позднѣйшей формѣ она уже не имѣетъ чисто догматическаго характера, но касается вопросовъ философскихъ.

¹⁾ Dozy, op. cit., стр. 252.

Мутазилиты и правовѣрные боролись, однако, не только днимъ словомъ и перомъ, но и менѣе миролюбивыми средствами.

Въ 1017 и 1018 годахъ халифъ Кадиръ ¹⁾ воздвигъ сильнѣйшее гоненіе на мутазилитовъ (и другія секты). Ихъ' распинали, сажали на колья, отрубали головы и цѣлыми массами высылали изъ предѣловъ халифата. Но и мутазилиты не оставались въ долгу. При халифѣ Ал-Мамунѣ (813—833) ²⁾ и Ватыкѣ (842—847 г. ³⁾, когда мутазилиты были въ силѣ, благодаря сочувствію къ ихъ ученію халифовъ и покровительству, оказываемому ими сектантамъ, они высказывали въ отношеніи своихъ противниковъ безпримѣрную жестокость.

При халифѣ Мутевеккилѣ (847—861) ⁴⁾ правовѣріе торжествовало побѣду. Куранъ былъ провозглашенъ вѣчнымъ, несотвореннымъ, и все то, что было сдѣлано для сектантовъ Ал-Мамуномъ, было отмѣнено.

Время халифа Мутевеккилля отличается крайней религіозной нетерпимостью. При немъ начались сильнѣйшія преслѣдованія не только мутазилитовъ, но вмѣстѣ съ ними и христіанъ, и евреевъ ⁵⁾, пользовавшихся до сего времени сравнительной свободой вѣры. Переходъ Ашари на сторону правовѣрія нанесъ мутазилитамъ неизлѣчимую рану, отъ которой они уже никогда не могли оправиться. „Мутазилиты, говоритъ одинъ мусульманскій авторъ, нѣкогда высоко держали голову, но ихъ царство кончилось, когда Богъ послалъ Ашари“ Съ XI в. мутазилиты не имѣли уже ни одного ученаго съ именемъ. Съ этого времени ихъ сила и вліяніе стали падать и они никогда уже не могли сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они были прежде. Они, однако, не исчезли окончательно и, вѣроятно, горсть ихъ существуетъ и до сего времени ⁶⁾, въ нѣкоторыхъ полосахъ Аравіи. Современныя секты ибадитовъ и зейдитовъ

¹⁾ Weil, Geschichte der Chalifen, ч. III, стр. 45.

²⁾ Ibid, ч. II, стр. 198.

³⁾ Ibid, ч. II, стр. 337.

⁴⁾ Ibid, ч. II, стр. 347.

⁵⁾ Впервые преслѣдованія христіанъ начались при халифѣ Омарѣ.

⁶⁾ Dozy, op. cit., стр. 256.

въ Іеменѣ, Триполи и Алжирѣ сохранили много догматовъ мутазилитскаго толка.

Такъ боролись сунниты съ мутазилитами и, чѣмъ болѣе боролись, тѣмъ болѣе воспламенялись обоюдной враждой, недопуская никакой перемирія, никакихъ компромиссовъ. Суннизмъ гордо ушелъ въ самого себя, съ презрѣньемъ отвергнувъ все то, что, для пользы ислама, могъ бы почерпнуть въ ученіи мутазилитовъ, полномъ гуманности, свѣтлыхъ идей и образовъ, проникнутомъ жаждою примирить религію съ философіей, очистить вѣру отъ предразсудковъ, оживить мертвую букву Курана и осяслить рутину, въ которую превратился мало по малу завѣтъ творца ислама.

Въ 9-мъ вѣкѣ гиджры у суннитовъ появился уже катехизисъ ¹⁾. Строго правовѣрные ни на одну іоту не отступали отъ него, считали его чуть не непогрѣшимымъ. Въ немъ встрѣчаются, однако, несогласимыя противорѣчія. Такъ о предопредѣленіи, вопросѣ важнѣйшемъ для каждаго мусульманина, онъ учитъ въ слѣдующихъ, совершенно непонятныхъ, по нашему мнѣнію, выраженіяхъ.

„Всѣ дѣйствія людей совершаются по волѣ Творца, Онъ знаетъ о нихъ и заранѣе не даетъ имъ совершиться (если такъ Ему угодно); всѣ добрыя дѣла неизбѣжно совершаются по приказанію Божію, его любовью, добрымъ изволеніемъ, предвидѣньемъ, по волѣ его, въ силу предопредѣленія; то же и относительно злыхъ дѣлъ: они совершаются въ силу его предвидѣнія, по волѣ его, но ни любовью, ни добрымъ изволеніемъ, но по его приказанію“.

Врядъ ли можно уяснить себѣ смыслъ этихъ словъ. Какую установить грань между волей Бога и его приказаніемъ? Приказаніе его не есть ли слѣдствіе его воли? Все, что совершается, есть результатъ его воли: самая воля его есть въ то же время и приказаніе.

¹⁾ Наибогѣе замѣчательные изъ катехизисовъ: „Фикхъ-ал-акбаръ“ и катехизисъ Назафи, пользующійся до сего времени большимъ уваженіемъ на Востоку, особенно у турокъ. Онъ предлагаетъ, какъ строго установленный догматъ, ученіе о несотворенности Курана и о лицезрѣніи праведниками Господа въ раю тѣлесными очами (а не умственнымъ окомъ, какъ учили мутазилиты).

Говоря о мутазилитахъ, нельзя обойти молчаніемъ секту морджитовъ, имѣющую общія черты съ ученіемъ мутазилитовъ. Одинъ изъ первыхъ мутазилитскихъ богослововъ Абу-Мерванъ-Хайланъ Дамасскій ¹⁾ былъ морджитъ. Ученіемъ морджитовъ были проникнуты и многія сочиненія знаменитаго основателя секты мутазилитовъ Васыля-ибнъ-Атâ, о которомъ подробно мы говорили выше.

О сектѣ морджитовъ ²⁾ намъ извѣстно весьма немного ³⁾. Она процвѣтала приблизительно между 670 и 767 годами. Морджиты занимались, главнымъ образомъ, вопросами о вѣрѣ и безвѣріи и о воздаяніи за дѣла на томъ свѣтѣ. Они были противъ фатализма, не оспаривая, однако, догмата предопредѣленія. Надеждою на благодать и милость Творца проникнута вся ихъ религіозная система.

Гуманные взгляды морджитовъ въ высшей степени замѣчательны въ описываемую нами эпоху фанатизма и религіозной нетерпимости. Въ то время, какъ хариджиты отвергали возможность спасенія для человѣка, разъ тяжко согрѣшившаго, морджиты, напротивъ, утверждали, что спастись никогда не поздно, ибо милосердіе Творца неизмѣримо.

Въ уцѣлѣвшемъ доннѣ стихотвореніи арабскаго поэта Табита Котнаба, временъ халифа Абд-ул-Малика (685—705), мы знакомимся въ общихъ чертахъ съ міровоззрѣніемъ этой замѣчательной и, къ сожалѣнію, мало изслѣдованной секты. Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія ⁴⁾

„О, Гиндъ, я чувствую, что жизнь моя клонится къ закату, ибо силы мои слабѣютъ ⁵⁾. Я еще въ живыхъ только для того, чтобы встрѣтить день, котораго не могу избѣжать ⁶⁾. Если судъ еще не произнесенъ, онъ не замедлитъ совершиться. Я заключилъ союзъ съ Богомъ и, если я останусь вѣренъ этому союзу, я буду наслаждаться (въ раю) съ мучениками. О, Гиндъ! выслушай меня! Вѣра наша состоитъ

¹⁾ Scholl, op. cit., стр. 361.

²⁾ Секта основана между 670 или 680 и 718 гг. (Scholl, op. cit., стр. 308).

³⁾ Ibid., стр. 355.

⁴⁾ Kremer, Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams, Leipzig, 1873, стр. 3—5.

⁵⁾ Поэтъ обращается къ женѣ или любовницѣ.

⁶⁾ День страшнаго суда.

въ почитаніи единого Бога. Мы не знаемъ природы вещей и поэтому не произносимъ нашего суда надъ ними. Мы одобряемъ приговоръ, произнесенный надъ несправедливыми и мятежными ¹⁾).

Всѣ мусульмане составляютъ, по нашему мнѣнію, единую религіозную общину. ²⁾).

Невѣрные равны между собою, сколько бы ни было у нихъ толковъ. Но я не допускаю мысли, чтобы одинъ грѣхъ могъ сравнять съ невѣрными того, кто вѣритъ въ единого, вѣчнаго Бога“ ³⁾).

Нѣсколько далѣе:

„Османъ и Али будутъ судимы по дѣламъ ихъ, я же не могу сказать, слѣдовали ли они завѣтамъ откровенной книги. Господь знаетъ, какія дѣла представляютъ они (въ день страшнаго суда). Ибо настанетъ день, когда всякій рабъ Божій предстанетъ предъ лицо Его!“

Закончимъ главу упоминаніемъ еще о двухъ сектахъ, — о джабаритахъ и сифатитахъ, изъ которыхъ первые имѣли въ своемъ ученіи нѣкоторыя общія черты съ теоріей мутазилитовъ, вторые же, наоборотъ, являлись въ ученіи объ атрибутахъ божіихъ яростными ихъ противниками.

Джабариты ⁴⁾), подобно мутазилитамъ, отвергали атрибуты Божіи и утверждали, что Куранъ сотворенъ.

Несогласнымъ съ системою мутазилитовъ является у джабаритовъ ученіе о предопредѣленіи, получившее у нихъ весьма сильное развитіе. Мутазилиты, не отвергая догмата о предопредѣленіи, приписывали человѣку извѣстную долю свободы воли: джабариты же почти совсѣмъ лишили человѣка свободы воли, сдѣлавъ изъ него слѣпое орудіе предопредѣленія.

Сифатиты ⁵⁾ являются яростными противниками мутазилитовъ въ ученіи объ атрибутахъ Божіихъ. Мутазилиты отвергали существованіе атрибутовъ Божіихъ, сифатиты же принимали ихъ до такой степени буквально, что впадали въ грубый антропоморфизмъ.

¹⁾ Намекъ на бунтъ противъ Османа.

²⁾ Догматъ морджитовъ.

³⁾ Догматъ морджитовъ, противоположный ученію хариджитовъ.

⁴⁾ и ⁵⁾ Dozy. op. cit., стр. 208—209.

ГЛАВА II.

Шиты.—Возникновение шиизма.—Причины приверженности шиитовъ къ Али.—Обоготвореніе персами домусульманской эпохи своихъ царей и обоготвореніе Али и его потомковъ персами-мусульманами.—Наслѣдственность власти и божественное право у персовъ.—Ученіе шиитовъ о махди,—мессіи мусульманскаго міра.—Возникновение этого ученія и его исторія.—Мухаммедъ „сынъ Ханефитянки“.—Мухтаръ, „намѣстникъ махди“.—Возникновение ученія о скрытомъ имама.—Арійскій мифъ о скрывшемся на время отъ глазъ людей героѣ.—Али, сынъ Хусейна.—Сынъ его Мухаммедъ.—Младшій братъ Мухаммеда,—Зейдъ.—Абу-Муслимъ.—Ал-Моканна.—Шестой имамъ шиитовъ—Джафаръ.—Седьмой имамъ—Муса.—Восьмой имамъ—Али-Риза.—Девятый, десятый и одиннадцатый имамы: Мухаммедъ, Али и Хасанъ.—Исчезновение двѣнадцатаго имама шиитовъ, Мухаммеда, сына Хасана.—Секты въ шиизмѣ.

Секты, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, были опасными только для мусульманства, какъ религіознаго общества. Онѣ не затрогивали государства, оставляя его въ покоѣ. Ихъ тенденціи были чисто религіозно-философскаго свойства. Вопросы государственные были имъ чужды, онѣ держались отъ нихъ въ сторонѣ ¹⁾).

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ являются секты, о которыхъ мы намѣрены говорить въ этой и слѣдующихъ главахъ. Исходя изъ началъ общихъ мутазилитамъ и морджитамъ, онѣ рѣзко отличаются, однако, и своимъ характеромъ и своей дѣятельностью отъ этихъ мирныхъ философскихъ толковъ, съ жаромъ отдававшихся разработкѣ богословскихъ вопросовъ и устремлявшихъ все свое вниманіе исключительно на философско-ре-

¹⁾ Dozy, op. cit., стр. 211.

лигіозную систему ислама. Къ своимъ религіознымъ идеямъ онѣ примѣшивали политическія тенденціи и приняла яркую политическую окраску. Онѣ сдѣлались силой, съ которой пришлось считаться не только церкви, но и государству, и которая нерѣдко ставила правительственную власть почти въ безвыходное положеніе.

Это были—шіиты и явившіяся на почвѣ шіитства секты. При Османѣ, третьемъ халифѣ, мусульмане владѣли уже полными и точными списками Курана, культъ окончательно опредѣлился и установился, исламъ дѣлалъ блестящіе успѣхи, владычество мусульманъ быстро распространялось огнемъ и мечемъ,—рекомендованнымъ самимъ пророкомъ орудіемъ проповѣди его ученія,—исламъ грозилъ уже самому Константинополю, какъ вдругъ въ самомъ исламѣ возникла ожесточенная распря изъ-за правъ наслѣдія властью. Она раздѣлила поклонниковъ пророка на двѣ враждебныя стороны и остановила на время ихъ побѣдоносное шествіе. Эти враждебныя другъ другу партіи были сунниты, приверженцы первыхъ трехъ халифовъ, Абу-Бекра, Омара и Османа, и шіиты, противники трехъ первыхъ преемниковъ пророка и сторонники Али, зятя и двоюроднаго брата Мухаммеда ¹⁾).

Такимъ образомъ основаніемъ этого раскола въ исламѣ, раздѣлившаго его на два враждующіе лагеря, былъ династическій вопросъ о наслѣдіи власти послѣ пророка.

Послѣ смерти Мухаммеда Абу-Бекръ сталъ халифомъ въ силу избранія. Его благочестіе, симпатичный характеръ и умъ приобрѣли ему много сторонниковъ; они-то и поддержали его во время выборовъ. Оппозиція, правда, была, но весьма не серьезная. Большинство голосовъ оказалось на его сторонѣ и Абу-Бекръ былъ избранъ халифомъ. Послѣ него Омаръ и Османъ были не выбраны въ халифы также своими сторонниками, составлявшими избирательное большинство. Никакихъ правъ на власть они не предъявляли, да и не имѣли ихъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ избраніе стояло въ прямой зависимости отъ большинства голосовъ. Имъ только и рѣшалось дѣло, и никакого яснаго и положительнаго принципа престолонаслѣдія,

¹⁾ J. Brown,—The dervishes or oriental spiritualism, 1868, стр. 371—415,—подробная біографія Али.

стоявшаго видѣ возраженій, не существовало. Сторонники Али яростно возставали противъ правъ на власть первыхъ трехъ халифовъ, правъ вполнѣ признаваемыхъ суннитами. Они утверждали, что всѣ права ихъ заключаются лишь въ ихъ избраніи, тогда какъ Али, какъ зять (мужъ Фатимы, дочери Мухаммеда) и двоюродный братъ пророка (сынъ Абу-Талиба, дяди Мухаммеда), имѣетъ неоспоримое право на власть, вслѣдствіе двойного тѣснаго родства съ пророкомъ.

Кто же былъ правъ? Ни тѣ, ни другіе. Арабы не знали наслѣдованія по праву первородства. Такимъ образомъ права на власть Али можно считать законными лишь весьма относительно. Аббасиды, подобно Али, вели свой родъ также отъ одного изъ дядей Мухаммеда. Итакъ, вопросъ ставится такимъ образомъ: кто былъ старше Аббасъ или Абу-Талибъ, отецъ Али ¹⁾? Халифы Абу-Бекръ и Омаръ, хотя и происходили изъ одного рода съ пророкомъ, но, несомнѣнно, находились съ нимъ въ весьма отдаленномъ родствѣ. Не имѣя никакъ основаній считать ихъ за узурпаторовъ (какъ считают ихъ шіиты), такъ какъ они никого не лишали власти, на нихъ нельзя смотрѣть, однако же, иначе, какъ на правителей, избранныхъ народною волею. Что же касается Османа и Омейядовъ (Моавія и его потомки), происходящихъ отъ боковой линіи, имѣющей своимъ родоначальникомъ Косайя, то они, дѣйствительно, менѣе близки съ пророку, чѣмъ Али и Аббасиды. При этомъ нельзя не замѣтить, однако, что родство Али съ Мухаммедомъ чрезъ Фатиму едва ли можетъ давать ему право считаться претендентомъ на халифство, имѣющимъ наибольшія права, какъ это утверждаютъ шіиты, ибо въ такомъ случаѣ Османъ, котораго шіиты, однако же, не признаютъ законнымъ халифомъ, долженъ былъ бы являться отнюдь не менѣе Али основательнымъ претендентомъ въ халифы, какъ женатый послѣдовательно на двухъ дочеряхъ пророка, которыя притомъ же обѣ были старше Фатимы, жены Али.

Шіиты состояли, главнымъ образомъ, изъ персовъ, и въ

¹⁾ Вопросъ этотъ остается открытымъ. Кажется, однако, что Абу-Талибъ былъ самымъ старшимъ изъ сыновей Абд-ал-Мутталиба, а Абдалла, отецъ Мухаммеда, самымъ меньшимъ.

безконечныхъ раздорахъ шиитовъ-персовъ съ суннитами-турками ярче, чѣмъ гдѣ-либо, обрисовывается разница между свободолюбивыми арабами и персами, привывшими къ рабству. Для персовъ выборное начало при избраніи халифовъ было чѣмъ-то совершенно непостижимымъ и невозможнымъ. Они до такой степени издавна привыкли къ строго опредѣленной наслѣдственности власти, что никакихъ другихъ правъ власть и не признавали. Мухаммедъ не оставилъ послѣ себя на сына; ближайшимъ его родственникомъ былъ зять его Али,—слѣдовательно, Али и его потомки и должны получить власть по смерти пророка. Вотъ исходная точка зрѣнія шиитовъ, благодаря которой они не признавали законными халифами Абу-Бекра, Омара, Османа и Омейядовъ. При этомъ, привыкнувъ смотрѣть на своихъ царей, какъ на божествъ въ человѣческомъ образѣ, они перенесли этотъ же взглядъ на Али и его потомство. Безусловное подчиненіе имаму изъ семейства Али—вотъ основной догматъ шиизма. Вѣрный этому принципу шиитъ можетъ во всѣмъ прочимъ обязанностямъ мусульманина относиться какъ онъ хочетъ, исполнять или не исполнять ихъ: спасеніе его души обезпечено уже тѣмъ, что онъ преклоняется предъ волей имама, т.-е. законнаго вождя ислама ¹⁾, ведущаго свой родъ отъ обоготворяемаго имъ Али, и отрицаетъ законность трехъ первыхъ халифовъ и Омейядовъ. Имамъ для шиита составляетъ все,—это Богъ, принявшій на время оболочку смертнаго.

Когда возгорѣлась вражда между Али и Омейядами, персы сразу примкнули къ Али: принимая сторону побѣжденнаго, они возставали противъ побѣдителей ²⁾. Съ силою вырвалось наружу національное чувство! Персы не думали вернуться къ своей прежней религіи, но, оставаясь мусульманами, они перешли въ лагерь, враждебный ихъ побѣдителямъ-арабамъ. При этомъ въ глазахъ ихъ Али имѣлъ всѣ права на власть послѣ пророка, какъ зять его и двоюродный братъ. Борясь за права на власть Али, персы боролись за дорогой имъ принципъ

¹⁾ О значеніи слова „имамъ“ см. примѣчаніе ниже.

²⁾ Le Mahdi, depuis les origines des l'Islâm jusqu'à nos jours, par James Darmesteter, Paris, 1885, стр. 20.

наслѣдственности власти и тѣмъ самымъ за божественное право.

Весь династическій вопросъ у персовъ держался на божественномъ правѣ, принципѣ, общемъ всѣмъ арійскимъ племенамъ въ первичномъ періодѣ ихъ развитія. Персы, какъ индусы и греки гомеровской эпохи, глубоко вѣрили, что между людьми существуютъ особые роды, потомки боговъ, которымъ принадлежитъ неоспоримое право господства и власти по ихъ божественной природѣ. Эти властители, „дѣти Зевса“, какъ говорили греки, по вѣрованію персовъ, получали и передавали изъ рода въ родъ божественное пламя, нѣчто вродѣ ореола, идущее съ небесъ, называемое „fargi yaztân“¹⁾, т.-е. слава, исходящая отъ бога. Правитель, въ глазахъ перса, былъ богъ, сынъ бога. На надписяхъ, оставшихся намъ отъ эпохи этихъ властителей, ихъ величаютъ „дивными божественнаго рода“²⁾; въ письмахъ они именуютъ себя „братьями солнца и луны“³⁾, „людьми среди боговъ, богами среди людей“⁴⁾; на коронѣ у нихъ изображался земной шаръ, въ видѣ эмблемы того, что они составляютъ ось или полюсъ человѣчества⁵⁾.

Персія вѣрила, что при Сассанидахъ, впродолженіи четырехъ столѣтій, она была славна и могущественна только потому, что все это время верховная власть надъ ней оставалась въ одномъ и томъ же божественномъ родѣ. Сами великіе Сассаниды не чувствовали бы себя вполне прочными на тронѣ, еслибы не породнились сначала чрезъ парянъ и наслѣдниковъ Александра Македонскаго съ родомъ Ахеменидовъ, прямыхъ наслѣдниковъ первыхъ мифическихъ героев Авесты,

¹⁾ Darmesteter, op. cit., стр. 22.

²⁾ „Bagi minocitri min yaztân“ (Darmesteter, op. cit., стр. 104),—пехлевійская надпись.

³⁾ Darmesteter, op. cit., стр. 22.

⁴⁾ „Rex regum Sapor, particeps siderum, frater solis et lunae, Constantio Caesari, fratri meo, salutem plurimam dico“ Аммианъ Марцелинъ. XVII.— „Χοσρόης βασιλεὺς βασιλέων... ἐν Θεοῖς μὲν ἄνθρωπος ἀγαθὸς καὶ αἰώνιος, ἐν δὲ τοῖς ἀνθρώποις Θεὸς ἐπιφανέστατος, ὑπερένδοξος, νικητὴς, ἡλίω συνανατέλλον καὶ τῇ νυκτὶ χαριζόμενος ὄμματα“... Theophylactus Simocatta, IV, 8.

⁵⁾ Adr. de Longpérier, Oeuvres, I, 79. О мистическомъ значеніи слова „полюсъ“ (котбъ) у суфіевъ см. Silvestre de Sacy, Journal des Savants, 1822.

Феридуна и Джемшида. По мнѣнію персовъ, паденіе ихъ родины началось именно съ того самаго времени, когда узурпація порвала небесами хранимую линію правителей божественнаго рода.

Отсюда совершенно ясно, что для перса, увѣровавшаго въ исламъ, домогательство и торжество Омейядовъ было чудовищнымъ поруганіемъ права и правды.

Раньше мы уже сказали, что персы, привыкши издавна смотрѣть на своихъ царей, какъ на божествъ въ человѣческомъ образѣ, перенесли этотъ взглядъ и на Али. Али въ глазахъ шитовъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ божества и изъ почитанія его памяти созданъ строго опредѣленный культъ, обратившійся современемъ въ религію. Шиты учили, что въ Али была частица божества, что онъ не умеръ, что онъ живымъ взятъ на небо. Шиты чувствовали его присутствіе въ бурѣ, слышали его голосъ въ раскатахъ грома и трепетали отъ его гнѣва, поражаемые блескомъ молніи.

Это обоготвореніе началось еще при его жизни. Не разъ поклонники его говорили ему: „Ты богъ!“ Али, очень скромный и глубоко религіозный, приходилъ въ негодованіе отъ такого возвышенія его собственной личности и приказывалъ рубить головы тѣмъ, кто величалъ его богомъ. Преданіе говоритъ, что отрубленные головы, ватясь съ плечъ казненныхъ, громко выкрикивали: Али, ты богъ! ¹⁾

Али оставилъ двухъ сыновей, — Хасана и Хусейна. Хасанъ былъ отравленъ Омейядами; Хусейнъ, повинутый во время борьбы своими сторонниками, которые сами же призвали его стать во главѣ алидовъ, былъ, послѣ отчаяннаго, геройскаго сопротивленія, звѣрски умерщвленъ въ Кербелѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Это трагическое событіе послужило пер-

¹⁾ Первый, кто началъ проповѣдывать теорію воплощенія божества въ личности Али, былъ принявшій исламъ еврей изъ Іемена, — Абдалла-ибнъ-Саба, жившій во времена Османа, основатель секты крайнихъ алидовъ. (См. объ этой сектѣ у Шарастани, „Секты и школы“, пер. Гаарбрюккера). До нашихъ дней эта теорія проповѣдуется сектою Али-Иллаги, учащей о послѣдовательномъ воплощеніи божества въ личностяхъ избранныхъ Богомъ людей, а также сектою Езидовъ (Kremer, op. cit., стр. 13), главный пророкъ, которыхъ, Али-Ади-ибнъ-Музаффаръ († 1160 нашей эры), выдавалъ себя за воплощеніе божества.

самъ темою театральнаго зрѣлища, носящаго строго религіозный характеръ, изъ года въ годъ повторяемаго и заставляющаго персовъ и по сіе время проливать слезы горести и издавать вопли гнѣва и проклятiя ¹⁾).

Итакъ, первый, основной догматъ шиизма—это обоготвореніе Али и его потомства.

Вторымъ по важности догматомъ шиитскаго толка является ученіе объ имамѣ-махди, въ высшей степени развитое шиитами и игравшее и до сего времени играющее большую роль не только въ шиизмѣ, но и во всемъ мусульманскомъ мірѣ.

Познакомимъ теперь читателя съ ученіемъ о махди и изложимъ здѣсь возможно полнѣе его возникновеніе и его исторію.

Когда Мухаммедъ началъ проповѣдывать свою вѣру, въ Аравіи. вмѣстѣ съ идолопоклонствомъ, существовало три религіи,—іудейство, христіанство и религія Заратустры, т.-е. та религія, которая господствовала въ Персіи до покоренiя ея арабами и которая проникла и въ Аравію, частію путемъ торговыхъ сношенiй, частію путемъ побѣды арабовъ.

Ученіе Мухаммеда не отличалось оригинальностью. Догматы его вѣры отчасти взяты имъ изъ іудейства, отчасти изъ христіанства. Миѳологія же взята имъ у евреевъ и у персовъ.

Ни одна религія не была, надо признаться, скроена изъ такихъ разнообразныхъ лоскутьевъ, какъ исламъ. Такимъ образомъ многія черты, свойственныя тремъ вышеназваннымъ религіямъ, явились и въ исламѣ.

Одною изъ такихъ чертъ, сродной всѣмъ этимъ тремъ религіямъ, было вѣрованіе въ сверхъестественное существо, долженствующее явиться при концѣ міра и водворить во вселивной порядокъ и справедливость, которыхъ на землѣ нѣтъ, и приготовить людей къ царству вѣчнаго блаженства и безсмертія.

Эта идея, которая носитъ названіе мессіанской, зародившись впервые у евреевъ и, перейдя потомъ всецѣло въ христіанство, получила свое окончательное развитіе подъ влія-

¹⁾ См. объ этомъ подробно у Comte de Gobineau, Religion de l'Asie Centrale, стр. 339, и Chodzko, Théâtre persan, 1878.

ніемъ персидской міеологіи ¹⁾). Отсюда-то поразительное сходство, въ главныхъ чертахъ, въ ученіи о мессіи у христіанъ, евреевъ и персовъ. Во всѣхъ трехъ религіяхъ появленію мессіи должно предшествовать торжество зла на землѣ, олицетворившагося у евреевъ въ „Гогъ и Магогъ“, у христіанъ — въ образѣ апокалипсическаго Звѣря и Антихриста, у персовъ въ лицѣ змія Зогака, воплощеніе Аримана, духа тьмы ²⁾).

Также во всѣхъ трехъ религіяхъ спаситель міра долженъ явиться изъ рода наиболѣе, по народному понятію, знаменитаго: у христіанъ и евреевъ изъ рода царя-пророка Давида, у персовъ — это будетъ Саошіанъ ³⁾, сынъ великаго пророка Персіи Заратустры. Такимъ образомъ и у мухаммеданъ явилось ученіе о мессіи, заимствованное у христіанъ, но видоизмѣненное ими по своему ⁴⁾).

Подобно христіанамъ, мусульмане вѣрятъ, что Іисусъ долженъ, при концѣ міра, стереть съ лица земли Антихриста, носящаго у мухаммеданъ имя Деджала, но роль Іисуса при этомъ будетъ второстепенная. Исламъ признаетъ миссію Христа, но отвергаетъ его божественность. По мнѣнію мусульманъ, отъ сотворенія міра до Мухаммеда являлось на землю пять пророковъ: Адамъ (Адамъ), Ной (Нухъ), Авраамъ (Ибрагимъ), Моисей (Муса) и Іисусъ (Исà); изъ нихъ каждый былъ выше своего предшественника, каждый приносилъ людямъ откровеніе, болѣе полное, болѣе глубокое. Іисусъ выше всѣхъ пророковъ ветхаго завѣта, но ниже пророковъ новаго, даннаго людямъ Мухаммедомъ. При концѣ міра онъ не будетъ играть

¹⁾ Darmesteter, *Le Mahdi*, стр. 10.

²⁾ О Зогакѣ см. „*Ormazd et Abriman*“, Darmesteter, Paris, 1876, § 91—95, 107—110.

³⁾ О Саошіанѣ *ibid.*, §§ 180—192.

⁴⁾ Куранъ ни слова не говоритъ о махди. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что Мухаммедъ предсказывалъ его появленіе. Трудно сказать, какое представленіе имѣлъ о немъ пророкъ. Въ Суннѣ находимъ слѣдующія слова Мухаммеда: „Когда времени останется только день, Богъ поплетъ челоуѣка изъ моего колѣна, который наполнитъ міръ правдой такъ, какъ онъ теперь переполненъ ложью“. (*Prolegomènes d'Ibn-Khaldoun*, II, 166). Есть и еще преданія о словахъ Мухаммеда по поводу долженствующаго явиться при концѣ міра махди: *Miskhâtu-l-Masâbih*, book XXIII, ch. 3; *Hiyatu-l-Qulib Merrick's edit.* p. 342 (*A dictionary of Islâm by Thomas Hughes*, London, 1885, p. 305).

главной роли, а будетъ лишь помощникомъ существа болѣе могущественнаго. Это существо никто иной, какъ махди¹⁾).

Слово *махди* совсѣмъ не значить, какъ объясняютъ нѣкоторые: направляющій; напротивъ, слово *махди*, будучи причастіемъ страдат. отъ арабскаго глагола *хадайя*—направлять, слово въ слово означаетъ: направляемый. Основная идея ислама—это полная невозможность для человѣка самому направлять свои дѣйствія такъ или иначе, самому находить истину, самому становиться на прямой путь, ведущій къ спасенію. По счастью для человѣчества, Богъ посылаетъ ему отъ времени до времени людей, которыхъ онъ одаряетъ знаніемъ, которые могутъ поучать ближнихъ, что имъ нужно и чего не нужно дѣлать: это пророки. Пророкъ самъ по себѣ ничуть не выше прочихъ людей. Онъ становится лучше ихъ только потому, что Богъ, такъ сказать, диктуетъ ему свою волю для передачи ея людямъ, дѣлаетъ изъ него какъ бы носителя своихъ словъ.

Пророкъ направляетъ людей потому, что онъ самъ направляемъ Богомъ, потому что онъ, другими словами, „махди“

Такимъ образомъ, махди—эпитетъ, приложимый къ каждому пророку, даже къ каждому живому существу. Но употребляемое какъ имя собственное, слово махди означаетъ „направленнаго“ Богомъ предпочительно предъ прочими людьми, единственнаго въ своемъ родѣ „махди“, именно того самаго махди, Пророка-Мессію, который долженъ окончить своимъ появленіемъ міровую драму. Шіиты твердо увѣрены, что этотъ махди долженъ происходить изъ рода обоготворяемаго ими Али²⁾. Вотъ почему ученіе о махди, признаваемое всѣмъ мусульманскимъ міромъ, приобрѣло въ шіизмѣ такое выдающееся значеніе.

Итакъ, Иисусъ, по исламу, будетъ помощникомъ махди. Онъ придетъ, чтобы задушить Антихриста, совершить избіеніе

¹⁾ Darmesteter, op. cit., стр. 12.

²⁾ По ученію шіитовъ, этотъ махди долженъ происходить изъ рода обоготвореннаго ими Али на слѣдующемъ основаніи. У шіитовъ сохранилось преданіе, что однажды Али спросилъ Мухаммеда: скажи, пророкъ Божій, будетъ ли махди изъ нашего или иного рода? и получилъ такой отвѣтъ: конечно, онъ будетъ изъ нашего рода; нами Аллахъ долженъ закончить дѣло, которое нами началъ (Prolégomènes d'Ibn-Khaldoun, II, 178).

евреевъ и обратить въ мусульманство христіанъ и язычниковъ.

Исполнивъ все это, онъ будетъ присутствовать при совершеніи махди послѣдняго богослуженія на землѣ, смиренно повторяя за нимъ слова молитвы, какъ это дѣлаетъ каждый правовѣрный въ мечети, повторяя слова молитвы, произносимой имамомъ ¹⁾. Затѣмъ зазвучать трубы, возвѣщающія о концѣ міра и страшномъ судѣ, и Богъ станетъ судить живыхъ и мертвыхъ ²⁾.

Таково въ главныххъ чертахъ ученіе о махди,—основный догматъ шиизма, сближающій его съ христіанствомъ.

Второй сынъ Али и Фатимы, Хусейнъ, умирая, оставилъ десятилѣтняго сына Али, слишкомъ еще юнаго, чтобы служить центромъ партіи недовольныхъ. Но у Али былъ еще сынъ, не отъ Фатимы, называвшійся Мухаммедъ, „сынъ Ханефитянки“ ³⁾. Онъ велъ уединенную жизнь въ Меккѣ, не принимая никакого активнаго участія въ борьбѣ алидовъ, взоры которыхъ, тѣмъ не менѣе, были устремлены на него, какъ на ихъ законнаго вождя. Нѣкто Мухтаръ ⁴⁾ явился мстителемъ за смерть его отца и сталъ въ главѣ партіи, которую

¹⁾ Слово „имамъ“ означаетъ: вождь. Во время общественнаго богослуженія имамомъ именуется духовное лицо, совершающее обрядъ богомоленія въ мечети, слова котораго и движенія повторяются собравшимися. Имамъ у суннитовъ несетъ свою миссію преемственно отъ верховнаго имама, наслѣдовавшаго ее у Мухаммеда. Шииты же, вслѣдствіе того, что, по ихъ ученію, ихъ законный имамъ исчезъ (см. въ дальнѣйшемъ изложеніи), не имѣютъ имамовъ и не считаютъ обязательной молитву въ мечети въ пятницу (Querry, Recueil des lois schyites, I, 85).

²⁾ „Во всѣ вѣка мусульмане твердо вѣрили, что, при концѣ міра, долженъ явиться человекъ, изъ рода пророка, поддержать пришедшую въ упадокъ религію и утвердить на землѣ правду. Привлекши на свою сторону истинно-вѣрующихъ, онъ станетъ владыкою мусульманскихъ царствъ и назовется Ал-махди (направляемый). Тогда придетъ Ал-Деджалъ (Антихристъ), и наступятъ событія, долженствующія означать приближеніе послѣдняго часа (міра), событія, указанные въ книгахъ преданій. По приходѣ Деджала, Исусъ сойдетъ (съ неба) и убьетъ его, или (по мнѣнію другихъ) онъ сойдетъ вмѣстѣ съ махди, чтобы помочь убить Деджала, и, творя молитву, будетъ имѣть махди—имамомъ“ (Prolégomènes d'Ibn-Khaldoun, tr. de Slane, II, 158).

³⁾ Darmesteter, op. cit., стр. 29.

⁴⁾ Dozy, op. cit., стр. 224.

онъ образовалъ его именемъ въ защиту его правъ. Онъ называлъ себя „намѣстникомъ махди“,—первый случай употребленія въ исторіи имени махди.

Этотъ Мухтаръ, отчаянный авантюристъ, интриганъ и честолюбецъ, безъ всякихъ серьезныхъ нравственныхъ и религіозныхъ принциповъ, былъ сначала хариджитомъ, потомъ правовѣрнымъ мусульманиномъ, наконецъ, сдѣлался шіитомъ. Чтобы оправдать свою религіозную неустойчивость, онъ изобрѣлъ слѣдующую оригинальную теорію постоянной перемѣны идей у Бога: у Бога, по этой теоріи, интеллектуальная сила до такой степени могущественна, что у него должны непрерывно мѣняться идеи,—какъ прямое проявленіе этой гигантски развитой интеллектуальности.

Люди же должны въ этомъ слѣдовать Богу и, не стѣсняясь ничѣмъ, постоянно мѣнять свой образъ мыслей¹⁾.

Муххамедъ открыто не признавалъ его своимъ „намѣстникомъ“, однако, и не запрещалъ ему дѣйствовать. Мухтаръ одержалъ блестящую побѣду надъ Омейядами близъ Мосула, въ 686 г., но въ слѣдующемъ, 687-мъ, погибъ. Тѣмъ не менѣе, его труды не пропали даромъ: въ глазахъ его партіи Мухаммедъ неизмѣнно оставался махди. Когда же онъ умеръ, его приверженцы не повѣрили въ его смерть: они рѣшили, что онъ временно скрылся и что онъ вернется. Отсюда ученіе шіитовъ о скрытомъ имамѣ, составляющее самый основной догматъ этой секты. Здѣсь въ первый разъ появляется въ исламѣ миѣъ, свойственный персидской миѣологіи, а также и миѣологіи арійскихъ народовъ вообще: миѣъ о героѣ, котораго считаютъ умершимъ, но который, въ сущности, лишь заснулъ или просто на время скрылся и ожидаетъ часа, чтобы снова появиться и начать дѣйствовать²⁾.

¹⁾ Подробнѣе объ ученіи Мухтара и о мухтарядахъ см. у Шарастани, I гл. I, 166—169; о жизни Мухтара см. хровику Табари, пер. Зотенберга, IV. 80 и слѣд.

²⁾ Darmesteter, Ormazd et Ahriman, §§ 175—179.—Тожественные миѣны встрѣчаемъ мы у многихъ народовъ: у кельтовъ, ожидавшихъ Артура, который отдыхалъ на островѣ Авалонѣ, гдѣ фея Моргана лѣчила его раны, и долженъ былъ снова появиться во главѣ кельтовъ, чтобы прогнать саксовъ и покорить вселенную; сербы ждутъ Марко Кралевича, который до

Это вѣрованіе, повторяемъ, особенно свойственно персамъ.

Персія возросла и воспиталась въ подобныхъ вѣрованіяхъ.

Извѣстнѣйшій миѳъ въ Персіи—это миѳъ о героѣ Керезаспѣ, который, совершивъ на землѣ безчисленное число всевозможныхъ подвиговъ, былъ убитъ, во время сна, туранцемъ. Но, хоть и мертвый, онъ живетъ до сихъ поръ. Десяносто девять тысячъ девятсотъ ангеловъ оберегаютъ его тѣло въ долинѣ Кабула. При концѣ міра, когда змій Зогакъ, воплощеніе Аримана, тщетно закованный нѣкогда Феридуномъ на горѣ Демавендѣ, разорветъ цѣпи, его связывающія, и совершитъ по вселенной свое побѣдоносное шествіе, подобно Антихристу у христіанъ и Деджалу у мусульманъ, Керезаспа возстанетъ отъ сна, чтобы уничтожить его ударомъ палицы.

Кромѣ Керезаспы, у персовъ было много другихъ бессмертныхъ героевъ, которые умерли и ждутъ въ глубинѣ могилъ часа, когда они должны ожить и явиться среди людей для совершенія великихъ подвиговъ, какъ, напр., Хумбіа, Аграерата и паладины царя Кайхозрева. Были, по повѣрью персовъ, и такіе герои, которые не умирали, а въ отдаленныхъ, или даже совсѣмъ невидимыхъ людямъ, мѣстахъ ожидаютъ часа, когда имъ нужно явиться и исполнить на землѣ то, что имъ свыше предназначено. Таковы: Урвататнара, сынъ Заратустры, который пошелъ проповѣдывать ученіе своего отца въ подземное царство Има, Пешотаму, сынъ царя Густаспа, котораго Заратустра напоилъ священнымъ молокомъ и тѣмъ сдѣлалъ бессмертнымъ ¹⁾).

Когда Мухаммедъ, сынъ Али, первый признанный махди, умеръ и исчезли всякія сомнѣвія на этотъ счетъ, прежняя миѳологія персовъ-парсидовъ явилась на помощь, чтобы поддержать чаянія персовъ-мусульманъ въ ихъ новой религіи. Шіиты рѣшили, что Мухаммедъ, сынъ Али, не умеръ, что онъ только сокрытъ на нѣкоторое время отъ глазъ людей близъ Медины, въ долинѣ Радва, до дня, въ который онъ снова явится во главѣ своихъ приверженцевъ ²⁾). Итакъ, шіиты

сихъ поръ спитъ въ пещерѣ; у германцевъ живетъ легенда о Барбарусѣ, спящемъ донмиѣ въ замкѣ Кайзерлаутернѣ, и т. д.

¹⁾ Darmesteter, Le Mahdi, стр. 33.

²⁾ Эта мысль послужила сюжетомъ звучнымъ стихотвореніямъ выдаю-

увѣровали, что Мухаммедъ, сынъ Али, не умеръ, а на время скрылся и современемъ вернется. А между тѣмъ малолѣтній сынъ Хусейна, о которомъ мы упомянули выше, подросъ и взоры алидовъ обратились къ нему, но напрасно: онъ былъ отравленъ, по приказанію халифа.

Сынъ его Мухаммедъ занялъ его мѣсто, но его постигла та же участь.

Младшій братъ Мухаммеда, Зейдъ, былъ провозглашенъ махди и, ставъ во главѣ алидовъ, поднялъ знамя возстанія, но трагически погибъ въ борьбѣ съ халифомъ. Обнаженный трупъ его былъ повѣшенъ на висѣлицу, по приказанію повелителя правовѣрныхъ, а придворные поэты издѣвались надъ мертвецомъ, чтобы угодить намѣстнику пророка: „мы повѣсили вашего Зейда, говорили они, никогда не видѣли мы махди на висѣлицѣ!..“

Но дни Омейядовъ были сочтены. Послѣ вѣкового владычества они сошли съ исторической сцены и уступили свое мѣсто Аббасидамъ¹⁾. Шиты ликовали: они думали, что Аббасиды, которые, только благодаря имъ достигли трона²⁾, будутъ ихъ всячески поддерживать, но жестоко обманулись въ ожиданіяхъ. Происходя изъ рода Мухаммеда черезъ Аббаса, дядю пророка, Аббасиды мнили себя столь же законными преемниками власти основателя ислама, какъ и алиды. Пока длилась борьба съ Омейядами, они были заодно съ алидами, выставляя себя мстителями за смерть Али, но, достигнувъ трона, удалили алидовъ на второй планъ и стали утверждать, чтобы упрочить свои права на власть, что первый махди, Мухаммедъ, „сынъ ханефитянки“, передалъ свое право на халифатъ одному изъ ихъ предковъ³⁾. Въ своихъ притязаніяхъ они основывались также и на апокрифическихъ сказа-

щихся поэтовъ той эпохи.—Котейра (стихотвореніе см. у Darmesteter'a, *Le Mahdi*, стр. 105, прим. 18). и Сейида гиміартянина; стихотвор. см. *ibid.* стр. 36 и 106, прим. 22.

¹⁾ Омейяды были коварно приглашены Аббасидами на пиръ, будто бы съ цѣлью примиренія и всѣ поголовно перерѣзаны. Весь родъ Омейядовъ, въ числѣ 80-ти чел., такимъ образомъ погибъ.

²⁾ Dozy, *op. cit.*, стр. 225—226.

³⁾ *Prolégomènes d'Ibu-Khaldoun*, tr. de Slane, 1, 406.

ніяхъ, передающихъ слѣдующую фразу, сказанную, будто-бы, пророкомъ дядѣ своему Аббасу: „На тебѣ и на твоихъ потомкахъ будетъ зиждиться правовѣріе и власть“¹⁾).

Въ былые дни Аббасиды, стремясь въ трону, рассылали своихъ эмиссаровъ для увеличенія своей партіи.

Самый замѣчательный изъ нихъ былъ Абу-Муслимъ, энергій и неутомимости котораго Аббасиды многимъ обязаны. Достигнувъ трона, они безжалостно казнили этого вѣрнаго слугу ихъ. Вскорѣ въ воображеніи шіитовъ онъ сталъ сначала предтечею махди, а современемъ воплощеніемъ божества.

Апостоломъ этого ученія былъ его ученикъ и ближайшій помощникъ нѣкій шерстобитъ, котораго современники прозвали Ал-Моканна, т.-е. закрытый, ибо, скрывая безобразіе своего лица, онъ ходилъ постоянно въ маскѣ²⁾. Онъ былъ человѣкъ очень хитрый, имѣлъ глубокія познанія въ естественныхъ наукахъ и слылъ за чародѣя. Онъ училъ, что божество воплощалось въ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Мухаммедѣ, Али, сынѣ его, Мухаммедѣ, — „сынѣ ханефитянки“, Абу-Муслимѣ и, наконецъ, воплотилось въ немъ. Онъ имѣлъ большой успѣхъ въ Мервѣ, въ Хорасанѣ. и партія его была многочисленна. Онъ трижды разбивалъ высылаемыя противъ него арміи халифа Ал-Махди. Онъ продержался такимъ образомъ четыре года.

Наконецъ, не имѣя силы бороться, онъ поджегъ самъ свою крѣпость и погибъ.

По другимъ изслѣдованіямъ, Ал-Моканна и всѣ, кто былъ съ нимъ въ крѣпости, не желая попасться въ руки враговъ, приняли ядъ.

Жестоко обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, алиды снова взяли за оружіе. Два брата, Мухаммедъ и Ибрагимъ, подняли въ одно время возстаніе: одинъ въ Аравіи, другой на берегахъ Евфрата и оба погибли. Глава алидовъ, шестой имамъ, Джафаръ былъ отравленъ Аббасидами, подобно его предшественникамъ; седьмой имамъ, Муса, его преемникъ, наслѣдо-

¹⁾ Jélal-uddin-as-Suyûti., History of the Caliphs, tr. Jarett, Calcuta, 1881, p. 43.

²⁾ Dozy, op. cit., стр. 245 –246. Weil, op. cit., II, 101.

валъ ту же участь: онъ былъ отравленъ по приказанію Гарунъ-ар-Рашида.

Далѣе слѣдовали имами Али-Риза ¹⁾, Мухаммедъ, Али и Хасанъ; всѣ они были отравлены ²⁾.

Хасанъ, одиннадцатый имамъ, оставилъ послѣ себя шестилѣтняго сына Мухаммеда. На двѣнадцатомъ году онъ исчезъ, вѣроятно, отравленный, по приказанію халифа. Шиты не захотѣли признать его смерти и, вѣрные своему прежнему любимому мнѣю, объяснили его исчезновеніе временнымъ удаленіемъ съ тѣмъ, чтобы явиться снова при концѣ міра и окончить, такъ сказать, своимъ появленіемъ исторію міра, ибо онъ и есть тотъ желаемый и ожидаемый Махди-Мессія, вѣра въ котораго такъ живуча у шитовъ.

Шиты до сихъ поръ тщетно ожидаютъ появленія двѣнадцатаго, скрывшагося отъ нихъ, имама.

Въ XVI в. алиды взяли, наконецъ, верхъ въ Персіи. Шейхъ, претендующій быть потомкомъ Мұсы, седьмаго имама, положилъ основаніе послѣдней національной династіи Персіи, — династіи Суфи. Но и сами Суфи, хотя и алиды по происхожденію, смотрѣли на себя не иначе, какъ лишь на намѣстниковъ законнаго, скрывшагося имама, могущаго явиться всякую минуту. Въ ихъ дворцѣ, въ Испагани, было всегда наготовѣ два породистыхъ коня въ роскошной упряжи: для законнаго имама — махди, на случай его появленія, и для намѣстника его, — Иисуса Христа ³⁾.

¹⁾ Судьба восьмого имама, Али-Ризы, весьма замѣчательна. Халифъ Ал-Мамунъ, либеральный сынъ либеральнаго отца Харунъ-ар-Рашида, возымѣлъ большую любовь къ алидамъ, приблизилъ ихъ къ трону и даже назначилъ своимъ преемникомъ Али-Ризу, устранивъ такимъ образомъ кандидатуру на престолъ своего родного сына. Черное знамя Аббасидовъ онъ перемѣнилъ на зеленое алидовъ и сталъ открыто высказывать сомнѣнія на счетъ правъ Аббасидовъ на престолъ. Такой образъ дѣйствій халифа вызвалъ противъ него всеобщее негодованіе. Ал-Мамунъ утишилъ начинавшееся противъ него возстаніе, пожертвовавъ жизнью своего любимца. Мѣсто, гдѣ убитъ Али-Риза, носитъ названіе Мешхедъ, т.-е. мѣсто мученичества, и до нынѣ служитъ мѣстомъ паломничества для мусульманъ.

²⁾ О судьбѣ двѣнадцати имамовъ см. подробныя свѣдѣнія Reinaud, — Description, des monuments musulmans du cabinet Blacas, vol. 1, 367—377.

³⁾ Chardin, Voyage en Perse, VII, 456, IX, 144.

Съ воцареніемъ династіи Суфи разрывъ между шиитами-персами и суннитами-турками былъ окончательный и безповоротный. Между двумя народами царила постоянная вражда. Селимъ I вырѣзалъ въ 1514 г. всѣхъ шиитовъ въ своемъ государствѣ: число жертвъ достигло 40,000 человекъ! Въ 1638 г. Мурадъ IV пошелъ войной на Персію, опустошилъ страну и завладѣлъ Багдадомъ. Съ того времени, несмотря на величіе Аббаса I, энергію Надиръ-Шара и мудрое управление Керимъ-Хапа, Персія, непрерывно раздираемая политическими смутами и религіозными возстаніями, никогда уже не могла достигнуть прежней силы.

Какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ въ шиизмѣ явилось множество толковъ, все различіе между которыми заключалось главнымъ образомъ, въ степени обоготворенія, какое каждый имѣлъ къ своимъ имамамъ, затѣмъ въ личности самихъ обоготворяемыхъ имамовъ. Одни остановились на Али, первомъ имамѣ, — какъ, напр., носавриды ¹⁾, — и не признавали дру-

¹⁾ Носавриды, которые сами дѣлятся на множество толковъ, хотя и мусульмане по внѣшнему виду, но съ ненавистью относятся къ рутинѣ ислама и не выполняютъ предписаній Курана. Ихъ ученіе имѣетъ нѣкоторыя черты, общія буддизму и христіанству. Носавриды — пантеисты. По ихъ теоріи, міръ созданъ Богомъ, пребывавшемъ дотолѣ въ бездѣйствіи, чтобы удовлетворить жажду творчества; придетъ время, когда міръ исчезнетъ такъ же неожиданно, какъ создался, и Богъ снова погрузится въ прежній вѣчный покой. Итакъ, Богъ не есть провидѣніе, онъ есть энергія, движущая сила. Порядокъ же во вселенной поддерживается таинственными существами, „пирами“, эманациями божества, чѣмъ то вродѣ „эоновъ“ у гностиковъ. Носавриды безпредѣльно чтятъ „пировъ“ болѣе, чѣмъ само божество. Они вѣрятъ въ постоянную борьбу разума, источника добра, съ вождедѣніемъ, плотскимъ желаніемъ, источникомъ зла. Эта теорія напоминаетъ ученіе Платона о борьбѣ души, пребывающей въ головѣ, съ порочными инстинктами, пребывающими въ желудкѣ. Носавриды ведутъ нравственную жизнь. Молитву отвергаютъ, ибо на Бога смотрятъ, какъ на безличную силу, источникъ энергій, сотворившій и хряпящій вселенную. Они собираются на братскія трапезы, напоминающія собою „аганы“ древнихъ христіанъ. Каждый носаврида долженъ имѣть духовнаго брата, а носавридика — сестру, для которыхъ, въ случаѣ надобности, должны безъ колебанія жертвовать даже жизнью. Носавриды избѣгаютъ всякихъ сношеній съ правовѣрными и живутъ мирно съ сектой Али-Иллаги, христіанами и евреями. Они вѣрятъ въ переселеніе душъ, конечная цѣль переселенія — слиянія съ божествомъ. (Scholl, op. cit. стр. 338 — 342; C-te de Gobineau, — Trois ans en Asie, p. 356 и Cl. Huart, — La poésie religieuse de Nosaëris, 1880).

гихъ имамовъ; другіе — на Зейдѣ, пятомъ имамѣ; третьи обоготворили Измаила, сына Джафара, шестаго имама. Шіиты „иснаашариды“ признавали всѣхъ 12 имамовъ, отъ Али до Ал-Махди, и ихъ можно считать „ортодоксалами“ шіизма ¹⁾. Въ слѣдующихъ главахъ мы будемъ говорить о шіитскихъ сектахъ.

¹⁾ Иснаашариды получили названіе отъ арабскаго слова иснаашаръ, что значитъ двѣнадцать, какъ поклонники всѣхъ двѣнадцати имамовъ.

ГЛАВА Ш.

Хариджиты. — Возникновение секты. — Основные черты учения хариджитовъ. — Военныя дѣйствія Али противъ хариджитовъ. — Распространеніе секты. — Преслѣдованія Хариджитовъ. — Новая физиономія секты. — Временный союзъ хариджитовъ съ Шитами. — Нафи-ибнъ-Азракъ. — Успѣхи хариджитовъ. — Продолженіе борьбы хариджитовъ съ правовѣрными. — хариджиты среди Берберовъ. — Измаилиты. — Основные черты ихъ ученія. — Абд-алла-ибнъ-Маймунъ и его система. — Личность Абд-аллы-ибнъ-Маймуна. — Карматы. — Хамданъ-Карматъ. — Физиономія секты. — Абу-Саидъ. — Абу-абд-алла. — Махди Убейдулла, — первый фагамидъ. — Абу-Тагиръ. — Походъ карматовъ на Мекку и похищеніи ими „чернаго камня“. — Упадокъ и прекращеніе секты.

Послѣ кровопролитной битвы Али съ Моавіей при Суффейнахъ ¹⁾ 12 тысячъ человѣкъ отдѣлились отъ Али и получили названіе хариджитовъ ²⁾, т.-е. отступниковъ, отщепенцевъ. Они отдѣлились вслѣдствіе несообразнаго, по ихъ мнѣнію, съ достоинствомъ халифа поведенія Али, склонившагося, послѣ долгихъ колебаній, на то, чтобы кровавый споръ его съ Моавіей былъ рѣшенъ двумя wybranными для этого судьями.

Таково происхожденіе секты по арабскимъ источникамъ. Болѣе серьезное изученіе вопроса бросаетъ на него нѣсколько иной свѣтъ. Тѣ 12 тысячъ человѣкъ, которые повинили Али послѣ сраженія при Суффейнахъ, состояли, главнымъ образомъ, изъ мединской аристократіи, принимавшей участіе въ мятежѣ послѣ смерти Мухаммеда. Она была за это жестоко

¹⁾ Между Калатъ-Балисомъ и Ракка, въ Месопотаміи, въ 657 г. по Р. Х. (Аб-ул-Магаснъ).

²⁾ О хариджитахъ см. также у Dugat, op. cit., стр. 36.

наказана и съ того времени жадно искала перваго удобнаго случая отмстить за свое униженіе. Разумѣется, этихъ, мстящихъ за себя, представителей мѣстной знати нельзя считать за хариджитовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Хариджиты ¹⁾ составляли секту религіозно-демократическаго характера изъ людей твердыхъ духомъ, усердныхъ богомольцевъ и постниковъ, не имѣвшихъ никакихъ честолюбивыхъ помысловъ, желавшихъ лишь произвести реформу въ исламѣ, достаточно уже потерявшемъ тогда свою первоначальную чистоту, сдѣлать его такимъ, какимъ онъ былъ въ свою лучшую пору, при Абу-Векрѣ и Омарѣ. Возмущенные лицемѣріемъ учениковъ, пророка, сдѣлавшихъ изъ религіи средство къ достиженію замысловъ чисто мірскаго характера, хариджиты отдѣлились отъ Али въ битвѣ при Суффейнахъ и перешли на сторону, враждебную Али, съ которой, однако, ихъ отнюдь не должно смѣшивать. Состоя почти исключительно изъ мелкаго рабочаго люда ²⁾, всегда стоящаго въ оппозиціи съ правящими классами и дѣлющаго въ душѣ своей дорогой черни принципъ свободы, равенства и братства. они не хотѣли признавать за курайшитами исключительнаго права на власть. Они проповѣдывали республиканскія тенденціи, горячо отстаивая выборное начало. По ихъ мнѣнію, никакой родъ не имѣетъ, и не можетъ имѣть, исключительныхъ правъ на тронъ. Въ халифы волею народа, можетъ быть избранъ всякій. Всякій угодный народу, будетъ ли то курайшитъ или набатей ³⁾, рабъ или свободный, можетъ быть халифомъ, лишь бы былъ честнымъ и справедливымъ человекомъ. Въ этомъ они составляли совершенную противоположность шиитамъ, главный догматъ которыхъ былъ приверженность къ Али и его потомкамъ, за которыми одними они признавали право на власть, какъ за людьми, одаренными божественнымъ правомъ, о которомъ мы подробно говорили въ предъидущей главѣ. На

¹⁾ Первоначально хариджиты назывались харуритами по имени деревни Харуры (близъ Куфы), ихъ сборнаго пункта. (Kremer. op. cit., стр. 364).

²⁾ Dugat, op. cit., стр. 39.

³⁾ На набатаевъ, занимавшихся земледѣльствомъ въ Иракѣ, смотрѣли какъ на арабовъ лишь на половину, они были арамейскаго происхожденія, и находились у арабовъ въ полномъ презрѣніи. (Dozy, op. cit., стр. 208):

сколько шииты были сектой аристократической, настолько хариджиты были сектой строго демократическаго характера.

На нравственныя обязанности хариджиты смотрѣли съ неумолимою строгостью. Тяжкій грѣхъ приравнивали они къ отступничеству отъ вѣры, и на человѣка, тяжко согрѣшившаго, смотрѣли, какъ на погибшаго безвозвратно.

Они гордо отвергли попытки Али снова привлечь ихъ на свою сторону и укрѣпились въ Нахраванѣ (между Васытомъ и Багдадомъ). Тогда Али послалъ противъ нихъ войско. При его прибытіи, тѣ, которые, какъ мы уже сказали, отдѣлясь отъ Али, мстили за униженіе мединской аристократіи, обратились въ постыдное бѣгство. Остались лишь восемьсотъ человѣкъ (по другимъ извѣстіямъ, полторы тысячи), которые отказались сдаться и были изрублены. Изъ нихъ спаслось лишь нѣсколько человѣкъ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ самъ Али былъ умерщвленъ Омейядами въ мечети города Куфы (661 г.). Несмотря на это страшное пораженіе, секта продолжала существовать и пріобрѣтала все больше и больше сторонниковъ. Равенство и братство были основными принципами этой демократической секты. „Всѣ мусульмане братья“, повторяли хариджиты слова Курана. „Не спрашивайте насъ, говорили они, о нашемъ происхожденіи и общественномъ положеніи: всѣ мы дѣти ислама; того только Богъ возвышаетъ надъ окружающими, кто лучше другихъ исполняетъ его завѣты“. Хотя вначалѣ они держали себя спокойно, не излагали открыто своего ученія и не проповѣдывали антиправительственныхъ теорій, тѣмъ не менѣе Омейяды и аристократія Ирака (гдѣ хариджиты преобладали) считали ихъ за весьма опасныхъ противниковъ существующаго порядка вещей. Омейядовъ не такъ беспокоили религіозныя убѣжденія хариджитовъ, какъ-то, что они не признавали за курайшитами никакихъ правъ на власть и считали ихъ, Омейядовъ, наравнѣ съ невѣрными.

При Мерванѣ I начались упорныя гоненія на хариджитовъ. Они сносили преслѣдованія и мученія, которымъ ихъ подвергали, съ удивительною твердостью духа. Неустрашимо шли они на казнь, распѣвая стихи Курана! Никогда ни одинъ изъ нихъ не нарушилъ своего слова, чтобы спасти жизнь.

¹⁾ По Ал-Иджи, всего 10 человѣкъ; но Шарастаги,—только 9.

Разсказываютъ, что однажды какой-то хариджитъ былъ арестованъ на улицѣ. „Позволь мнѣ, сказалъ онъ полицейскому, зайти ненадолго домой, чтобы совершить очищеніе и помолиться“. „А кто мнѣ поручится, что ты вернешься?“ спросилъ тотъ. „Богъ!“ отвѣчалъ хариджитъ и вернулся. Другой, содержась въ тюрьмѣ, пользовался расположеніемъ тюремщика и, съ его позволенія, проводилъ всѣ ночи дома, въ семьѣ, въ кругу друзей. Такъ продолжалось довольно долго. Одинъ разъ ночью друзья пришли сообщить ему свѣжую новость о только что совершившемся въ городѣ убійствѣ: губернаторъ, говорили они, былъ до крайности раздраженъ этимъ событіемъ и отдалъ приказъ подвергнуть смертной казни всѣхъ еретиковъ, содержащихся въ тюрьмѣ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ соучастіи въ преступленіи. Они просили его не возвращаться въ тюрьму, но, несмотря на ихъ просьбы, мольбы дѣтей и слезы жены, онъ вернулся въ мѣсто своего заточенія, вернулся на вѣрную смерть! „Какъ могу я, говорилъ онъ, предстать предъ лицо Господа, если окажусь невѣрнымъ данному слову?“

Женщины не отставали отъ мужчинъ. Когда знаменитая Балджа ¹⁾, была приговорена къ смерти и ей совѣтовали скрыться, она не согласилась на это. „Если Убейдулла ²⁾ велитъ арестовать меня, Богъ его накажетъ за это, говорила она, но я не желаю, чтобы изъ-за меня производились домашніе обыски у друзей моихъ. Я не хочу, чтобы изъ-за меня они были компрометированы“. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ отдалась она въ руки палачей.

Такъ первое время боролись хариджиты силою духа. Этой силѣ духа враги противопоставляли мечъ, пытки и заключеніе. Преслѣдованія продолжались упорно. Терпѣнію хариджитовъ пришелъ конецъ. Къ тому же безропотное подчиненіе гонителямъ, это смиренное непротивленіе злу, какъ лучшее

¹⁾ Среди хариджитовъ была еще женщина по имени Газала, павшая въ сраженіи, въ первыхъ рядахъ. Подобныя героини на востокѣ не рѣдки. При жизни Мухаммеда и Абү-Векра какая-то пророчица произвела серьезное волненіе въ Аравіи; Айша, жена Мухаммеда, лично вела упорную борьбу съ Али; Хуреть-ул-улуйя играла выдающуюся роль въ волненіяхъ бабитовъ въ Персіи.

²⁾ Губернаторъ Ирака.

средство побѣдить зло, долженствующее исчезнуть предъ этимъ самымъ непротивленіемъ ему, предъ всепобѣждающей и всепримирающей великой духовной силою, въ немъ сокрытой, — въ глазахъ самихъ сектантовъ начало принимать видъ слабости. На востокѣ не понимаютъ духовной борьбы; война безъ крови тамъ непонятна. Постепенно секта принимала другую фізіономію и получила совсѣмъ другую окраску. Она стала вести со своими врагами неустанную, скрытую, подпольную борьбу. За смерть каждаго казненнаго хариджита немедленно наступало возмездіе: на другой день палача его находили умерщвленнымъ.

Хариджиты соединились на время со своими врагами, — шиитами, чтобы вмѣстѣ бороться съ общимъ врагомъ, — Омейядами. Шииты провозгласили войну во имя имамовъ и имѣли успѣхъ на востокѣ, особенно въ Персіи, а хариджиты укрѣпились въ западныхъ и южныхъ окраинахъ халифата. Когда, во время происшедшихъ тогда смуть, войска халифа грозили занять Мекку съ ея священнымъ округомъ, хариджиты, подъ предводительствомъ Нафи-ибнъ-Азрака, явились на помощь Абд-аллѣ-ибнъ-Зобайру, поддерживаемому правовѣрной партіей (690 г.) ¹⁾, и съ отчаянною храбростью защищали священный городъ ²⁾. Вскорѣ, однако, такъ какъ продолжительный союзъ хариджитовъ съ правовѣрными былъ невозможенъ, они покинули Мекку. При помощи своихъ временныхъ союзковъ, шиитовъ, они завладѣли Хузистаномъ, Фарсомъ и Керманомъ. Ихъ побѣдоносное шествіе впередъ было остановлено Хаджаджемъ, губернаторомъ Ирака, лучшимъ полководцемъ того времени: онъ одержалъ надъ ними нѣсколько блестящихъ побѣдъ. За побѣдами слѣдовали казни. 120,000 ³⁾ хариджитовъ были замучены пытками, обезглавлены, посажены на колъ.. Хариджиты, однако, съ удивительною живучестью перенесли свое пораженіе. Ими снова была объявлена война правовѣрью (695 г.). Съ этого времени хариджиты, особенно

¹⁾ Ав-Зобайръ былъ халифомъ въ Меккѣ въ то время, когда Абд-ал-Маликъ былъ халифомъ въ Дамаскѣ (Dugat, op. cit. стр. 38).

²⁾ Dozy. op. cit., стр. 216.

³⁾ Цифра, приводимая восточными лѣтописцами, вѣроятно, преувеличена.

жившіе въ Хузистанѣ и получившіе названіе азарикитовъ, по имени отца ихъ вождя, становятся все болѣе и болѣе опасными врагами суннизму. Раздраженные продолжительнымъ преслѣдованіемъ и одушевленные жаждою мести, они объявили, что всѣ, кто не признаетъ ихъ ученія,—невѣрныя, которыхъ можно истреблять безъ всякой жалости. Они не щадили никого, ни стариковъ, ни женщинъ, ни грудныхъ дѣтей! Они не знали пощады даже въ отношеніи членовъ секты, не оказывавшихся достаточно фанатиками, и предавали ихъ смерти, считая наравнѣ съ невѣрными. Побѣда, одержанная Мерваномъ II надъ хариджитами при Ракка на Евфратѣ (745 или 746 г.), не остановила ихъ успѣховъ. Долгое время они были, по-истинѣ, бичемъ Ирака, сосѣдняго съ занимаемыми ими мѣстностями. Постепенно хариджиты были подавлены послѣ девятнадцати лѣтъ упорной борьбы съ ними. Наконецъ, секта была обезсилена, хотя нельзя сказать, чтобы она была окончательно сломлена; отъ времени до времени, и довольно, часто, хариджиты снова брались за оружіе. Они были окончательно побѣждены и усмирены лишь въ 772 г. Многіе изъ нихъ нашли себѣ убѣжище въ Африкѣ, гдѣ стали проповѣдывать свое ученіе берберамъ, принявшимъ его съ жадностью.

Арабамъ стоило невѣроятныхъ усилій подчиненіе своему владычеству этого народа, разселеннаго отъ границъ Египта вплоть до Атлантическаго океана. 70 лѣтъ боролись съ нимъ арабы и все-таки не могли окончательно подчинить его себѣ: подчиненіе берберовъ было болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное. Берберы приняли исламъ и онъ довольно скоро въ немъ привился, такъ какъ весьма подходилъ къ ихъ суевѣрному характеру, но въ то же время они были демократами, не понимавшими и не желавшими понять аристократическихъ принциповъ суннизма. Вотъ почему республиканскія начала хариджитовъ были имъ жадно восприняты. Недовольные арабскимъ владычествомъ берберы давно готовились къ возстанію. Хариджиты дали ему толчекъ. Оно носило религіозно-политическій характеръ и было усмирено съ большимъ трудомъ. Послѣ этого секта хариджитовъ продолжала существовать въ

Африкѣ и не разъ принимала угрожающее положеніе въ отношеніи правительства.

Всѣ шіиты сходились въ главныхъ положеніяхъ своего ученія. Они всѣ отвергали Куранъ, но, не рискуя открыто въ этомъ признаться, толковали его аллегорически, подтверждая право на такое толкованіе слѣдующими, сохраненными преданіемъ, словами Мухаммеда: „Мы, пророки, говоримъ людямъ въ размѣрѣ способности ихъ понимать сказанное“ Такимъ образомъ, путемъ произвольнаго толкованія Курана, имъ удавалось избѣгать предписаній строгаго правовѣрія и ввести въ исламъ массу доктринъ, совершенно ему чуждыхъ. Далѣе, они всѣ соглашались что иманатъ, т.-е. духовная власть, связанная, однако, неразрывно со свѣтскимъ главенствомъ, должна принадлежать потомству Али, и что имамъ, какъ таковой, непогрѣшимъ.

Сходясь въ основныхъ положеніяхъ, они расходились въ вопросахъ второстепенныхъ, и главный пунктъ ихъ разногласія былъ вопросъ о личности седьмаго имама. Шестой имамъ шіитовъ, Джафаръ (по прозванію Садыкъ, т.-е. справедливый), имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, изъ которыхъ старшій назывался Измаиль, а второй Муса (Моисей). Измаиль долженъ былъ наследовать отцу, но страшно прогнѣвилъ его тѣмъ, что позволилъ себѣ напиться пьянымъ. Джафаръ рѣшилъ, что онъ недостойнъ ему наследовать, и назначилъ своимъ преемникомъ втораго сына, — Мусу, объявивъ, что Богъ заставилъ его переменить его первоначальное намѣреніе. Одна часть шіитовъ приняла это рѣшеніе, другая же, напротивъ, не согласилась съ нимъ. Протестующіе говорили, что первое рѣшеніе всегда есть лучшее и что Богъ не можетъ мѣнять мысли людей; что тотъ, кто понимаетъ внутренній смыслъ закона, не грѣшенъ, нарушая его внѣшнимъ образомъ; что все, что дѣлаетъ имамъ, хорошо и справедливо, и что потому Измаиль не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, упившись виномъ. Сторонники Измаила получили названіе измаилитовъ ¹⁾.

¹⁾ Начало секты — 765 г. по Р. Х., Развитие ея относится къ 864 г. по Р. Х. (Dugat, op. cit., стр. 121). По Шахрастану (*Religion des Druzes par S. de Sacy, t. I, p. LXV*), измаилиты въ Иракѣ назывались батынеями, а въ Хорасанѣ — таламитами. Батынеи утверждали, что всякую откровенную

Тогда какъ прочіе шіиты признавали седьмымъ имамомъ Мусу, измаилиты непоколебимо отстаивали право на иманатъ Измаила и его потомковъ.

Философская доктрина измаилитовъ до Абд-аллы-ибнъ-Маймуна, внесшаго въ измаилизмъ свое въ высшей степени странное, нестройное, невыдержанное, полумистическое, полунигилистическое ученіе, философское лишь по формѣ, а не по существу, и имѣвшее въ виду видоизмѣнить секту и сдѣлать ее послушнымъ орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ ея главы, — о чемъ подробно будетъ сказано ниже, — недостаточно, къ сожалѣнію, извѣстна, чтобы о ней можно было говорить съ большей или меньшей опредѣленностью и выражать то или другое мнѣніе. Тѣмъ не менѣе, изъ того, что до насъ дошло объ ученіи этой секты, мы можемъ заключить объ ея трудно понимаемой отвлеченности, не лишенной, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторой оригинальности, дающей возможность судить о довольно высокомъ философскомъ развитіи толка.

Въ ученіи мусульманскомъ сочиненіи несомнѣннаго достоинства „Китабу-т-тарифатъ“ ¹⁾ мы находимъ слѣдующую краткую характеристику философской системы измаилизма: „секта измаилитовъ утверждаетъ, что Богъ не находится ни въ состояніи бытія, ни въ состояніи небытія (neither existent nor non-existent), что онъ не есть ни премудрый, ни лишенный премудрости, ни могущественный, ни лишенный могущества, ибо, по ученію секты, ни единого атрибута нельзя присоединить къ Богу, такъ какъ онъ самъ есть творецъ всего сущаго, всѣхъ вещей и всѣхъ атрибутовъ“ ²⁾.

книгу должно толковать иносказательно. О Богѣ говорили они слѣдующее: Мы ни утверждаемъ, что онъ видимъ, ни говоримъ, что онъ невидимъ: рѣшать этотъ вопросъ положительно или отрицательно невозможно; онъ есть творецъ двухъ противоположныхъ элементовъ (добра и зла), двухъ враждебныхъ другъ другу началъ, судья двухъ противниковъ. Объ атрибутахъ Божіихъ они имѣли своеобразное понятіе: Богъ, по ихъ мнѣнію, всевѣдущъ и всемогущъ въ томъ смыслѣ, что онъ далъ людямъ вѣдѣніе и могущество (Dugat, op. cit., стр. 34). Батынеями они назывались отъ слова „батынь“, т.-е. внутренность, какъ сторонники толкованія всякой откровенной книги аллегорически, по внутреннему ея смыслу, а не по буквѣ.

¹⁾ Th. Hughes, A Dictionary of Islam, London, 1885, стр. 221.

²⁾ Объ измаилитахъ и ихъ философской системѣ, вообще мало изслѣдо-

Вначалѣ измаилиты не имѣли успѣха. Въ предъидущей главѣ мы видѣли неудачи первыхъ алидовъ и печальную судьбу ихъ имамовъ, почти всѣхъ умершихъ неестественною смертію. Имамы измаилитовъ отлично понимали опасность своего положенія, и, покинувъ своихъ горячихъ приверженцевъ, удалились въ отдаленнѣйшія окраины Персіи,—Кандахаръ и Хоросанъ, не желая раздѣлять участи своихъ злоплучныхъ предковъ. Партія, лишенная такимъ образомъ вождей, готова уже была совсѣмъ распасться, когда новыи отважный и ловкій прозелитъ вдунулъ въ нее жизнь и придалъ ей иное направленіе. Это былъ знаменитый Абд-алла-ибнъ-Маймунъ, персъ по происхожденію. Отецъ Абд-аллы окулистъ по специальности и философъ въ душѣ, всю жизнь свою съ увлеченіемъ занимался алхиміей. Подъ его руководствомъ Абд-алла пріобрѣлъ философское развитіе и познанія въ тайныхъ наукахъ. Природныя наклонности не сдѣлали, однако, изъ него серьезнаго мыслителя: онъ былъ хитеръ и честолюбивъ и завѣтной мечтой его было разрушить господство ненавистныхъ ему, какъ персу, арабовъ-побѣдителей и самому достигнуть власти и могущества. Для этого ему нужно было имѣть партію, имѣть вѣрныхъ союзниковъ,—и вотъ онъ становится основателемъ обширнаго тайнаго общества, въ которомъ развивалось мистическое ученіе о сокрытомъ имамѣ. „Міръ, училъ Абд-алла, никогда не былъ лишень имама. Міръ имѣлъ его во все времена. Не всегда только имамъ былъ видимъ людямъ. Онъ то появлялся имъ, живя среди нихъ, то скрывался до того времени, пока ему снова не надлежало появиться среди нихъ. Исчезновеніе и появленіе имама въ мірѣ можно уподобить появленію и исчезновенію свѣта и тьмы въ природѣ, дню и ночи. Когда имамъ появляется людямъ, его ученіе остается сокрытымъ, когда же исчезаетъ отъ людей, его ученіе тогда раскрывается міру чрезъ его посланниковъ. Во времена Авраама имамомъ былъ Мельхиседекъ. До появленія ислама имамы были сокрыты отъ людей. Со времени Али имамы, въ лицѣ его, Али, явились міру. До Измаила они были

ванной, смотри также у Goeje, *Mémoires sur les Carmathes*, p. 74; S. Guyard, — *Un grand maître des Assassins* (*Journ. asiatique*, avril, mai, juin 1877, p. 336) и Dugat, *op. cit.*, p. XXXI—XXXII.

видимы людямъ, но затѣмъ исчезли до того времени, пока имъ снова не надлежитъ явиться міру“¹⁾).

Это мистическое ученіе, — не новое по существу, такъ какъ мнѣ о сокрывшемся на время отъ глазъ людей героѣ или полубогѣ былъ свойственъ всему арійскому племени и твердо держался въ шіитствѣ, о чемъ мы уже говорили подробно въ предъидущей главѣ, — оживило и подняло упавшій духъ измаилитовъ. Абд-аллѣ, впрочемъ, до этого было мало дѣла. Онъ преслѣдовалъ свои, главнымъ образомъ, національныя и эгоистическія цѣли, — хотя, помимо ихъ, у него были, можетъ быть, цѣли и иного характера, о, чемъ мы скажемъ ниже, — и, презирая въ душѣ измаилитовъ, смотрѣлъ на нихъ лишь какъ на орудіе для достиженія своей завѣтной мечты. Онъ прекрасно понималъ, что, если алидамъ удастся прочно захватить власть въ свои руки въ Персіи, то персы отъ этого ровно ничего не выиграютъ. Своимъ приверженцамъ, пользовавшимся наибольшимъ его довѣріемъ, онъ строго-на-строго предписалъ безжалостно истреблять всѣхъ потомковъ Али, которые попадутся имъ въ руки. Абд-алла былъ шіитъ только по внѣшности. Послѣдователи ученія Заратустры, манихеи и приверженцы греческой философіи, — вотъ кто были его друзья, вотъ кому открывалъ онъ свои замыслы; вотъ у кого онъ искалъ указаній и нравственной поддержки и всегда находилъ и то и другое. Вотъ почему его ученіе носить въ себѣ такъ много различныхъ направленій, другъ съ другомъ несогласныхъ, даже противоположныхъ другъ другу. Оно развивало и мистическія теоріи и раціоналистическія начала, оно трактовало о пророкахъ, какъ о воплощеніяхъ божества, и тутъ же учило о ничтожности пророковъ въ сравненіи съ истинными философами, смѣясь надъ религіей и называя ее ничѣмъ инымъ, какъ способомъ умныхъ людей держать толпу въ повиновеніи. Съ удивительною тонкостью и расчетливостью умѣлъ онъ набирать себѣ прозелитовъ изъ разныхъ слоевъ общества, разныхъ націй и разныхъ религій. Съ каждымъ говорилъ онъ различно. Массу привлекалъ онъ всегда ловко исполняемыми

¹⁾ О дѣятельности Абд-аллы-ибн-Маймуна см. S. Guyard, — „Un grand maître des Assassins“.

имъ фокусами, выдаваемыми, конечно, за чудеса, что ему было не трудно при его познаніяхъ въ естественныхъ наукахъ ¹⁾); людей набожныхъ онъ очаровывалъ своимъ смиреннымъ видомъ и кажущимся благочестіемъ; мистиковъ онъ увлекалъ таинственными и всегда оригинальными толкованіями тайнъ религіи; мусульманамъ онъ обѣщалъ скорое пришествіе махди, евреямъ—мессіа, христіанамъ желаннаго параклета. Успѣхъ его пропаганды былъ колоссальный! Тысячи шли къ нему и дѣлали цѣнныя пожертвованія обществу, истинныя цѣли котораго были извѣстны лишь весьма немногимъ избранникамъ.

Теперь обратимся къ организаціи религіозно-философскаго братства, созданнаго Абд-аллой-ибнъ-Маймуномъ.

Посвященный въ него долженъ былъ пройти послѣдовательно девять степеней совершенства. Послѣднія, высшія, степени давали ему право узнать какія-то величайшія тайны, никому доселѣ неизвѣстныя. Скажемъ о каждой изъ этихъ степеней въ отдѣльности.

Степень первая ²⁾). Дай ³⁾), апостоль секты, старается представиться человѣкомъ крайне набожнымъ. Онъ возбуждаетъ любопытство темными, загадочными выраженіями. Ученіе, преподанное пророкомъ, разсуждаетъ онъ, полно таинственнаго смысла и потому трудно для пониманія толпы. Его могутъ разумѣть лишь ангелы, пророки и вѣрные рабы Господа, имъ просвѣтленные. Затѣмъ ставится нѣсколько вопросовъ по поводу наиболѣе запутанныхъ догматическихъ и метафизическихъ тонкостей, какъ, напр.,—какой внутренней смыслъ заключаетъ въ обрядѣ бросанія камушковъ во время паломничества въ Мекку? Зачѣмъ Богу понадобилось *шесть* дней, чтобы создать вселенную: развѣ недостаточно было бы ему для этого часа? Что выражаетъ изреченіе Курана: „Ева была создана изъ ребра Адамова“? Какую форму имѣетъ душа? Гдѣ она? Откуда взялась она? и т. п. На эти вопросы, поставленные самимъ дай, онъ не даетъ никакого отвѣта. Они предназначались для того, чтобы возбудить любопытство слушателя, вызвать въ душѣ его различныя размышленія. Иногда дай на-

¹⁾ Dozy, op. cit., стр. 260.

²⁾ Dozy, op. cit., стр. 262 и слѣд.

³⁾ Собственно—учитель.

меками отвѣчаетъ на вопросы, иногда начинаетъ объясненія и вдругъ останавливается, возбуждая тѣмъ любопытство до послѣдней крайности. На просьбы продолжать даи говорить обыкновенно, что въ религіозномъ дѣлѣ торопиться не слѣдуетъ, что тайны религіи нельзя ввѣрять недостойнымъ воспріять ихъ. „Если хочешь знать больше, говорить даи, то даи торжественную клятву — не выдавать никому тѣхъ тайнъ, которыя тебѣ откроются, не обѣщать никому помощи противъ насъ, говорить намъ всегда правду, не присоединяться къ нашимъ врагамъ и слѣпо повиноваться волѣ главы секты“.

Степень вторая. Обращенному внушаютъ убѣжденіе, что люди восприняли доктрины мусульманскихъ ученыхъ, вслѣдствіе глубокаго, пагубнаго заблужденія и что свѣтъ божественной истины сіяетъ лишь отъ однихъ имамовъ.

Степень третья. Мало-по-малу, обращенному раскрывается ученіе объ имамахъ. Ихъ семь ¹⁾, а не двѣнадцать, какъ учатъ „иснашариды“ (т.-е. приверженцы двѣнадцати имамовъ). Нашъ повелитель, внушаютъ обращенному, седьмой имамъ, обладалъ пониманіемъ сокровеннаго смысла религіи, иносказаній и иносказательнаго смысла этихъ иносказаній, одна наша секта унаслѣдовала его премудрость, она одна можетъ поучать людей этой премудрости.

Степень четвертая. Пророковъ также семь. Они должны уничтожать ранѣ существовашія вѣрованія и замѣнять ихъ новыми. Каждый изъ нихъ имѣетъ своего особаго помощника, который, въ свою очередь, имѣетъ своего помощника, проповѣдующаго ученіе, и т. д. до семи. Они называются „молчащими“ (самитъ), ибо они, не открывая міру новыхъ истинъ, проповѣдуютъ религію уже существующую; основатели религій называются, наоборотъ, „глаголющими“ (натыкъ). По прошествіи времени дѣйствія „молчащихъ“, появляется пророкъ, вводящій съ собою въ міръ новое ученіе. Такимъ образомъ семь, „глаголющихъ“ ²⁾ суть слѣдующіе: Адамъ (съ Сивомъ

¹⁾ Съ глубокой древности число семь играло особую мистическую роль: 7 планетъ, 7 небесъ, 7 смертныхъ грѣховъ, 7 мудрецовъ, шесть дней творенія и 7-й день отдыха.

²⁾ На 7 пророковъ или „глаголющихъ“, внесшихъ въ міръ новое ученіе, измаилиты смотрѣли. кромѣ того, какъ на воплощенія божества, всѣ вмѣстѣ составляющія одно цѣлое, — Бога.

и шестью прочими „молчащими“), Ной (съ Симомъ ¹⁾), Авраамъ (съ Измаиломъ); Моисей (съ Аарономъ), Иисусъ Христосъ (съ ап. Петромъ), Мухаммедъ (съ Али) и, наконецъ, „владыка вѣка“ — т.-е. Мухаммедъ-ибнъ-Измаиль (съ Абд-аллой), уразумѣвшій сокровенный смыслъ сущаго, его таинственное значеніе; за нимъ нужно слѣдовать и ему повиноваться ²⁾.

Степень пятая Куранъ и преданіе не имѣютъ никакой цѣны. Обязанности и обряды, возложенные на людей пророкомъ, будутъ скоро отмѣнены. У прозелита начинаютъ задѣвать національное чувство. Если онъ персъ, ему ставятъ въ вину рабское подчиненіе арабамъ, его врагамъ и поработителямъ.

Степень шестая. Постепенно и съ величайшими предосторожностями посвященнаго доводятъ до убѣжденія, что нѣтъ никакой нужды соблюдать предписываемые религіей обряды, какъ, напр., молитва, зекать, постъ, паломничество въ Мекку; всѣ эти обрядовыя религіозныя формы суть ничто иное, какъ условныя, символическія изображенія,—и только Все это—загадки, данныя философами, выдававшими себя за пророковъ или имамовъ. Сами они смотрѣли на обрядности, какъ на способъ держать массу въ подчиненіи. Преподавшіе людямъ обряды были люди большаго ума, но они въ своемъ развитіи никогда не достигали той высоты, на какой стоятъ истинные мудрецы, какъ, напр., Платонъ и Аристотель. Эти послѣдніе въ своемъ широкомъ философскомъ развитіи далеко оставили за собой основателей религій.—До послѣднихъ трехъ степеней доходили очень и очень немногіе. Громадное большинство миссіонеровъ и выдающихся дѣятелей секты не доходило до высшихъ степеней, постепенно уклоняющихся, какъ это уже замѣтно съ пятой степени, отъ мистическаго направленія степеней предъидущихъ и мало-по-малу вводящихъ прозелита въ кругъ идей рационалистическихъ, можетъ быть, и для того, чтобы приготовить его къ пониманію чисто мірской и эгоистической цѣли созданной Абд-аллой общины.

¹⁾ Имена въ скобкахъ принадлежатъ первымъ изъ 7 „молчащихъ“, слѣдующихъ за „глаголющимъ“.

²⁾ Ученіе прямо противоположно Курану, въ которомъ Мухаммедъ утверждаетъ, что онъ послѣдній изъ пророковъ.

Такова, въ главнѣйшѣ чертахъ, была организація тайнаго союза, созданнаго Абд-аллой-ибнъ-Маймуномъ. Какъ мы уже упоминали выше, конечная цѣль его, оставшаяся тайной громадному большинству его членовъ, извѣстной только самымъ приближеннымъ въ Абд-аллѣ людямъ, была національнаго и узко-эгоистическаго характера. Какъ персъ, Абд-алла ненавидѣлъ алидовъ-арабовъ и не хотѣлъ упроченія власти въ ихъ рукахъ; какъ человекъ честолюбивый и хитрый, онъ самъ жаждалъ власти и хотѣлъ захватить ее въ свои руки. Многочисленные члены общества, созданнаго имъ съ удивительною ловкостью и глубокимъ знаніемъ человѣческой натуры, заинтересованные мистическими теоріями первыхъ степеней, думающіе лишь о переходѣ изъ одной степени въ другую и мечтающіе о послѣдней, девятой, степени совершенства, — степени, дающей имъ право узнать какія-то невѣдомыя доселѣ никому тайны вселенной, обѣщанныя имъ, для вѣщей приманки, Маймуномъ, — составляли какъ бы войско, готовое всегда и вездѣ слѣпо служить Абд-аллѣ для достиженія его смѣлыхъ замысловъ, совершенно безсознательно, вовсе не думая о томъ, какимъ цѣлямъ оно служить въ ловкихъ рукахъ вождя.

Абд-аллѣ не удалось осуществить завѣтной мечты: ему не суждено было достигнуть власти, но потомки его достигли трона. Его внукъ сталъ халифомъ и былъ основателемъ цѣлой династіи.

Говоря объ Абд-аллѣ-ибнъ-Маймунѣ и его философскомъ толкѣ, нельзя не замѣтить, что врядъ ли было бы справедливо смотрѣть на него только какъ на хитраго честолюбца, жаждущаго власти. Есть основанія предполагать, что въ созданіи имъ его полумистическаго, полунигилистическаго ученія имъ руководили не однѣ честолюбивыя, узко-эгоистическія цѣли. Есть поводъ думать, что цѣли эти могли быть и нѣсколько иного характера.

Опираясь на данныя о личности Абд-аллы восточныхъ писателей, начинаешь склоняться въ тому, чтобы смотрѣть на него не только какъ на врага господства арабовъ и полнаго честолюбивыхъ замысловъ хитреца. Несомнѣнно, что онъ былъ и тѣмъ и другимъ, но въ созданіи секты Абд-аллой ру-

ководила иная цѣль, которая, пожалуй, чуть ли не была главной.

Мистическія идеи, появившіяся въ исламѣ со времени его основанія, имѣютъ свое начало внѣ мусульманскаго міра ¹⁾. Ученіе маговъ весьма способствовало усвоенію шіитами нѣкоторыхъ, наиболѣе распространенныхъ у нихъ, идей, ²⁾, какъ напр., наитіе божества на имамовъ ³⁾, переселеніе душъ, иносказательное толкованіе Курана и ожиданіе махди. Эти идеи появились въ восточныхъ областяхъ имперіи наслѣдниковъ пророка. Тамъ исламъ бросилъ семѣна свои не на дѣвственнукъ почву, тамъ онъ проповѣдывался въ страхахъ, подчиненныхъ нѣкогда Сассанидамъ и исповѣдывавшихъ ученіе маговъ. Ученіе это никогда не исчезало въ Персіи послѣ покоренія ея арабами. Оно постоянно жило въ массѣ и незамѣтно примѣшивалось къ новому ученію, — исламу. Маги никогда не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ и боролись съ исламомъ, какъ могли. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ мѣстѣ догматическаго сочиненія Ал-Иджи ⁴⁾: „...Секта маговъ, видя усиленіе ислама, искала иносказательнаго толкованія божественныхъ законовъ (Ал-Курана), чтобы вернуться къ ученію старины. Собравшись вмѣстѣ, маги припомнили другъ другу могущество ихъ предковъ и сказали: Мы не имѣемъ средствъ дать отпоръ мусульманамъ силою оружія, въ виду одержанной ими побѣды и (даваемыхъ ими) битвъ. Но, толкуя иносказательно ихъ законы, мы найдемъ средство вернуться къ основнымъ положеніямъ нашей вѣры. Такимъ образомъ мы привлечемъ на свою сторону слабыхъ изъ нихъ и это произведетъ въ ихъ средѣ смуту“. Вождемъ этого дѣла явился, по однимъ преданіямъ, Хамданъ-Карматъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже, а по другимъ — Абд-алла-ибнъ-Маймунъ.

Эти свѣдѣнія бросаютъ на личность Абд-аллы совсѣмъ иной свѣтъ! На основаніи ихъ, онъ былъ горячимъ приверженцемъ древняго ученія маговъ, ученія, нѣкогда процвѣтав-

¹⁾ Dugat, op. cit., стр. 332.

²⁾ S. de Sacy, Exposé de la religion des Druzes, v. 1, p. 26, 27.

³⁾ Мы подробно говорили во 2-й главѣ, что поклонники Заратустры глядѣли на своихъ царей, какъ на потомковъ боговъ.

⁴⁾ Dugat, op. cit., стр. 332.

шаго въ его родной странѣ, Персіи, и желалъ аллегорическимъ толкованіемъ догматовъ и всей обрядовой стороны ислама подточить постепенно его корни. Идя по этому пути, онъ, разрушая исламъ, увлекся намѣченной цѣлью болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и прозелитамъ высшихъ степеней своего общества внушалъ идеи, близкія къ отрицанію религіи вообще.

Абд-алла умеръ въ Саламіи (въ Сиріи). Его сынъ Ахмедъ заступилъ его мѣсто вождя секты. При немъ въ Иракѣ появилась секта карматовъ, — развѣтвленіе измаилитовъ ¹⁾, окончательно видоизмѣнившихъ нравственную фізіономію секты, сдѣлавшихъ изъ нея правильно организованную шайку разбойниковъ, грабежами и убійствами наводившихъ ужасъ на самихъ халифовъ и долго державшихъ въ страхѣ „повелителей правовѣрныхъ“.

О возникновеніи секты рассказываютъ слѣдующее. Ахмедъ, о которомъ мы только что упомянули, послалъ въ Иракъ одного изъ своихъ миссіонеровъ, Хусейна-ал-Ахвази. Этотъ Хусейнъ встрѣтился тамъ съ нѣкимъ Хамданомъ, по прозванію карматомъ ²⁾, который занимался перевозкою на быкахъ зерноваго хлѣба и жилъ получаемой имъ за это платой. Хусейнъ попросилъ его указать ему дорогу; оказалось, что оба они идутъ въ одно и тоже мѣсто. Они продолжали путь рядомъ и между ними завязался разговоръ.

— Мнѣ кажется, — сказалъ Хамданъ, — что ты издалека и усталъ; садись на моего быка!

— Мнѣ не опредѣлено дѣлать этого, — отвѣчалъ Хусейнъ.

¹⁾ Упоминаніе о карматахъ встрѣчается впервые въ 877 по Р. Х., при халифѣ Мутамидѣ (869—892 по Р. Х.). См. Deffrémery, *Histoire des Ismaéliens de la Perse*, *Journal asiatique*, Sept.—octobre 1856. Также у Dugat, *op. cit.*, стр. 128, 129 и 158.

²⁾ Напрасно старались произвести слово „карматъ“ отъ арабскаго корня. Мы не имѣемъ дѣла съ арабами, а съ набатеями, которыхъ діалектъ, въ сущности, арамейскій. Многие арабскіе историки говорятъ, что „карматъ“ — слово набатейское и означаетъ того, чьи глаза остались красными, вслѣдствіе болѣзни. R. Dozy утверждаетъ, что слово „карматъ“ есть испорченное сирійское слово „курматъ“, что значитъ некрасивый лицомъ. Можетъ быть, говоритъ онъ, это слово, перейдя къ набатеямъ, приняло то значеніе, которое приписываютъ ему арабскіе историки (Dozy, , стр. 269 прим.).

— Значить, ты поступаешь по чьим-то приказаніямъ?

— Да.

— Отъ кого же ты ихъ получаешь?

— Отъ того, кто и тебѣ, и мнѣ владыка, отъ властелина этого и другого міра.

Хамданъ внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника и, подумавъ, сказалъ:

— Одинъ Богъ—творецъ и владыка всѣхъ вещей.

— Это истинно, но онъ вручаетъ власть кому хочетъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Хамданъ спросилъ:

— Что будешь ты дѣлать въ той деревнѣ, куда ты просилъ провести тебя?

— Я иду туда возвѣститъ тайну господню нѣкоторымъ, въ ней живущимъ: Я получилъ приказаніе снабдить эту деревню водою, обогатить ея жителей, освободить ихъ и дать имъ во власть достояніе ихъ властителей.

— Ты, я вижу, обладаешь необыкновеннымъ знаніемъ и могуществомъ! Заклинаю тебя именемъ Бога,—подѣлись со мной, хоть немного, твоею премудростью!

— Я не воленъ сдѣлать это, если ты не соединишься со мною и не дашь торжественной клятвы, тогда я сообщу тебѣ многое, что тебѣ полезно знать...

Хамданъ далъ требуемую клятву и Хусейнъ повѣдалъ ему, что махди, пришествіе котораго было предсказано Мухаммедомъ, скоро появится. Обрадованный этимъ открытіемъ, Хамданъ пригласилъ его въ свой домъ и просилъ пробыть у него нѣсколько дней. „У меня есть братья и друзья, говорилъ онъ, которыхъ я приведу къ тебѣ и которые дадутъ тебѣ охотно такую же клятву, какъ и я“ Даи согласился и скоро вся деревня дала требуемую клятву. Всѣ были преисполнены восхищенія, видя посреди себя „праведника“, который постился днемъ и молился ночью и въ потѣ лица зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба портняжнымъ ремесломъ. Одежду, имъ шитую, считали за приносящую счастье. Всякій чувствовалъ себя на верху блаженства, если добродѣтельный даи снисходилъ на просьбу переночевать у него въ домѣ. Въ этой деревнѣ Хусейнъ прожилъ до своей смерти. Умирая, онъ передалъ свои права Хамдану.

Существуетъ другой разсказъ о томъ же. Онъ представляетъ дѣло нѣсколько иначе и даетъ возможность понять истинный характеръ секты. Нужно замѣтить, что въ религіозно-политическомъ движеніи карматовъ играли роль обитатели Савада (въ Иракѣ), набатеи, земледѣльческое племя, невольники арабовъ, глубоко презираемые этими послѣдними ¹⁾. Такимъ образомъ ихъ возстаніе можно сравнить съ жакеріей во Франціи и крестьянскою войною въ Германіи, во времена реформациіи. Оно имѣло также и религіозный характеръ. Набатеи приняли исламъ только по виду. Они, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, — писателей и ученыхъ, были въ душѣ рационалистами, враждебными всякой откровенной религіи, что видно изъ сочиненій набатеевъ о земледѣліи ²⁾. Что же касается до массы, то, принявъ исламъ, она нисколько не прониклась его началами. Она, по-прежнему, оставалась невѣжественною и суевѣрною. Постоянно принижаемая и презираемая арабами, она возмутилась, наконецъ, противъ притѣснителей и захотѣла, въ свою очередь, насладиться всѣми благами міра. Хамданъ-Карматъ сулилъ ей полное обладаніе всѣми богатствами земли. Эти посулы произвели чудеса! Во всемъ Савадѣ съ восторгомъ принимали измаилитскихъ проповѣдниковъ и набатеи стали массами присоединяться къ сектѣ. Къ ней примкнули и промышляющіе грабежами и жадные до всякой наживы бедуины. Для окончательной организаціи партіи недоставало только денегъ. Ихъ, казалось бы, трудно было добыть отъ бѣдняковъ набатеевъ, но Хамданъ побѣдилъ эту трудность. Онъ началъ съ того, что наложилъ на своихъ прозелитовъ небольшую подать: по серебряной монетѣ съ головы, не исключая ни женщинъ, ни дѣтей. Подать была уплочена очень охотно. Немного спустя Хамданъ потребовалъ по золотой монетѣ съ каждаго взрослого мужчины. И эта подать была уплочена безпрекословно; неимущимъ помогали болѣе состоятельные. Далѣе подать была увеличена до семи золо-

¹⁾ Савадъ—селенія Ирака, а также и тѣ, которые были покорены мусульманами при Омарѣ; длина его 160 парасанговъ, отъ Мосула до Аббадана, ширина простирается отъ Ал-Оданба до Хилвана (Dugat, op. cit., стр. 124, прим. 2).

²⁾ Dozy, op. cit., стр. 272.

тыхъ съ человѣка. Кто ихъ уплачивалъ, тому давалось отвѣ-
дать какого-то, особо приготовленнаго, кушанья, которымъ,
будто-бы, питаются праведники въ раю и которое де ниспо-
слано Хамдану съ неба. Суевѣрная толпа платила и ѣла рай-
скую пищу. Наконецъ, чтобы еще болѣе увеличить фондъ
секты, Хамданъ сталъ распространять коммунистическія идеи,
говоря, что, такъ какъ вскорѣ всѣ сокровища земли будутъ
принадлежать увѣровавшимъ въ его ученіе, то нѣтъ смысла
заботиться объ имуществѣ настоящей минуты, и слѣдуетъ все,
что имѣешь, соединить воедино, принести на пользу общаго
дѣла. И на этотъ разъ было сдѣлано по его слову, и когда
даже бѣднѣйшіе отдали все, что имѣли, до одежды и оружія
включительно, то великій даи (такъ величался Хамданъ-Кар-
матъ) возвѣстилъ, что отнынѣ всякій можетъ считать себя со-
вершенно свободнымъ отъ всѣхъ прежнихъ своихъ обяза-
тельствъ: всѣ освобождались отъ молитвы и поста и каждому
предоставлялось право грабить и убивать своихъ противниковъ.
Это позволеніе не нужно было, конечно, повторять дважды.
Повсюду начались самые смѣлые грабежи и самыя звѣрскія
убійства! Не поддается описанію ужасъ, внушаемый карма-
тами по всей странѣ. Многіе присоединились къ нимъ или
дѣлали видъ, что имъ сочувствуютъ, только для того, чтобы
не подвергнуться ихъ дикому насилію.

Сектѣ недоставало еще кое-чего, помимо денегъ: ей надо
было имѣть крѣпость, которая служила бы и сборнымъ пунк-
томъ, и, въ случаѣ нужды, убѣжищемъ. Даи избрали для этой
цѣли одну изъ деревень Савада, принадлежавшихъ халифу.
Безъ промедленія было приступлено къ работѣ, которая быстро
подвигалась впередъ. Вскорѣ крѣпость была сооружена (890 г.).
Съ каждымъ днемъ секта становилась сильнѣе и сильнѣе.
Многіе изъ шиитовъ-иснаашаридовъ присоединились къ карма-
тамъ. Даи были разосланы во всѣ стороны. Одинъ изъ нихъ, —
Абу-Саидъ-ал-Дженнаби, дѣйствовалъ въ Бахраинѣ (на с.-з.
аравійскаго полуострова), гдѣ почва для развитія ученія секты
была столь же благопріятна, какъ и въ Савадѣ. До Мухам-
меда Бахраинъ была персидская провинція. Ядро населенія
состояло изъ персовъ, не принявшихъ ислама, христіанъ и
евреевъ, — остальное были поарабившіеся набатеи. Къ нимъ,

какъ извѣстно, исламъ мало привился. Они первые отъ него отступились послѣ смерти пророка. Только при Омарѣ они снова были подчинены халифомъ и снова обращены въ мусульманство. Разумѣется, они были въ немъ не тверды: оно не привилось къ нимъ и они были мухаммеданами только по внѣшности. Самыя смѣлыя религіозныя идеи противомусульманскаго характера имѣли къ нимъ легкій доступъ. Вотъ почему предсказаніе Абу-Саида о пришествіи махди имѣло у нихъ полный успѣхъ.

Въ два года (899—901) Абу-Саидъ успѣлъ завладѣть всей провинціей Карматы угрожали Ираку. Халифъ Мутахидъ выслалъ противъ нихъ десятитысячную армію. Она была разбита наголову, а полководецъ взятъ въ плѣнъ. Абу-Саидъ даровалъ ему свободу съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ халифу, что онъ, Абу-Саидъ, клянется ему, халифу, что Бахраинъ для него, халифа, отнынѣ на-вѣки потерянь. Халифъ дрожалъ отъ злости, выслушивая отъ своего полководца это дерзкое порученіе, но не промолвилъ ни слова и не возобновлялъ болѣе борьбы съ карматами: сознаніе собственной слабости пересилило чувство нанесеннаго оскорбленія.

Секта была еще сильнѣй на сѣверѣ Африки, благодаря поддержкѣ, которую она нашла у берберовъ Кетамы (теперь Константинія). Туда былъ посланъ хитрый дай Абу-абд-алла. Онъ началъ съ обученія грамотѣ дѣтей кетамитовъ, такимъ образомъ, мало по-малу, онъ приобрѣлъ расположеніе ихъ родителей. Тогда онъ открылъ имъ, что онъ шитъ, объявилъ себя предчестей махди и обѣщалъ кетамитамъ всѣ блага этой и будущей жизни, если они возмутся за оружіе во имя святаго дѣла. Онъ говорилъ, что махди покоритъ весь міръ, воскреситъ мертвыхъ и повелитъ солнцу встать съ запада ¹⁾. Кетамиты взяли за оружіе и, такъ какъ ихъ племя было самое многочисленное и сильное изъ всѣхъ остальныхъ, то они, подъ предводительствомъ Абу-абд-аллы, дѣйствовали съ

¹⁾ Мухаммеду приписываютъ предсказаніе, весьма распространенное въ Африкѣ, что при концѣ міра солнце встанетъ съ запада что объяснялось въ томъ смыслѣ, что махди появится съ запада; но это предсказаніе понималась и буквально (Darmesteter, op. cit., стр. 110, прим. 42).

большимъ успѣхомъ и ниспровергли болѣе вѣка существовавшее царство Ахлабитовъ, мѣстной династіи, находившейся въ вассальномъ отношеніи къ багдадскому халифату.

Въ это время появился, наконецъ, долго и страстно ожидаемый махди. Это былъ некто ипой, какъ Саидъ, глава секты, происходившій на самомъ дѣлѣ отъ уже хорошо намъ знакомаго Абд-алль-ибнъ-Маймуна ¹⁾, но выдававшій себя за потомка Али и носившій имя Убейдуллы. До 902 г. онъ, какъ и предшественники его, жилъ въ Салами, въ Сиріи, но затѣмъ, по зову своего апостола, онъ покинулъ это мѣсто ²⁾ и явился въ Африку, но на первыхъ порахъ потерпѣлъ неудачу: въ Триполи онъ былъ арестованъ и, по распоряженію губернатора, посаженъ въ тюрьму. Но его предтечу не покидала энергія. Онъ продолжалъ военныя дѣйствія противъ Ахлабитовъ, которыя закончились изгнаніемъ ихъ эмира, и объявилъ правителемъ, за отсутствіемъ махди,—Бога. Въ продолженіе нѣкотораго времени, до освобожденія Убейдуллы изъ заключенія, монеты носили слѣдующую надпись: „Я исполнилъ завѣтъ Бога; да расточатся врази Его!“ На оружіе было выбито: „оружіе для битвы на Божье дѣло“, а на сѣдлахъ виднѣлись слова: „Господу принадлежитъ царство!“ — Наконецъ, махди былъ освобожденъ и провозглашенъ халифомъ (609 г.). Онъ былъ основателемъ династіи фатимидовъ ³⁾.

Рационалистическую подкладку секты фатимиды тщательно скрывали отъ толпы. Въ Африкѣ они имѣли дѣло не съ персами, народомъ цивилизованнымъ и, въ силу этого преимущества, склоннымъ къ весьма широкому взгляду на религію, даже къ полному ея отрицанію, но съ народомъ полудикимъ, неразвитымъ, ничего не понимавшимъ въ философскихъ тонкостяхъ измаилитскихъ даі, смотрѣвшимъ на религію съ уваженіемъ первобытныхъ народовъ. Въ Бахраинѣ было нѣсколько иначе. Тамъ карматы высказывались открито

¹⁾ Внуку его (Darmesteter, op. cit., стр. 51).

²⁾ По Dozy—op. cit., стр. 276—277—онъ покинулъ Саламию вслѣдствіе какой-то весьма серьезной опасности, ему угрожавшей.

³⁾ По имени Фатимы, дочери пророка, жены Али, за потомковъ которой выдавали себя халифы этой династіи.

веннѣе. Тамъ уже не постились, не молились, пили вино и не стѣснялись никакими степенями родства при бракахъ. Но коммунизмъ, который проповѣдывалъ Хамданъ, кажется, не существовалъ тамъ и карматы еще не были посвящены въ тайны высшихъ степеней секты. Въ нихъ не было свободымыслия и все, что они дѣлали, они дѣлали въ силу искренняго религіознаго убѣжденія. Они вѣрили въ Бога, правящаго міромъ; Куранъ былъ для нихъ священной книгой, но они толковали его иносказательно; они смотрѣли на себя, какъ на избранныхъ и считали своей священной обязанностью истреблять съ мечемъ въ рукахъ всѣхъ думающихъ иначе, чѣмъ они. Въ стихотворныхъ произведеніяхъ ихъ вождя Абу-Тагира ¹⁾ отмѣтимъ странное, съ перваго взгляда, мѣсто, гдѣ говорится о скоромъ пришествіи Иисуса Христа на землю, дабы подтвердить дѣйствія карматовъ и дать имъ новыя приказанія. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что измаилиты, какъ мы уже сказали, вѣрили въ послѣдовательную инкарнацію божества въ семь разныхъ эпохъ и подъ семью разными видами: Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса Христа, Мухаммеда и Мухаммедъ-ибнъ-Исмаила, своего верховнаго главу, причемъ смотрѣли на каждыя изъ нихъ, какъ на частицу, если можно такъ выразиться, божественной субстанции, составляющую вмѣстѣ съ прочими ея частицами одно цѣлое, Бога.

Съ 913 года главой карматовъ является Абу-Тагиръ, сынъ Абу-Саида. Имя этого человѣка произносилось даже шиитами — фатимидами, не иначе, какъ съ негодованіемъ, хотя онъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ халифомъ Убейдуллою, признавалъ въ немъ повелителя, отдавалъ ему пятину отъ податей и, по его приказу, совершалъ всѣ тѣ ужасы, которые такъ глубоко возмущали чувство набожныхъ мусульманъ. Дѣйствительно, было отъ чего приходиться въ ужасъ! Карматы останавливали

¹⁾ Сынъ Абу-Саида-ал-Дженнаби; умеръ въ 932—943 (*Mémoires sur les Carmathes du Bahrein par M. de Gaeje*). Абу-Тагиръ былъ человѣкъ образованный по своему времени, искусный ораторъ и поэтъ (Абу-л-Магасинъ, — *Gaeje*, *op. cit.*). Эти возвышенные качества не помѣшали ему, однако, быть липенымъ всякаго религіознаго чувства и сдѣлаться въ глазахъ всего мусульманскаго міра предметомъ ужаса и отвращенія.

и грабили караваны паломниковъ, идущихъ изъ Ирака на поклоненіе въ Мекку, захватывали въ плѣнъ мужчинъ и женщинъ и продавали ихъ въ рабство. Не довольствуясь этимъ, Абу-Тагиръ, дѣйствуя по приказу все того же Убейдуллы, затѣялъ страшное, въ глазахъ всего мусульманскаго міра, дѣло: онъ задумалъ напасть на священную Мекку и завладѣть драгоценнѣйшею для каждого мусульманина святынею, „чернымъ камнемъ“¹⁾, который благочестивые правовѣрные называютъ не иначе, какъ „правою рукою Бога на землѣ“. Этимъ Абу-Тагиръ хотѣлъ нанести смертельный ударъ исламу. Былъ январь 930 года. На этотъ разъ караванъ молеельщиковъ благополучно достигъ священнаго города, какъ вдругъ пришла ужасная вѣсть, что Абу-Тагиръ во главѣ карматовъ идетъ на городъ. Меккскій эмиръ вышелъ къ нему на встрѣчу и пытался остановить его, предлагая деньги. Но не деньги были пужны Абу-Тагиру и онъ отвергъ предложеніе эмира. Затѣмъ послѣдовало сраженіе. Защитники Мекки были разбиты и карматы побѣдоносно вошли въ городъ. Они прямо направились къ Каабѣ.

Ужасъ и смятеніе, объявившіе паломниковъ, не поддаются описанію! Съ воплями отчаянія прижимались они къ стѣнамъ Каабы, ища себѣ тамъ защиты. Женщины оглапали воздухъ пронзительными криками и тѣмъ производили еще большее смятеніе. Какъ грозныя тучи, неотвратимыя, какъ сама смерть, надвигались дикія полчища карматовъ, пролагая себѣ путь по трупамъ...

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней²⁾ карматы грабили Мекку. Мужчины и женщины были обращены въ рабство и раздѣлены между побѣдителями. Число убитыхъ должно было быть значительно, хотя съ точностью неизвѣстно, такъ какъ въ этомъ отношеніи показанія расходятся: по однимъ источникамъ — 70 тысячъ, по другимъ — всего 30. Какъ бы то ни было, разграбленіе карматами Мекки можно считать однимъ

¹⁾ По мусульманскому преданію, „черный камень“ Адамъ получилъ отъ Бога съ неба.

²⁾ Въ разныхъ повѣствованіяхъ объ этомъ событіи время приведено различно: 6, 11 и 17 дней.

изъ величайшихъ бѣдствій, постигавшихъ когда-либо исламъ, такъ какъ, ограбивъ городъ, карматы унесли изъ него святыню мусульманства, — „черный камень“¹⁾.

Негодование всего мусульманскаго міра по поводу этого кощунства было столь велико, что халифъ, по приказанію котораго оно было совершено²⁾, счелъ нужнымъ прикинуться возмущеннымъ варварствами карматовъ и отдалъ приказъ вернуть „черный камень“ жителямъ Мекки, но другимъ секретнымъ приказомъ запретилъ карматамъ дѣлать это, и „черный камень“ не былъ возвращенъ.

Похищеніемъ изъ Мекки главной мусульманской святыни враги ислама не достигли своей цѣли: они не пошатнули ислама, онъ, по прежнему, оставался силенъ. На бѣдствіе, постигшее Мекку, правовѣрные смотрѣли, какъ на ниспосланное имъ Богомъ испытаніе и вѣра ихъ не была поколеблена. Они по прежнему совершали паломничество въ Мекку и цѣповали съ благоговѣніемъ то мѣсто въ Каабѣ, гдѣ прежде лежалъ священный камень.

Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, карматы стали стоворчивѣе, и въ 939 г. заключили съ мекканцами договоръ, въ силу коего обязывались впредь не тревожить каравановъ паломниковъ съ тѣмъ, чтобы жители Мекки платили имъ ежегодную подать изъ лошадей и верблюдовъ. Что же касается до „чернаго камня“, то они, не смотря на предлагаемыя имъ за него большія деньги, постоянно отказывались вернуть его, ссылаясь на то, что не имѣютъ приказанія халифа. Наконецъ, при третьемъ халифѣ фатимидѣ, Ал-Мансурѣ, они возвратили Меккѣ священный камень, продержавъ его у себя въ плѣну 20 лѣтъ и получивъ за это 24,000 динаровъ, т.-е., сообразуясь со стоимостью денегъ того времени, около полумилліона рублей.

Въ продолженіе всей жизни Абу-Тагира карматы господствовали въ Аравіи, Сиріи и Иракѣ, гдѣ волей-неволей имъ подчинялись, такъ какъ приходилось выбирать одно изъ двухъ:

¹⁾ Абу-л-Магасинъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что похитителемъ „чернаго камня“ изъ Мекки былъ Абу-Саидъ-ал-Дженнаби, а въ другомъ, что то былъ Абу-Тагиръ (Dugat, op. cit., стр. 129).

²⁾ Dozy, op. cit., стр. 281.

или платить имъ требуемую подать, или быть безпомощными свидѣтелями дикихъ грабсжей и убійствъ. Послѣ смерти Абу-Тагира карматы еще сохраняли нѣкоторое время свое прежнее вліяніе. Господство ихъ начинаетъ падать съ того времени, какъ они отдѣлились отъ фатимидовъ и окончательно разошлись съ ними, въ 969 г., скорѣе изъ-за политическихъ, чѣмъ религіозныхъ несогласій. При халифѣ Ат-Тая (973—991 г. по Р. X) карматы окончательно потеряли прежнюю силу. Послѣ 988 г. по Р. X о нихъ уже не было болѣе слышно ¹⁾).

¹⁾ Dygat, op. cit., стр. 158.

ГЛАВА IV.

Халифъ Хакимъ.—Характеристика Хакима.—Два періода его жизни.—Преслѣдованія имъ христіанъ и евреевъ.—Даръзи и его ученіе о воплощеніи божества въ Хакимѣ.—Хамза.—Друзы.—Краткій историческій очеркъ Либана —Хасанъ-Саба.—Его пребываніе при дворѣ Маликшаха.—Его неудачи и удаленіе отъ двора.—Основаніе секты асасиновъ.—Организація секты.—Могущество секты.—Ея упадокъ.—Краткая характеристика измаилизма.

При Фатимидахъ ¹⁾, достигшихъ значительной степени могущества и силы, измаилизмъ принялъ чрезвычайно своеобразное направленіе: онъ нашелъ себѣ бога на землѣ и вокругъ него создалъ цѣлую церковь, существующую и по нынѣ.

Въ 996 году по Р. Х. вступилъ на престолъ шестой халифъ этой династіи,—Хакимъ. Личность этого халифа, ставшаго причиной возникновенія секты Друзовъ, существующей и по настоящее время на Либанѣ, въ высшей степени оригинальна и мало выяснена исторіей.

Хакимъ вступилъ на престолъ совсѣмъ ребенкомъ: ему было всего 11 лѣтъ. Но необыкновенно острый, инквизиторски проницательный взглядъ темно-синихъ глазъ этого страннаго мальчика производилъ удивительное дѣйствіе: онъ сму-

¹⁾ Халифовъ этой династіи было всего 14, а именно: 1) Убейдулла (882—933 г.), 2) Ал-Каймъ (933—946 г.), 3) Ал-Мансуръ (946—955 г.), 4) Ал-Муизъ (955—978 г.), 5) Ал-Азизъ (978—996 г.), 6) Ал-Хакимъ (996—1021 г.), 7) Аз-Загиръ (1021—1037 г.), 8) Ал-Мустансиръ (1037—1094 г.), 9) Ал-Мустали (1094—1101 г.), 10) Ал-Эмиръ (1101—1129 г.), 11) Ал-Хафизъ (1129—1149 г.), 12) Аз-Зафиръ (1149—1154 г.), 13) Ал-Фазизъ (1154—1160 г.) и 14) Ал-Азидъ (вступ. въ 1160 г.).

щаль самых неробкихъ. У юнаго повелителя Сиріи и Египта была очень странная натура. Онъ былъ весьма измѣнчивъ и до крайности непослѣдователенъ въ своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ. Нѣкоторые ученые ¹⁾ смотрятъ на него, какъ на душевно-больнаго. Мусульманскіе хроники выставляютъ Хакима какимъ-то юродивымъ и обращаютъ въ смѣшную сторону всю его дѣятельность ²⁾. Въ жизни Хакима слѣдуетъ различать два періода, — до 1017 (по Р. Х.) и послѣ 1017 г. Въ первый періодъ, т. е. до 32 г. своей жизни, онъ проявлялъ необыкновенное усердіе въ вѣрѣ, хотя по своему характеру былъ, разумѣется, весьма непослѣдователенъ: то покровительствовалъ онъ правовѣрнымъ, то шіитамъ, то, безъ всякой видимой причины, строго запрещалъ собранія измаилитовъ, гдѣ проповѣдывалось ученіе этой секты (о чемъ мы говорили въ предыдущей главѣ), собранія, имѣвшія въ то время по характеру своему, — по таинственности, ихъ окружающей, и нѣкоторымъ обрядовымъ особенностямъ, каждому такому собранію присущимъ, — нѣкоторое сходство съ масонскими ложами, то вдругъ снова ихъ разрѣшалъ. Въ одномъ, впрочемъ, онъ былъ совершенно послѣдовательнымъ въ продолженіе всего перваго періода своей жизни, — въ систематическомъ преслѣдованіи христіанъ и евреевъ. Не мало пришлось имъ вытерпѣть за это время всевозможныхъ бѣдъ и униженій. На кровляхъ церквей и синагогъ строили минареты, съ высоты которыхъ муэдзины пять разъ въ день звали правовѣрныхъ на молитву. Затѣмъ церкви и синагоги стали безжалостно разрушать. По приказанію Хакима, разрушенъ храмъ Воскресенія въ Іерусалимѣ (1009 г.). Не мало было за это время жестоко замученныхъ, не хотѣвшихъ измѣнить своей вѣрѣ. Жестокія преслѣдованія христіанъ этой эпохи, которыхъ плачь и стоны достигали до ихъ единовѣрцевъ на западѣ, были, несомнѣнно, одной изъ главнѣйшихъ причинъ крестовыхъ походовъ, ознаменовавшихъ собою XI столѣтіе ³⁾. Послѣдовавшій, наконецъ, указъ халифа о немедленномъ выселеніи изъ предѣловъ халифата всѣхъ христіанъ и евреевъ, не

¹⁾ Darmesteter, *op. cit.*, стр. 57.

²⁾ Dozy, *op. cit.*, стр. 287.

³⁾ Hughes, *op. cit.* 126.

желавшихъ принять исламъ, былъ встрѣченъ этими послѣдними съ восторгомъ: раньше имъ строжайше воспрещалось выселеніе въ другія страны, и они по-неволѣ должны были претерпѣвать всевозможныя гоненія, если не хотѣли быть вѣроотступниками. Послѣ этого указа громадное количество ихъ выселилось въ разныя страны ¹⁾.

При всей измѣнчивости, непослѣдовательности, узкой религіозной нетерпимости и холодной жестокости въ отношеніи немусульманъ, Хакимъ проявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую заботливость и доброту къ своему народу. Онъ не жалѣлъ денегъ на бѣдныхъ. Когда его министръ финансовъ предполагалъ однажды сдѣлать, въ видахъ сбереженія государственнаго бюджета, нѣкоторыя сокращенія въ росписи производимыхъ ежегодно изъ казны пособій бѣднѣйшимъ мусульманамъ, вдовамъ, сиротамъ, увѣчнымъ и т. п., Хакимъ написалъ на представленномъ ему объ этомъ докладѣ слѣдующее: „Надежда моя—въ Богѣ; Его одного я страшуся! Ему одному принадлежатъ сокровища земли; мы, люди, ими лишь временно завѣдуемъ на землѣ. Прошу уплатить сколько кому назначено“.

Второй періодъ обнимаетъ собою послѣдніе три года жизни Хакима, когда онъ совершенно подпалъ вліянію ультрашиитовъ ²⁾.

Въ это время появился въ Египтѣ измаилитскій дай,—Дарази, проповѣдывавшій идею о воплощеніи божества. Онъ сталъ публично утверждать, что въ настоящее время божество воплотилось въ Хакимѣ, что Хакимъ—Богъ. Онъ составилъ даже богословскій трактатъ, въ которомъ утверждалъ, что

¹⁾ Достоинно вниманія, что Хакимъ такъ настойчиво преслѣдовалъ христіанъ и евреевъ потому, какъ онъ самъ открыто высказывалъ, что, по преданію, въ которое онъ безусловно вѣрилъ, время его правленія совпало съ тѣмъ временемъ, когда истекъ, будто бы, срокъ, данный Мухаммедомъ христіанамъ и евреямъ, въ продолженіе котораго они могли спокойно исповѣдывать свою вѣру, платя лишь дань мусульманамъ, и по истеченіи котораго они снова должны были подвергнуться ирелсѣдованіямъ или перейти въ исламъ.

²⁾ Поклонниковъ идеи божественности Али,—принципа, чуждаго шиитамъ умѣреннымъ, признававшимъ лишь исключительное право Али и его потомковъ на иманатъ.

душа Адама перешла въ Али, затѣмъ въ его потомковъ и, наконецъ, въ Хакима. Этотъ оригинальный трактатъ былъ читанъ въ соборной мечети въ Каирѣ и вызвалъ всеобщее негодованіе. Толпа хотѣла убить Дарази и его удалось лишь съ большимъ трудомъ отъ нея спрятать. Затѣмъ произошло волненіе, продолжавшееся три дня, въ которые погибло не мало сторонниковъ Дарази.

Хакимъ воспринялъ ученіе Дарази безпрекословно. Онъ сразу, и очень охотно, увѣровалъ, что онъ, Хакимъ, не кто иной, какъ Богъ. Это, однако, ничуть не можетъ доказывать справедливости приведеннаго нами выше взгляда на Хакима, какъ на нравственно-больного. Какъ мы уже не разъ говорили выше, идея воплощенія божества въ избранныхъ для сего людяхъ, жившая въ шизмѣ, куда она перешла, въ свою очередь, изъ прежнихъ вѣрованій Персіи, мало-по-малу укоренилась вообще въ мусульманствѣ и стала ему свойственной.

Испуганный волненіемъ, Хакимъ не рѣшился открыто принять сторону Дарази. Онъ далъ ему денегъ и отправилъ его въ Сирію проповѣдывать свое ученіе жителямъ горъ. Такимъ образомъ Дарази сдѣлался основателемъ секты друзей, на Либанѣ, получившей это названіе отъ имени своего основателя.

Однако, сами друзья, хотя и получили названіе отъ Дарази, не признаютъ его основателемъ ихъ секты, а считаютъ за такового нѣкоего Хамзу, другаго приверженца Хакима, тоже пришельца, какъ вѣжется, перса.

Хамзѣ удалось завербовать много приверженцевъ своего ученія и организовать изъ нихъ чуть не цѣлое правильно устроенное войско, опираясь на которое Хакимъ открыто провозгласилъ себя воплощеннымъ божествомъ. Чтобы оправдать божественное всевѣдѣніе, на которое онъ претендовалъ, онъ держалъ подъ рукой особую тайную полицію, которая доносила ему обо всемъ, что случалось мало-мальски интереснаго, выдающагося въ жизни его подданныхъ, и тѣмъ давала возможность укореняться въ народѣ мысли, что нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не было извѣстно ихъ божественному халифу.

Ему воздавали божескія почести и вокругъ него образовался цѣлый религіозный культъ со своимъ правильно орга-

низованнымъ ритуаломъ, цѣлая, если позволительно такъ выразиться, церковь, имѣвшая своей главой бога — Хакима. На всемъ протяженіи халифата и въ священныхъ Меккѣ и Мединѣ Хакима чтили, какъ Бога, и вставали съ самымъ искреннимъ благоговѣніемъ, когда на молитвахъ въ мечети произносилось его имя.

Что же касается до самого новоявленного на землѣ бога, то онъ изъ узкаго фанатика, какимъ былъ доселѣ ¹⁾, съ легкостью, свойственной этой странной натурѣ (которую во всякомъ случаѣ нельзя считать вполне нормальной), вдругъ преобразился въ религіознаго либерала въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, равно терпящаго все религіи и все секты. Самъ онъ откинулъ съ презрѣніемъ все религіозные обряды и обязанности. Онъ не совершалъ обычныхъ молитвъ, не постился и отмѣнилъ нѣкоторыя изъ наиболее важныхъ предписаній Курана, какъ напр., посты, зекать ²⁾ и паломничество въ Мекку, такъ какъ измаилиты понимали все предписанія Курана иносказательно. На молитву, зекать, паломничество въ Мекку и священную войну съ невѣрными смотрѣли они, какъ на символическое изображеніе преданности Али и его потомкамъ, ненависти къ врагамъ ихъ ученія, а главнымъ образомъ, къ Абу-Бекру, Омару и Осману; постъ же, по ихъ догматическому толкованію, былъ символомъ того строгаго молчанія, которое долженъ былъ хранить всякій, посвященный въ измаилитскія таинства.

Какъ мы уже упомянули, Хакимъ, признавъ себя божествомъ, сдѣлался очень терпимъ въ религіозномъ отношеніи. Христіанамъ и евреямъ было разрѣшено безпрепятственное совершеніе ихъ религіозныхъ обрядовъ и возобновленіе прежде разрушенныхъ церквей и синагогъ. Всѣмъ, кто перемѣнилъ свою вѣру противъ воли, не по убѣжденію, разрѣшено было вернуться снова къ своей прежней вѣрѣ. Въ нѣсколько дней болѣе шести милліоновъ христіанъ, принужденныхъ принять исламъ, снова перешли въ христіанство.

¹⁾ Хотя онъ и былъ, какъ мы сказали, попеременно то суннитомъ, то шиитомъ, смотря по капризу и расположенію духа, но, будучи и тѣмъ и другимъ, онъ одинаково былъ фанатиченъ и въ томъ и другомъ направленіи.

²⁾ См. 1 главу.

Въ 1021 году по Р. Х. Хакимъ внезапно исчезъ. Онъ былъ убитъ гдѣ-нибудь въ глухой части города. Его приверженцы не признали, однако, его смерти. Они рѣшили, что онъ скрылся на время изъ міра, вслѣдствіе людскихъ грѣховъ, но что онъ опять вочеловѣчится въ день воскресенія мертвыхъ, чтобы произвести свой судъ съ мечемъ въ рукѣ. Онъ долженъ появиться въ мірѣ, окруженный тьмою ангеловъ и херувимовъ. Его пришествію на землю будетъ предшествовать волненіе въ Египтѣ, появленіе лжепророка въ Каирѣ, землетрясеніе, торжество христіанства и упадокъ ислама ¹⁾.

„Когда вы узрите среди васъ, говоритъ одинъ изъ апостоловъ Хакима, оскудѣніе вѣры, благочестивыхъ подвергающихся поношеніямъ, вѣру — посмѣшищемъ въ кощунственныхъ устахъ невѣрныхъ, вселенную — тѣсной для сыновъ истины, неимущихъ, гдѣ преклонить главу, — тогда, — о жалкіе выродки! — ждите съ часа на часъ крика, который будетъ сигналомъ вашей гибели, и поклоняйтесь, по прежнему, идоламъ“! ²⁾.

Культь Хакима не сохранился въ Египтѣ: онъ не пережилъ тамъ своего бога ³⁾, но въ горахъ Сиріи онъ, какъ мы уже упомянули, существуетъ и по нынѣ въ сектѣ друзовъ, ожидающихъ и по сіе время пришествія на землю Хакима, бога въ человѣческомъ образѣ.

Секта друзовъ въ высшей степени оригинальная: будучи чисто мусульманскаго происхожденія, родившись, такъ сказать, на лонѣ измаилизма, она, въ сущности, секта не мусульманская, такъ какъ мусульмане не признаютъ въ друзьяхъ своихъ единовѣрцевъ, а друзья не признаютъ ислама и относятся къ нему крайне враждебно. Тѣмъ не менѣе, однако, ихъ доктрина носитъ на себѣ очевидные слѣды своего мусульманскаго происхожденія и заключаетъ въ себѣ не мало общихъ чертъ съ ученіемъ мусульманскихъ сектъ. Идея о единствѣ божіемъ фигурируетъ на первомъ планѣ въ ученіи друзовъ,

¹⁾ Случайное совпаденіе этого предсказанія съ дѣйствительностію, а именно: недавнія волненія въ Египтѣ, появленіе махди въ Суданѣ, дѣятельность Араби-паша въ Каирѣ, землетрясенія въ Испаніи, — все это заставило не такъ давно поклонниковъ Хакима ожидать его появленія.

²⁾ Silvestre de Sacy, Exposé de la religion des Druzes, 1, с. 1, 229.

³⁾ Darmesteter, op. cit., стр. 59.

оформленномъ и изложенномъ въ богословскихъ трактатахъ, принадлежащихъ, въ общемъ, Хамзѣ. Они понимаютъ ее сходно съ мутазилистами, т. е. не приписываютъ Богу никакого качества, которое было бы отлично отъ его субстанціи.

Десять разъ, учатъ они, божество появлялось людямъ въ человѣческомъ образѣ. Но инкарнаціи божества у нихъ совсѣмъ не тѣ, что у измаилитовъ. Десятая инкарнація была въ Хакимѣ; дальнѣйшихъ инкарнацій не будетъ до того дня, пока божество, въ лицѣ Хакима, снова не явится на землю, чтобы даровать побѣду ученію въ единство божіе и наказать невѣрныхъ. Все, совершенное Хакимомъ, хорошо, мудро и чудесно. Друзы упорно оправдываютъ всѣ необъяснимыя странности его поведенія, всю жестокость и несправедливость его образа дѣйствій и всѣ поступки его толкуютъ иносказательно, также какъ Куранъ и преданіе.

Предписанія ислама безусловно отвергаются друзьями. Они имѣютъ свои правила, составленныя Хамзой, исполненіе которыхъ считаютъ столь же важнымъ и необходимымъ, какъ мусульмане считаютъ важнымъ предписанія Курана. Вотъ предписанія друзей. Ихъ семь: первое и самое главное—говорить правду; второе—заботиться объ общественной безопасности; третье — отказаться отъ прежнихъ вѣрованій; четвертое—отрѣшиться отъ дьявола (т. е. отъ всевозможныхъ, тѣхъ или иныхъ, смотря по натурѣ каждаго, соблазновъ) и живущихъ въ заблужденіи; пятое — признавать единство божіе; шестое—быть довольнымъ всѣмъ, что Богъ дѣлаетъ; седьмое — подчиняться его велѣніямъ и въ счастіи, и въ несчастіи.

Друзы строго соблюдаютъ чистоту нравовъ и глубоко чтутъ супружескую вѣрность.

Друзы, какъ мы уже сказали выше, поселились на горѣ Либанѣ, а именно въ южной части его, Шуффѣ. Будучи преслѣдуемы мусульманами, изгнанные изъ предѣловъ Египта, они нашли себѣ убѣжище въ неприступныхъ твердыняхъ Хаурана и Либана. Переселеніе друзей на Либанъ случилось въ концѣ XI столѣтія. До того времени населеніе Либана составляли христіане—марониты ¹⁾ и православные, управляв-

¹⁾ Марониты — христіанская секта, основаніе которой приписывается монаху Марону, жившему въ VI вѣкѣ.

лявшіеся своими духовными и свѣтскими старшинами. Заселеніе Либана друзьями не встрѣтило препятствія со стороны либанскихъ христіанъ, такъ какъ послѣдніе видѣли въ нихъ надежныхъ союзниковъ противъ мусульманъ, преслѣдовавшихъ и тѣсвившихъ одинаково тѣхъ и другихъ. Однако, въ послѣдствіи либанскимъ христіанамъ, въ особенности же маронитамъ, пришлось горько раскаяться въ своемъ гостеприимствѣ. Дѣло въ томъ, что, когда внѣшняя опасность, грозившая друзьямъ со стороны мусульманъ, миновала, они стали завидовать господствующему значенію въ краѣ маронитовъ и домогаться преобладанія надъ ними и владычества надъ всѣмъ Либаномъ.

Такъ какъ дальнѣйшая судьба друзей неразрывно связана съ политической жизнью Либана, то здѣсь необходимо прослѣдить, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, исторію Либана ¹⁾, съ эпохи переселенія на него друзей.

Эта священная гора, соединяя въ себѣ не мало дорогихъ намъ воспоминаній библейской исторіи, служила всегда вѣрнымъ убѣжищемъ и надежнымъ пристанищемъ христіанамъ, во времена воздвигаемыхъ на нихъ гоненій ²⁾, и исторія ея представляетъ для насъ живѣйшій интересъ.

До 1787 года Либанъ не былъ подчиненъ одной власти, а былъ раздѣленъ на нѣсколько разныхъ округовъ, управлявшихся шейхами и эмирами, причемъ въ сѣверной части, населенной христіанами, были правителями марониты, а въ южной, гдѣ населеніе было смѣшанное (христіане и друзья), управляли друзья, покупавшіе это преобладаніе у сайдскихъ и аккскихъ пашей.

Такой порядокъ длился до 1787 года, но съ этого времени положеніе Либана измѣнилось въ административномъ отношеніи, такъ какъ во главѣ его управленія сталъ эмиръ

¹⁾ Излагая исторію Либана, я пользовался запиской нашего генеральнаго консула въ Бейрутѣ, напечатанной въ одномъ изъ изданій Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

²⁾ Либанъ (по арабски Либанъ) никогда не отказывалъ въ убѣжищѣ и другимъ религіознымъ общинамъ и сектамъ, терпѣвшимъ преслѣдованія за вѣру. Вслѣдствіе этого на Либанѣ появилось то разнообразіе исповѣданій, какое замѣчается нынѣ среди его населенія. На Либанѣ встрѣчаются всѣ христіанскія и нехристіанскія исповѣданія, а именно: православныя, марониты, уніаты (греко-католики), армяне и мусульмане (сунниты и шииты).

Беширъ, изъ рода родственниковъ Мухамеда, — Шехабовъ, принявшій христіанство по маронитскому обряду.

Первый эмиръ Либана былъ человѣкъ энергичный и дѣятельный. Благодаря этому, онъ взялъ верхъ надъ всѣми своими родственниками, домогавшимися власти, и сдѣлался повелителемъ не только Либана, но и Целисиріи. Такимъ успѣхомъ Беширъ былъ обязанъ поддержкѣ турецкихъ пашей, которыхъ расположеніе онъ покупалъ золотомъ и подарками. Беширъ управлялъ Либаномъ 53 года и потерялъ власть вслѣдствіе своей приверженности къ Ибрагимъ-пашѣ, когда вмѣшательство европейскихъ державъ возстановило власть султана въ Сиріи.

Преемникомъ Бешира былъ его родственникъ Касемъ-Шехабъ, человѣкъ миролюбивый и слабый, не обладавшій ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ правителю Либана въ то бурное время, которое наступило послѣ изгнанія египтянъ изъ Сиріи и съ Либана и которымъ воспользовались англичане и австрійцы, чтобы установить въ странѣ свое вліяніе. Тяжелое положеніе края въ то время увеличивалось еще, вслѣдствіе начавшихся домогательствъ со стороны либанскихъ христіанъ, главнымъ образомъ маронитовъ и ихъ духовенства, особыхъ правъ и привилегій въ награду за ихъ участіе въ возстановленіи власти султана на Либанѣ и въ Сиріи. Франція, желая вернуть свое значеніе въ Сиріи, упавшее во время египетскаго господства, поддерживала эти домогательства. Англія, содѣйствовавшая изгнанію египтянъ, была также не прочь, въ видѣ вознагражденія за свои усилія, пріобрѣсти вліяніе въ странѣ. Для этого она обратилась къ друзьямъ, недовольнымъ быстрымъ ростомъ политическаго значенія христіанъ. Въ это время возвратились на Либанъ всѣ эмиры и шейхи, изгнанные когда-то Беширомъ, и начали домогаться прежняго вліянія и возвращенія конфискованныхъ имѣній. Этимъ-то временемъ и воспользовалась Англія, чтобы вмѣшаться въ дѣла друзей, прикрываясь миссіонерскими цѣлями.

Съ этого времени къ внутреннимъ причинамъ раздоровъ между друзьями и маронитами присоединилось еще соперничество двухъ западныхъ великихъ державъ, — Англіи и Франціи. Это соперничество было причиной междоусобной войны на

Либанъ въ 1841 году, въ которой друзы одержали верхъ, отстранивъ отъ власти домъ Шехабовъ и усиливъ вліяніе Турціи. Въ томъ же году Порта, съ согласія державъ, раздѣлила Либанъ на двѣ области (каймаками),—друзскую и христіанскую. Управление первой было ввѣрено христіанину, второй—друзскому эмиру. Оба правителя назначались непосредственно Портою и считались намѣстниками сайдскаго паши. Въ 1845 г. между друзами и христіанами вспыхнула опять война, кончившаяся вмѣшательствомъ великихъ державъ. Двойственная система управленія была вновь утверждена, и Либанъ успокоился, но не надолго. Въ 1860 году друзы снова возстали противъ христіанъ и, при помощи турецкихъ солдатъ, произвели съ ними кровавую расправу. Это ужасное событіе вызвало отправленіе въ Бейрутъ корпуса французскихъ войскъ и назначеніе международной комиссіи, выработавшей новый регламентъ, которымъ управляется нынѣшнее автономное либанское генераль-губернаторство.

Населеніе Либана состоитъ изъ четырехъ главныхъ народностей или религіозныхъ общинъ, а именно—изъ маронитовъ, православныхъ, уніатовъ (греко-католиковъ) и друзовъ, и кромѣ того изъ небольшого числа протестантовъ и мусульманъ (суннитовъ и шіитовъ).

По этимъ четыремъ главнымъ народностямъ, сообразуясь съ тѣмъ, гдѣ преобладаетъ тотъ или другой элементъ, числомъ жителей или размѣромъ поземельной собственности, международная комиссія, выработавшая либанскій регламентъ въ 1861 г., раздѣлила Либанъ на семь административныхъ округовъ (каймакаміи), изъ коихъ одинъ предоставленъ православнымъ христіанамъ, одинъ—уніатамъ, одинъ—друзамъ и четыре—христіанамъ-маронитамъ.

Въ этнографическомъ отношеніи всѣ жители Либана принадлежатъ къ одной расѣ,—всѣ они сирійцы и говорятъ однимъ языкомъ, — арабскимъ. Православные жители Либана въ этнографическомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ христіанъ—сирійцевъ православнаго вѣроисповѣданія, живущихъ въ приморскихъ городахъ или въ селеніяхъ, внутри Сиріи: они также говорятъ по арабски и имѣютъ тѣ же нравы и обычаи.

Православные, не играя на Либанѣ никакой политической роли до 1861 года, не играютъ ея и теперь. Они стремятся только сохранить данныя имъ либанскимъ регламентомъ права и привилегіи и не допускать посягательствъ на нихъ друзовъ и маронитовъ. Греко-уніаты, будучи гораздо малочисленнѣе православныхъ и не пользуясь расположеніемъ ни друзовъ, ни маронитовъ, имѣютъ, однако, большое вліяніе на либанскую администрацію, благодаря ихъ умному и хитрому духовенству. Мусульмане на либанскія дѣла никакого вліянія не имѣютъ. Они держатся ближе къ друзамъ, чѣмъ къ христіанамъ, хотя первыхъ глубоко презираютъ и ненавидятъ. Протестанты состоятъ большею частью изъ православныхъ, совращенныхъ англійскими и американскими миссіонерами посредствомъ школъ и демежныхъ пособій. Религіозныя общины, живущія на Либанѣ, представляются въ цифровыхъ данныхъ въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾.

Маронитовъ	168,500.
Православныхъ	39,500.
Друзовъ	30,000.
Уніатовъ	22,000.
Шитовъ	11,300.
Суннитовъ	8,100.
Протестантовъ и	} 600.
Армянъ	
<hr/>	
Всего	280,000.

На востокѣ измаилизмъ принялъ характеръ и направленіе также въ высшей степени своеобразное по уродливости своихъ формъ и грубости своего содержанія,—отличительные признаки знаменитой секты асасиновъ.

Основателемъ ея былъ Хасанъ-Саба, персіянинъ изъ города Рея. Его отецъ, рыяный шитъ, принадлежалъ къ сектѣ иснаашаридовъ. Подвергаясь постояннымъ преслѣдованіямъ отъ своихъ враговъ—правовѣрныхъ, обвинявшихъ его то въ ереси,

¹⁾ Цифры заимствованы изъ упомянутой записки нашего генеральнаго консула въ Бейрутѣ.

то въ атеизмѣ, онъ, желая очистить себя отъ этихъ подозрѣній, отдалъ своего сына въ Нишапурскую правовѣрную школу. Но не школа дѣлаетъ людей. Воспитанный въ школѣ г. Нишапура, знаменитой своими учителями — богословами, защитниками правовѣрія, — Хасанъ сталъ впоследствии отъявленнымъ врагомъ ислама.

Черезъ посредство товарища своего по училищу, Низамъ-ул-Мулька, ставшаго министромъ шаха персидскаго Маликшаха, Хасанъ получилъ мѣсто при дворѣ этого владыки и, пріобрѣтя его довѣріе, хотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы погубить своего друга, желая занять его мѣсто. Онъ сталъ для этого распространять слухи, набрасывавшіе тѣнь на его безукоризненную честность, обнаруживаемую имъ во все время управленія финансами страны, и успѣлъ бы въ своихъ замыслахъ, еслибы не тонкая проницательность Низамъ-ул-Мулька, помогшая ему во-время оборвать нить веденной противъ него интриги и, въ свою очередь, посредствомъ новой интриги, низвергнуть противника. Хасанъ былъ удаленъ отъ двора и, убѣгая отъ преслѣдованій Низамъ-ул-Мулька, нашелъ себѣ убѣжище въ Испагани, въ домѣ нѣкоего Абу-л-Фадла, сдѣлавшагося впоследствии однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его приверженцевъ. Живя тамъ въ строгомъ уединеніи, онъ обдумывалъ планъ мщенія. Цѣлый рядъ случайностей помогъ ему. Онъ свелъ знакомство съ однимъ измаилитомъ, изучавшимъ тайны секты въ каирской ложѣ ¹⁾. Мистическое ученіе общества до такой степени повліяло на него, что онъ весь отдался изученію тайнъ измаилизма и, по совѣту руководившаго имъ дай, отправился въ Египетъ. Халифъ ²⁾, наслышанный о немъ, какъ о человѣкѣ весьма талантливомъ, хотя и опасномъ интриганѣ, принялъ его къ своему двору, оказывалъ ему внѣшніе знаки уваженія, но держалъ его отъ себя далеко. Хасанъ провелъ въ Египтѣ около года. Замѣшанный въ придворно-политическихъ интригахъ и тѣмъ навлекшій на себя сильный гнѣвъ главнаго военачальника, онъ

¹⁾ Какъ мы уже упомянули, разнообразныя кружки измаилитовъ, отличавшіяся между собою тонкостями преподаванія догмы и нѣкоторыми обрядами, имѣютъ сходство съ разнообразными ложами франъ-масонства.

²⁾ Ал.—Мустансиръ (1037—1094 г.).

долженъ былъ бѣжать изъ Египта и сѣлъ на корабль, чтобы ѣхать къ варварійскимъ берегамъ. Едва корабль вышелъ въ открытое море, какъ поднялась буря. Всѣ были въ ужасѣ и смятеніи, кромѣ Хасана, который оставался невозмутимо-спокойнымъ. На вопросы о причинѣ этого страннаго для всѣхъ спокойствія онъ отвѣчалъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ: „нашъ владыка ¹⁾ обѣщаль мнѣ, что никакое бѣдствіе меня не коснется“ Вскорѣ затѣмъ буря стихла. Матросы прониклись такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ Хасану, что стали его вѣрными учениками и послѣдователями. Однако, ему не пришлось попасть къ берберамъ: вѣтеръ перемѣнилъ направленіе и прибилъ корабль къ сирійскимъ берегамъ. Хасанъ высадился, вернулся въ Персію и сталъ энергически набирать себѣ послѣдователей, что, при его замѣчательной хитрости и тонкомъ знаніи людей, было не трудно. Въ 1090 году, при помощи своихъ многочисленныхъ послѣдователей, онъ овладѣлъ Аламутомъ („орлинымъ гнѣздомъ“), — лучшею крѣпостью въ Рудбарѣ (области на сѣверѣ Казвина), который и сдѣлался средоточіемъ могущества секты. Изучивъ въ совершенствѣ идеи измаилизма, мистическія лишь на показъ толпы, въ сущности же весьма простыя и грубо-матеріалистическія, введившія постепенно прозелита въ кругъ идей самаго широкаго отрицанія не только религіи вообще, но и какихъ бы то ни было завѣтныхъ вѣрованій у человѣка и трактующихъ религію и обрядность, какъ средство держать толпу на готовѣ исполнять волю тѣхъ, кто умѣетъ се дурачить, — Хасанъ поставилъ себѣ девизомъ любимое изреченіе измаилитской мудрости: „нѣтъ ничего истиннаго, и все позволительно“ и задался мыслію образовать государство въ государствѣ. Имъ руководило въ этомъ чувство мщенія. Онъ хотѣлъ стать опаснымъ врагомъ халифа и его могущества, заставить трепетать повелителя правовѣрныхъ и этимъ успокоить гложущее сердце чувство обиды за неудачу своей придворной карьеры. Часъ мщенія, наконецъ, насталъ, хотя и долго пришлось ожидать его. 20 лѣтъ прошло съ того дня, какъ Хасанъ, униженный, бѣжалъ отъ двора персидскаго владыки. гонимый неутолимымъ гнѣвомъ

¹⁾ Подъ этимъ именемъ измаилиты подразумевали главу секты.

Низамъ-ул-Мулька, — и вотъ этотъ гордый вельможа палъ подъ ударами убійць, вѣрныхъ рабовъ Хасана. Вскорѣ затѣмъ умеръ Маликшахъ и въ Персіи начались кровавыя смуты. Хасанъ могъ спать спокойно: оба врага его навсегда сошли со сцены. Хасанъ дѣйствовалъ не отъ своего имени. Онъ выставлялъ себя приверженцемъ халифа-фатимида, Ал-Мустансира, пребывавшаго въ Каирѣ, и довольствовался простымъ названіемъ „папъ правитель“ или также „владыка горы“ (собств. шейхъ горы) ¹⁾. Основанное Хасаномъ религіозное общество имѣло особую организацію ²⁾, въ общихъ чертахъ ту же, что и у измаилитовъ. Непосредственно за главой секты слѣдовали три главные „дай“, правители трехъ областей, — Джебала, Хузистана и Сиріи, гдѣ секта имѣла большой успѣхъ. За главными „дай“ шли простые „дай“ — „мастера“ западныхъ религіозныхъ союзовъ — обычные миссіонеры измаилизма. Далѣе слѣдовали „товарищи“ (рефикъ), которые, проходя шагъ за шагомъ лѣстницу степеней могли сдѣлаться „мастерами“. Пятую степень этой самобытной іерархіи занимали „фидай“ (жертвы), — слѣпые исполнители воли вождя, готовые жертвовать своею жизнью, безпрекословно совершая волю своего повелителя. Они безтрепетной рукой и самымъ жестокимъ образомъ убивали враговъ секты по первому знаку главы общины. Этихъ „фидай“ или, по просту, убійць изготовляли совершенно особеннымъ образомъ, отличающимся тонкимъ знаніемъ человѣческой природы. Намѣченнаго субъекта, — обыкновенно крѣпкаго юношу съ хорошо развитыми мускулами, — приглашали на трапезу и усыпляли давая ему незамѣтнымъ образомъ гашишъ ³⁾. Затѣмъ его относили въ особо устроенный для этой цѣли въ Аламутѣ садъ съ бьющими фонтанами, нѣжно поющими птицами, тѣнистыми аллеями и черноглазыми рабынями, подносящими пришельцу

¹⁾ Въ средніе вѣка крестоносцы, по плохому знанію арабскаго языка, перевели это выраженіе „старецъ горы“, названіе, которое утвердилось въ исторіи за главой асасиновъ.

²⁾ Dozy, *op. cit.*, стр. 303.

³⁾ Отсюда — названіе сектантовъ „гашипины“. перешедшее во французскомъ произношеніи крестоносцевъ въ асасины, слово, получившее затѣмъ во французскомъ языкѣ специальное значеніе убійцы, какими въ дѣйствительности главнымъ образомъ и были послѣдователи этой страшной секты.

вино въ золотыхъ чашахъ, и оставляли его въ этомъ земномъ раю. Юноша просыпался, наслаждался на землѣ всѣми прелестями, сулимыми Кураномъ на небѣ, и, утомленный избыткомъ наслажденій, засыпалъ; тогда его приносили опять въ покой, гдѣ происходила трапеза и гдѣ ожидалъ его „дай“, увѣрявшій его, по его пробужденіи, что все, что съ нимъ было, было лишь въ его воображеніи, что онъ, такъ сказать, лишь на время мысленно соприкоснулся съ тѣми безконечными наслажденіями, которыми онъ будетъ вѣчно упиваться въ другомъ мірѣ, если не устранился отдать жизнь за вѣру и будетъ безропотно повиноваться волѣ главы секты. Подъ впечатлѣніемъ происшедшаго въ саду тотъ, съ кѣмъ продѣлывалось все это, соглашался и, пригубивъ, такъ сказать, чашу наслажденія, хотѣлъ поскорѣе выпить ее до дна и не боялся смерти, даже искалъ ее, убѣжденный, что за смертью послѣдуетъ безконечное повтореніе всего того, что ему пришлось испытать въ томъ саду, куда онъ вдругъ перенесся отъ трапезы съ благочестивымъ „дай“. Вотъ причина полного, ужасающаго отсутствія страха смерти у асасиновъ и успѣха и непобѣдимости секты: она открывала самые широкіе горизонты чувственности, — этого всесильнаго рычага для большинства среднихъ натуръ, составляющихъ толпу, и давала желающимъ вступить въ секту возможность на землѣ попробовать (и, можетъ быть, не одинъ разъ) всѣ прелести, сулимыя въ будущемъ на небѣ.

За „фидай“ шли „ласикъ“, т.-е. тѣ, которые предназначались быть въ послѣдствіи „фидай“. Наконецъ, послѣднюю ступень занимали — „вѣрные“, т.-е. толпа.

Главною особенностью военныхъ дѣйствій асасиновъ было систематическое овладѣваніе крѣпостями и устройствомъ новыхъ крѣпостей, по преимуществу, на горахъ: такимъ образомъ они вполнѣ господствовали надъ равнинами. Убійства, совершаемая „фидай“ по приказу „владыки горы“, были многочисленны. Отъ рукъ убійць не было спасенія. Много погибло подъ смертельными ударами этихъ фанатиковъ и мусульманъ, и крестоносцевъ.

Вначалѣ асасины ничѣмъ не отличались внѣшнимъ образомъ отъ самыхъ благочестивыхъ „правовѣрныхъ“. Они не

пили вина и вели строгій образъ жизни. Вожди ихъ пребывали въ безбрачїи. Но впослѣдствїи эта чистота нравовъ исчезла. Вожди секты выдавали себя сначала за предтечей имама, долженствовавшаго явиться міру, когда люди будутъ приуготовлены принять его. Но глава секты, Хасанъ II ¹⁾, объявилъ себя ожидаемымъ имамомъ и разрѣшилъ вѣрнымъ рабамъ своимъ не соблюдать болѣе никакихъ религіозныхъ обязательствъ. Это было во время поста рамазана 1164 года по Р. Х. Съ того времени 17 число этого мѣсяца сдѣлалось величайшимъ праздникомъ у асасиновъ. Они назвали его „праздникомъ воскресенїя“, понимая, по системѣ измаилитовъ, слово „воскресенїе“ въ смыслѣ явленїя міру имама и его ученїя. Этотъ день былъ также первымъ днемъ ихъ новолѣтїя. Съ этого времени предписанїя Курана упразднились, молитва считалась излишней, постъ — ненужнымъ, вино и свинина перестали быть запретными яствами. Это сильно возмутило мусульманскій міръ, вообще крайне враждебно относившійся къ сектѣ, и одинъ изъ слѣдующихъ вождей асасиновъ, Хасанъ III, старался ввести среди нихъ болѣе чистые нравы и возстановить предписанїя Курана. Тайныхъ убійствъ, этой кровавой спеціальности секты, при немъ уже не совершалось. Но это продолжалось очень не долго. Послѣ смерти Хасана III секта приняла свою прежнюю неприглядную фізіономїю. Въ продолженїе двухъ вѣковъ существовала эта могущественная и страшная секта и только со времени взятїя ея неприступной твердыни, крѣпости Аламута, полчищами монголъ Улагу-Хана, сила и могущество асасиновъ падаютъ безвозвратно.

Измаилиты встрѣчаются и по нынѣ въ Персіи и Сирїи, но уже не играютъ никакой роли и не претендуютъ на нее. Кажется, они даже утратили и самое воспоминанїе о прежнемъ своемъ могуществѣ.

Кончая говорить объ измализмѣ и его развѣтвленїяхъ, нельзя не сказать, что онъ возросъ не на чистой почвѣ. Онъ не былъ плодомъ тревожныхъ запросовъ пытливаго духа и мятущейся совѣсти, какимъ является въ исторїи масульманскаго раскола мутазилитство и ученїе первыхъ хариджитовъ.

¹⁾ Внукъ Хасана—Сабъ. Послѣ него никто изъ этого рода не былъ вождемъ секты; его преемникомъ былъ Бузуркъ-Умидъ.

Измаилизмъ, какъ мы уже сказали, былъ орудіемъ мірскихъ, мелко-честолюбивыхъ замысловъ Абд-аллы-ибнъ-Маймуна, спасаго его своей энергіей отъ окончательнаго вырожденія. Созданное имъ ученіе поражаетъ своею мистическою внѣшностію и возмущаетъ матеріальной подкладкой: оно дурманитъ людей мистическими бреднями и дѣлаетъ ихъ маріонетками въ опытныхъ рукахъ вождей секты, смѣющихся въ душѣ и надъ религіей, и надъ нравственностію. Даже если смотрѣть на Абд-аллу, какъ на фанатика, жаждаваго, совращая въ свою вѣру сыновъ ислама, подточить его корни и возстановить погибшее ученіе маговъ, то врядъ ли и это явитъ намъ этого честолюбца въ лучшемъ свѣтѣ: работая въ пользу ученія маговъ и возвращенія имъ прежней силы, онъ мечталъ о былыхъ временахъ своей родины, — Персія и лелѣялъ въ душѣ мечту быть свидѣтелемъ прежняго могущества персидскаго царства. Отъ дурного дерева дурные плоды. Такими являются карматы и асасины. Если еще въ измаилизмѣ было, хотя внѣшнимъ образомъ, религіозно-философское ученіе, съ жаромъ воспринимаемое и изучаемое прозелитами, — ученіе, имѣвшее такъ или иначе, хотя призрачныя, сущность и развитіе, то иракскіе измаилиты, — карматы, — не интересуясь мистивой секты, выродились въ разбойниковъ, боровшихся съ исламомъ не силой религіознаго убѣжденія, не напоромъ самобытной мысли, а ножомъ и ядомъ. Асасины, основаніе которыхъ положено человекомъ также жаждущимъ не свѣта истины, а мщенія, успокоенія уязвленнаго самолюбія, пошли еще дальше: они были не „алчущими и жаждущими правды“, какими должны быть религіозные сектанты, а опытными убійцами и отравителями.

Съ сожалѣніемъ приходится останавливаться на подобныхъ грустныхъ примѣрахъ образованія цѣлыхъ обширныхъ сектъ, служившихъ не свѣту, а тьмѣ, стремившихся не къ высшему идеалу духа, — истинѣ, а вязнувшихъ въ заблужденіяхъ, мелкихъ жизненныхъ расчетахъ и нечистыхъ помыслахъ.

ГЛАВА V

Скептицизмъ, какъ результатъ непрерывныхъ богословскихъ распрей. — Мистицизмъ суфіевъ.—Исламъ и мистицизмъ.—Внѣмусульманское зарожденіе суфизма.—Основныя положенія суфизма.—Пантеизмъ суфіевъ.—Вліяніе на суфизмъ философіи Платона.—Первые провозвѣстники суфизма: Рабіа и Хасанъ Басорскій.—Основатель секты суфіевъ—Абу-Саидъ-ибнъ-аби-л-Хаѳръ (815 г. п. Р. Х.).—Толки Бестама († 875 г.) и Джонаида († 909 г.).—Халладжъ и значеніе его въ суфизмѣ.—Газали.—Шейхъ Сороварди.—Ибнъ-Араби.—Поэты мистики.—Дервиши.

Нескончаемыя богословскія распри, разбивающія положительныя начала религіи и дающія въ замѣнъ ихъ спорныя философскія положенія съ ихъ отвлеченными опредѣленіями и туманнымъ развитіемъ, рождаютъ скептицизмъ въ обществѣ, даютъ людямъ, вмѣсто спокойствія, душу отравляющія сомнѣнія, возбуждаютъ разладъ и въ умѣ, и въ сердцѣ. Такъ было и въ исламѣ. Возмущенные, съ одной стороны, узкой религіозной нетерпимостью суннизма и сбитые съ толку, съ другой, догматическими отвлеченностями сектантства не менѣе, въ свою очередь, нетерпимаго, сыны ислама отвернулись отъ „правовѣрія“ и, не находя въ расколѣ того, чего алкали и жаждали, — нравственнаго успокоенія, стали колебаться въ довѣрїи къ нему и относиться и къ тому, и къ другому съ сомнѣніемъ и нерѣдко даже съ насмѣшкою. Безплодныя усилія метафизиковъ въ погонѣ за истиной дискредитировали ихъ мало-по-малу въ глазахъ мусульманъ. Философія, одушевляемая болѣе чистыми воззрѣніями и руководимая болѣе здоровыми умами, спокойно идущими къ цѣли, а не отвлекающимися на каждомъ шагѣ въ сторону, могла бы,

несомнѣнно, поднять религію, сдѣлавшуюся, наконецъ, предметомъ горькой насмѣшки въ устахъ ея сыновъ, но именно этого мы и не видимъ въ исламѣ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ безотрадномъ скептицизмѣ, который сталъ овладѣвать мусульманскимъ обществомъ въ описываемую нами эпоху непрерывнаго религіознаго броженія въ его нѣдрахъ (и до сего дня не со всѣмъ еще успокоившагося), намъ стоитъ только привести слѣдующіе стихи Абу-л-Алы ¹⁾, истиннаго сына своего вѣка. Вотъ они:

„Съ удивленіемъ смотрю я на людей, приходящихъ за тысячи верстъ бросать булыжники и цѣловать камень! ²⁾).

„Странныя вѣрованія! Приверженцы ихъ не слѣпцы ли, по истинѣ?..

„Вы говорите мнѣ, что послѣ долгаго пребыванія въ могилѣ, я оживу,

„Что я буду жить въ большомъ саду, гдѣ буду наслаждаться и яствами, виномъ и прекрасными черноокими дѣвами.

„Но, бѣдный другъ мой, скажи мнѣ, что вы (мусульмане) сдѣлали съ вашимъ разсудкомъ, что онъ допустилъ васъ вѣрить всѣмъ этимъ бреднямъ?

„Люди дѣлятся на два сорта: имѣющихъ разумъ, но не имѣющихъ вѣры, и вѣрящихъ, но безразсудныхъ!“

Можно ли идти далѣе по дорогѣ отрицанія? Выходъ изъ этого душевнаго мрака долженъ былъ найтись и нашелся: мятущейся сомнѣніями и страдающей своимъ невѣріемъ душѣ, разочаровавшейся и въ исламѣ, и въ сектантствѣ, и миръ и успокоеніе далъ мистицизмъ суфіевъ.

Народы Азіи, особенно индусы и персы, по натурѣ своей склонны къ пантеизму и мистицизму. Было бы большою ошибкой смотрѣть на нихъ, какъ на ставящихъ чувственныя наслажденія и матеріальныя блага на первый планъ, какъ то дѣлаютъ многіе европейцы, плохо знакомые съ ихъ характеромъ и внутренней, духовной жизнью. Народы востока умѣютъ отрекаться отъ земныхъ благъ и всецѣло погружаться въ духовныя радости самообличенія и покаянія. Эти чувства, родныя

¹⁾ Кгемер, *op. cit.*, стр. 279. Абу-л-Ала умеръ въ 1057 г. Онъ былъ одинъ изъ выдающихся арабскихъ поэтовъ своего времени (*Dozy, op. cit.*, стр. 343).

²⁾ Обряды паломничества въ Мекку.

индусамъ и персамъ и наполнявшія чистыя души христіанскихъ киновитянъ Египта и монаховъ запада близки и понятны и туркамъ, этому воинственному племени, такъ рѣзко отличающемуся во многомъ отъ прочихъ народностей востока. Турція имѣла и своихъ аскетовъ и своихъ поэтовъ мистиковъ; она имѣетъ дервишей-суфіевъ.

Мистицизмъ занимаетъ въ исламѣ не послѣднее мѣсто. Съ первыхъ дней появленія ислама въ немъ стало образовываться ученіе о ненужности соблюденія внѣшнихъ религіозныхъ формъ и о замѣнѣ ихъ созерцаніемъ и экстазомъ.

Ученіе Мухаммеда способствовало до нѣкоторой степени его развитію. Такъ, напр., Куранъ обѣщаль правовѣрнымъ таинственное лицезрѣніе Бога на томъ свѣтѣ. Пророку принадлежатъ слова: „Помышляйте о дѣлахъ Божіихъ, но не дерзайте мыслить о сущности Сотворившаго міръ!“ — слова, которыя можно объяснить въ пользу экстаза, божественнаго наятія, въ ущербъ метафизическимъ изслѣдованіямъ. Мѣста Курана о бренности и тщетѣ всего земного полны глубокой грусти, свойственной суфизму. Но если Куранъ содержитъ въ себѣ мало элементовъ мистическаго, то преданіе имѣетъ ихъ въ изобиліи въ массѣ изреченій, приписываемыхъ Мухаммеду. Таковы, наприм., слѣдующія: „Правовѣрный всего ближе къ Богу во время молитвы“. — „Богъ раздѣлилъ любовь на сто частей; девяносто девять частей ея Онъ оставилъ себѣ, а одну частицу отдалъ людямъ; какою бы любовью они ни любили другъ друга, они любятъ только благодаря этой частицѣ любви, данной имъ Богомъ“. — „Блаженъ, кто меня видитъ, сказалъ пророкъ, ибо онъ зреть Господа! Блаженъ и тотъ, кто видѣлъ человѣка, узрѣвшаго меня!“ — „Когда я возлюблю раба моего, сказалъ Господь, я становлюсь его ухомъ, его глазомъ, его устами, такъ что Мной онъ слышитъ, видитъ, глаголетъ“. — „Господь возсѣдаетъ въ сердцахъ вѣрныхъ Ему, какъ на тронѣ“. — „Небо и земля, сказалъ Господь, не понимаютъ Меня; сердце увѣровавшаго въ Меня понимаетъ Меня“, и т. д.

Мистицизмъ, безъ сомнѣнія, возродился внѣ ислама, хотя исламъ не былъ окончательно чуждъ ему. Хотя суфіи претендуютъ, что ученіе ихъ существовало издавна въ исламѣ, отъ

первыхъ дней его появленія, что Мухаммедъ и Али были приверженцы ихъ доктрины; хотя, идя далѣе, они увлекаются до того, что возводятъ начало суфизма до временъ патріарховъ, утверждая, что Авраамъ былъ ревностный суфій, — мы должны признаться, что все это основано на свидѣтельствѣ сочиненій самихъ же суфіевъ, блистающихъ болѣе туманными поэтическими образами и разсказами о чудесахъ суфизма, чѣмъ историческою солидностью. Гораздо болѣе вѣроятія въ предположеніи, уже ранѣе высказанномъ нами, что мистическія идеи проникли въ исламъ изъ Персіи, гдѣ онѣ существовали до покоренія ея арабами, вслѣдствіе воздѣйствія на нее Индіи. Въ Персіи глубоко коренились идеи о воплощеніи божества и о конечномъ сліянніи всего сущаго на землѣ съ Богомъ и о мірѣ, какъ выраженіи божества, помимо котораго во вселенной ничего нѣтъ и не было ¹⁾).

Мистицизмъ, придя въ исламъ изъ родины Заратустры, привился къ исламу настолько вѣрно, что сдѣлался какъ бы явленіемъ чисто мусульманскимъ. Этому способствовало то природное расположеніе народовъ востока къ грустной самоуглубленности, витанію въ туманно-мистическихъ отвлеченныхъ помыслахъ и аскетизму, о которомъ мы говорили, — качествахъ, вообще, свойственныхъ народамъ, близко стоящимъ къ природѣ, поражающей своимъ величіемъ, краснорѣчиво славословящей божественную премудрость и наводящей человѣка на мысли объ отношеніяхъ его, человѣка, къ природѣ и ея творцу. Это расположеніе къ мистицизму, къ меланхоліи и задумчивости постоянно замѣчалось у самого творца ислама, — Мухаммеда, и первыхъ его послѣдователей. Много разъ въ своей жизни провозвѣстникъ ислама произносилъ загадочныя слова иносказательнаго характера, не разъ говорилъ ученикамъ своимъ о тщетѣ міра, поучалъ ихъ удаляться земныхъ радостей и погружаться въ самопознаніе, самообличеніе и самосовершенствованіе. Абу-Бекръ, первый халифъ, обладалъ мечтательнымъ характеромъ

¹⁾ Этого же взгляда придерживается такой авторитетный ориенталистъ, какъ Сильвестръ де Саси. — Трумпушъ въ своемъ „Zeitschr. der Deutsch. Morgenl. Gesells“, (XVI, p. 244) говоритъ: „Das der Sufismus ein indisches Produkt ist, darüber kann kein Zweifel obwalten, und noch näher bestimmt ist der Sufismus ein speciell buddhistisches Erzeugniss“.

и былъ склоненъ къ грустной задумчивости. Османъ помышлялъ о вѣчномъ могильномъ снѣ. Воинственный Омаръ не могъ слышать Курана безъ содраганія. Часто, внимая словамъ этой книги, онъ лишался чувствъ ¹⁾ Первые проявленія мистицизма у мусульманъ носятъ характеръ наивной дѣтской страстности. Такъ, горячіе мистики простаивали на молитвѣ по цѣлымъ суткамъ, такъ что у нихъ распухали ноги, а лицо принимало мертвенный оттѣнокъ; одинъ изъ нихъ, кромѣ установленныхъ Кураномъ ежедневныхъ пяти молитвъ, дѣлалъ всякій день пятьсотъ земныхъ преклоненій; другой, — Абу-Бекръ Мутавваи (котораго не должно смѣшивать съ халифомъ), всякую ночь, какъ говорятъ, 31,000 разъ произносилъ стихъ Курана: „Скажи: Богъ единъ!“ (сура СХІІ, 1) ²⁾.

Пантеистическія начала служатъ краеугольнымъ камнемъ ученія суфіевъ ³⁾. Богъ, по ихъ теоріи, наполняетъ собою всю вселенную; весь міръ, такъ сказать, проникнутъ божествомъ, вещественное проявленіе котораго есть вселенная. Человѣкъ стремится изъ узъ тѣла и оковъ матеріи къ соединенію съ высшимъ принципомъ жизни духа, — божественнымъ началамъ, къ полному съ нимъ отождествленію. Слѣдующія четыре степени (маназиль) духовнаго совершенствованія ведутъ его на эту вершину величайшаго блаженства духа ⁴⁾.

1) Въ первой степени (насутъ, т.-е. человѣчность, humanity) человѣкъ исполняетъ законы и обязанности принятой религіи; такое держаніе себя до извѣстной поры въ надлежащихъ предѣлахъ считается необходимымъ, ибо душа человѣка, начинающаго подвигъ, еще не въ состояніи достигнуть

¹⁾ Scholl. op. cit., стр. 389.

²⁾ Ibid.

³⁾ Существуетъ много этимологическихъ объясненій слова „суфи“. Такъ его производятъ 1) отъ арабскаго слова суфъ, т.-е. шерсть, такъ какъ суфіи носили шерстяныя рясы; 2) отъ арабскаго-же сл. сафу, — чистота, — въ виду стремленія суфіевъ достичь душевной чистоты; 3) отъ греческаго сл. σοφία, — мудрость; и 4) по „Хійасу-л-Дугатъ“, слово суфіи происходитъ отъ Суфа, — названіе арабскаго племени, которое, въ доисламскую эпоху, отрѣшилось отъ мірскаго жизни и посвятило себя исключительно служенію въ Каабѣ. Большинство ориенталистовъ считаетъ вѣрнѣйшимъ первое объясненіе этого слова.

⁴⁾ Th. Hughes, op. cit., стр. 609.

высотъ божественнаго созерцанія и можетъ развратиться той полной свободой вѣры, которая просвѣщаетъ и услаждаетъ людей, достигшихъ высшаго разумѣнія.

2) Во второй степени суфій приравнивается къ ангеламъ (макавуть),—состояніе, приобретаемое путемъ духовной чистоты. Онъ отрѣшается навсегда отъ принятаго культа внѣшняго богопочитанія и мѣняетъ его на духовное и мистическое обожаніе божества.

3) Суфій приобретаетъ могущество (джабруть) божественнымъ знаніемъ (марифать).

4) Здѣсь завершается продолжительная работа духа, его борьба съ плотію и чувственнымъ міромъ и наступаетъ полное отождествленіе съ божествомъ, полная и безповоротная потеря собственнаго я въ божественной субстанціи. Отрѣшившись отъ всего земнаго и вполне познавъ истину (хакикать), душа достигаетъ до состоянія, носящаго у суфіевъ названіе *фана* (*нирвана* буддизма), вѣчнаго безсознательнаго покоя,—величайшаго блаженства, ибо оно есть состояніе высочайшаго познанія, такъ какъ душа уподобляется прозрачѣйшей каплѣ, въ которой отражается образъ Божій. Мистикъ Абд-ар-Раззакъ такъ описываетъ это состояніе: „Хвала Богу, отведшему насъ, по благодати своей, отъ пути изслѣдованія условныхъ знаній, подъявшему насъ созерцаніемъ славы своей выше традиціонныхъ аргументацій¹⁾. Хвала Ему, исторгшему насъ изъ словопреній, противорѣчій, распрей, ибо это есть поле неувѣренности, сомнѣнія, заблужденія и ереси! Хвала Ему, снявшему съ глазъ нашихъ завѣсу внѣшнихъ проявленій и обманчивыхъ образовъ“²⁾.

¹⁾ Sprenger, *Leben und Lehre des Muhammed*, I, стр. 262—263. Объ Абд-ар-Раззакѣ см. также S. Guyard, — *Abd-ar-Rassaq et son traité sur la prédestination et du libre arbitre*.

²⁾ О преврѣннн суфіевъ къ познаніямъ, даваемымъ наукою, и желаніи рѣшать все проникновеніемъ въ міръ сверхчувственный Ибнъ-Халдунъ совершенно основательно замѣчаетъ: „Познанія, даваемая суфіями, подвергаются научной оцѣнкѣ гораздо труднѣе, чѣмъ всякія другія, ибо суфіи претендуютъ рѣшать всѣ вопросы науки и жизни помощію проникновенія въ духовный міръ, которое имъ удалось приобрести; а всякому понятво, насколько подобныя духовныя воспріятія отличаются отъ познаній, даваемыхъ наукою (*Prolégom. d'Ibn-Khaldoun*, р. III, р. 170—171, tr. de Slane).

Главнѣйшія положенія философіи суфіевъ заключаются въ слѣдующемъ: ¹⁾.

1) Одинъ только Богъ существуетъ; Онъ во всемъ и все— въ немъ.

2) Все видимое и невидимое есть его эманация и по существу не есть что-либо, отъ него отличное.

3) Религіи мало значатъ, хотя служатъ символами дѣйствительно сущаго. Однѣ изъ нихъ имѣютъ больше преимуществъ предъ другими; въ числѣ сихъ послѣднихъ стоитъ исламъ, коего истинная философія есть суфизмъ.

4) Между добромъ и зломъ не можетъ быть въ дѣйствительности разницы, ибо все приводится къ божественному единству и Господь руководитъ дѣйствіями людей.

5) Богъ направляетъ волю человѣка: посему человѣкъ не пользуется свободой своихъ дѣйствій.

6) Душа существовала ранѣе тѣла и заключается въ семь послѣднемъ, какъ птица въ клѣткѣ. Посему смерть есть предметъ желаній каждаго суфія, ибо съ ея наступленіемъ душа возвращается на лоно божества.

7) Посредствомъ этой метамисихозы души, не выполнившія своего назначенія, очищаются и становятся достойными соединенія съ божествомъ.

8) Безъ милости божіей никто не въ силахъ достигнуть этого духовнаго соединенія, но сія послѣдняя, по ученію суфіевъ, можетъ быть получена отъ Бога силою горячихъ предъ нимъ просьбъ о ней.

9) Главнѣйшія занятія суфія, пока душа его не разсталась съ тѣломъ, заключаются въ размысленіи о соединеніи съ Богомъ, воспоминаніи имени божія (зикръ) ²⁾ и шествіи впередъ по пути совершенства (тарикать) ³⁾, до отождествленія

¹⁾ Th. Hughes, op. cit., стр. 609—610.

²⁾ Зикръ—религіозная церемонія, практикуемая различными согласіями или толками факировъ или дервишей, и заключающаяся въ произнесеніи про себя или вслухъ извѣстныхъ фразъ съ именемъ Аллаха (Th. Hughes, op. cit., стр. 703).

³⁾ Суфіи называются также поэтому „ахлу-тарикать“, т.-е. люди божіей дороги.

съ божествомъ (до потери собственнаго я въ божественной сущности).

10) Внѣшніе знаки богопочитанія не нужны; всѣ религіозные обряды излишни; они созданы для толпы, но не имѣютъ никакого значенія въ глазахъ „того, кто знаетъ“ (т.-е. позналъ Бога). Всѣ познанія ислама должны быть окончательно забыты, и, хотя суфіи называютъ себя мусульманами, но, „оставивши все земное и познавъ духовное“, они равно относятся ко всѣмъ религіямъ и смотрятъ съ одинаковымъ презрѣніемъ на мечеть, синагогу, церковь христіанъ и пагоду индусовъ.

Жизнь человѣческую суфіи сравниваютъ съ путешествіемъ (сафаръ), а ищущаго свѣта божественной истины — съ путешественникомъ (саликъ). Важнѣйшая обязанность путешественника — достигать совершеннаго познанія божества (марифатъ), проникающаго собою все сущее и разлитаго во всей вселенной, ибо душа человѣческая въ тѣлѣ находится какъ бы въ изгнаніи отъ лицезрѣнія божества, и пребываніе ея въ человѣкѣ есть время ея удаленія отъ Творца.

Во время этого духовнаго пути суфіи проходятъ нѣсколько станцій. Онѣ суть: убудіа — служеніе (Богу), ишкъ — любовь, зухдъ — отшельничество, марифатъ — познаніе (божественной сущности), вадждъ — экстазъ, хавикатъ — истина (познаваемая во время экстаза, даруемая божествомъ въ видѣ откровенія), васль — соединеніе съ божествомъ, и, наконецъ, фана — поглощеніе личности суфія божественнымъ началомъ. Далѣе уже идти некуда: путь свершенъ и остатокъ дней, вплоть до самой смерти, суфіи, такъ сказать, пребываетъ въ небытіи, постоянно поглощаемый божествомъ и самъ его поглощая.

Пускаясь въ путь жизни, суфіи долженъ отречься отъ имущества и желаній. Онъ долженъ служить лишь божеству; думая же о земныхъ достаткахъ и стремясь осуществить свои желанія, онъ уподобляется идолопоклоннику; все, занимающее мысль, кромѣ Бога, есть идолъ. Путешественнику благополучно совершить путь помогаютъ 1) привлеченіе (инджизабъ) Богомъ сердца человѣческаго, заставляющее его забыть все мірское для единого Бога; такой человѣкъ называется меджзубъ — привлеченный и 2) преданность (Богу) (ибадетъ), т.-е.

неустанное шествіе по дорогѣ богопознанія, которое имѣеть два пути—*къ Богу* и *въ Бога*; первый путь завершается достиженіемъ божественнаго знанія; второй, состоя изъ постоянного изслѣдованія качествъ божіихъ и силъ природы, — безконеченъ и не можетъ умѣститься въ границахъ человѣческой жизни ¹⁾. Увѣровавшій въ откровеніе есть муминъ—вѣрящій; подчинившійся волѣ Божіей и проводящій дни и ночи въ молитвѣ—абидъ, почитающій (Бога); изгнавшій все мірское изъ души своей и весь отдавшійся созерцанію могущества божественной сущности становится загид'омъ, отшельникомъ; познавшій Бога и проникающій тайны вселенной есть арифъ—знающій; затѣмъ слѣдуютъ: вали — святой, наби — пророкъ, обладающій властью творить чудеса, и ресуль — посланникъ (божій) людямъ для исполненія воли пославшаго его. Приносящій человѣчеству новое ученіе—улу-л-азмъ. Если это ученіе послѣднее во вселенной, то человѣкъ, дающій его міру, достигаетъ степени хатмъ—печать. Такова лѣстница постепеннаго совершенствованія духа у суфіевъ.

Душа, разставшись съ тѣломъ, идетъ на небо, соотвѣтствующее степени нравственнаго совершенства, достигнутаго ею на землѣ. Каждой степени нравственнаго совершенства соотвѣтствуетъ особое небо; числу совершенствъ духа, по системѣ суфіевъ, соотвѣтствуетъ число небесныхъ сферъ: семь низшихъ и двѣ высшихъ. Впрочемъ, большинство суфіевъ понимаетъ это нѣсколько иначе. Они утверждаютъ, что божественный разумъ, соотвѣтствующій степенямъ умственно-нравственнаго совершенства, достигнутаго человѣкомъ на землѣ, поглощаетъ въ себѣ душу но отдѣленіи ея отъ тѣла. Души людей, поднявшихся до уровня божественнаго совершенства высшихъ или даже только низшихъ сферъ, уходятъ въ эти сферы; души же людей, недостигшихъ ни одной изъ упомянутыхъ степеней совершенства, нисходятъ въ адъ, находящійся подъ низшими небесными сферами ²⁾.

Таково, въ общихъ чертахъ, ученіе суфіевъ, отличающееся и оригинальностью формы, и глубиною мысли и возвышенностью стремленій. Вліяніе греческой философіи на суфизмъ несом-

¹⁾ Prof. Palmer, *Oriental Mysticism*. Cambridge. 1867.

²⁾ Hughes, *op. cit.*, стр. 613.

вѣнно ¹⁾). Поэзія суфіевъ, представляющая намъ подъ видомъ красавицы само божество, котораго она есть символъ, идеаль, видимое выраженіе, является прямымъ развитіемъ ученія Платона о Богѣ, какъ единственной красотѣ, которая рождаетъ все, что есть прекраснаго въ мірѣ составляя предѣлъ стремленийъ человѣческой души, достигающей постепенно полнаго проникновенія себя этой божественной красотой и полнаго ея духовнаго обладанія посредствомъ созерцанія красоты земной, чувственной, рождающей любовь земную, какъ символъ и первую степень любви божественной ²⁾).

Высокія спиритуалистическія идеи суфизма, ратующаго за преобладаніе духа надъ плотію, небснаго надъ земнымъ, сверхчувственнаго и безконечнаго надъ чувственнымъ и конечнымъ, славословящаго божество, какъ всеобмлющую, все-совершенную, вѣчную красоту, имѣли глубокое, неотразимое, всепобѣждающее вліяніе на людей, еще неокончательно втянутыхъ болотомъ рутиннаго соблюденія внѣшнихъ фоормъ религіи, не успокоенныхъ тѣми отвѣтами на сомнѣнія ума и сердца, которые давалъ имъ холодный суннизмъ и пребывающихъ „алчущими и жаждущими правды“.

Кто были первыми провозвѣстниками суфизма, — мудрено сказать въ точности. По преданію, это была женщина по имени Рабіа ³⁾). Она, согласно увѣреніямъ суфіевъ, была самой первой послѣдовательницей мистической божественной любви ⁴⁾). Преданіе это не имѣетъ исторической цѣнности, также какъ и утвержденіе суфіевъ, представляющихъ знаменитаго Хасана Басорскаго (о которомъ говорилось въ 1 гл., при разсмотрѣніи доктринъ мутазилитства), какъ одного изъ первыхъ проповѣдниковъ суфизма, которому они приписываютъ слѣдующія слова: „избранники семсотъ тысячъ лѣтъ пребудутъ въ боже-

¹⁾ Dante ou la poésie amoureuse ou mystique par E. Delecluse, 1848, и Le langage des oiseaux par G. de Tassy.

²⁾ Dugat, op. cit., стр. 334.

³⁾ Dozy, op. cit., стр. 318.

⁴⁾ Первый, носившій имя суфія, былъ вѣкій Абу-Гашимъ (Notices et extraits des manuscrits, publ. par l'Acad. des inscriptions t. XII, p. 290), уроженецъ г. Куфы (ум. въ 767 или 771 г. по Р. Х.). Джамии упоминаетъ его въ спискѣ суфіевъ. Онъ извѣстенъ лишь по имени; о жизни его не сохранилось никакихъ данныхъ.

ственномъ восторгѣ и, созерцая красоту божественную, будутъ поглощены міровымъ Единством“. Хасана Басорскаго никакъ нельзя считать, хотя бы даже отчасти, послѣдователемъ суфизма уже по одному тому, что для него *страхъ* былъ основаніемъ богопочитанія: отсюда, какъ прямое послѣдствіе его— безотрадно-грустный взглядъ на религію. Мистики, строя всю свою религіозную систему на божественной *любви*, были, уже тѣмъ самымъ, противниками *страха* въ отношеніяхъ человѣка въ Богу. На вопросъ, предложенный суфію, „что есть безчестіе?“ тотъ, не задумываясь, отвѣчалъ: „служеніе Богу или изъ-за страха возмездія, или изъ-за надежды на награду“, а на вопросъ: „изъ-за чего служишь ты Ему?“ отвѣчалъ: „изъ любви!“

Переходя изъ области легендъ на болѣе солидную почву исторіи, мы, около 200 г. гиджры (815 г. нашей эры), находимъ указаніе на Абу-Саида-ибнъ-аби-л-Хайра, какъ основателя секты суфіевъ. Вопреки ученію Мухаммеда, гласящему: „да не будетъ въ исламѣ монашества!“—Абу-Саидъ основалъ въ Хорасанѣ монастырь ¹⁾, собралъ въ немъ послѣдователей проповѣдуемаго имъ ученія и установилъ правила общежитія. Согласно мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ ²⁾, врядъ ли можно предположить, что суфизмъ получилъ полное и всестороннее развитіе въ монастырѣ Абу-Саида, какъ учать суфіи.

Суфизмъ недолго оставался въ границахъ чистой набожности и мистицизма. Онъ не могъ оставаться въ этихъ границахъ, такъ какъ мистицизмъ слишкомъ расходится вообще съ холодной и сухой доктриной Курана. Онъ видоизмѣнялся, мало-по-малу, въ пантеизмъ, зачатки котораго всегда въ немъ были подъ вліяніемъ древнихъ философскихъ системъ индусовъ и буддизма. Въ суфизмѣ мы видимъ разительный примѣръ того, чѣмъ долженъ стать деизмъ, доведенный до послѣднихъ гра-

¹⁾ Первый монастырь суфіевъ былъ основанъ, по Хаджи-Халфѣ, въ Рамлѣ, въ Сиріи. Затѣмъ былъ построенъ монастырь въ Египтѣ (Chrest. arabe de S. de Sacy, t. 1, p. 273). Изъ Египта суфизмъ проникъ на сѣверъ Африки. Египтянинъ Ду-ен-нунъ былъ первый, введшій въ исламъ экстазъ (Journ. asiatique, fevt—mars, 1868, статья Кремера). Ду-ен-нунъ жилъ при халифѣ Мутевеккилѣ и умеръ въ 859 г. по Р. Х.

²⁾ Какъ напр. знаменитаго Сильвестра де Саси.—Journal des savants, 1821, p. 725.

ницъ своей неподвижной абстрактности. Отвлеченная идея ислама о единомъ богѣ, удаленномъ отъ человѣчества, и, въ силу непреложнаго рока, неподдающимся стараніямъ человѣка къ сближенію съ нимъ, должна оставлять въ человѣческомъ сердцѣ ничѣмъ ненаполнимую пустоту. Этотъ богъ слишкомъ чуждъ человѣку, онъ не имѣетъ на него никакого нравственнаго вліянія, онъ убиваетъ его непреклонной судьбой, отъ вѣчности ему предназначенной. Какъ непремѣнное слѣдствіе изъ этого является охлажденіе человѣка къ такому божеству и стремленіе найти себѣ другаго бога, болѣе понятнаго человѣку, болѣе ему близкаго. Такимъ образомъ пантеистическій суфизмъ появился въ противоположность деизму ислама съ его неизмѣнной идеей отвлеченнаго божества. Онъ привлекъ къ себѣ бога, чуждавшагося человѣка, онъ заставилъ его сойти съ небесъ и разлиться во вселенной, онъ преобразилъ его въ абсолютное Нѣчто, наполняющее міръ, и отождествилъ съ нимъ человѣка, какъ частицу этой міровой сущности.

Суфіи подраздѣлялись на два главныхъ толка. Главой одного изъ нихъ былъ Бестаами (ум. въ 875 г.), другаго — Джонаидъ (ум. въ 909 г.)¹⁾. Бестаами, персъ, открыто провозглашалъ пантеизмъ, несогласимый съ откровенной религіей. Никто изъ суфіевъ не проповѣдывалъ опредѣленнаго божественности человѣка, вопреки Курану, очеловѣчивающему божество.

„Когда люди мнятъ себя обожающими Бога, училъ Бестаами, то это — Богъ, самъ себя обожающій!“

Другой суфитскій толкъ имѣлъ своимъ главой, какъ мы уже сказали, Джонаида, также перса хотя родомъ багдадскаго уроженца. Онъ развивалъ ту же доктрину, что и Бестаами, но выражалъ ее съ болѣею осмотрительностью и удивительнымъ образомъ соединялъ въ ней мусульманскую догматику съ философскою системою, несогласною съ исламомъ.

¹⁾ Джонаидъ говорилъ: „Мы, суфіи, не восприняли наше ученіе отъ того или другаго, но познали его путемъ отрѣшенія отъ благъ міра и подавленія своихъ страстей“. Во время Джонаида (при халифѣ Моктафи, 901—907 г. по Р. Х.) были, кромѣ него, еще два знаменитыхъ своею ученостью и святостью жизни суфія: въ Нишапурѣ — Абу-Османъ и въ Дамаскѣ — Абу-абд-алла-ибнъ-ал-Джелла (Dugat, op. cit., стр. 131).

Онъ достигалъ этого тѣмъ, что, ненарушимо храня всѣ священные мусульманамъ богословскіе термины ислама, придавалъ имъ совершенно иной смыслъ и значеніе. Такъ, напр., онъ употреблялъ, какъ и правовѣрные, слово „таухидъ“, что означаетъ единство Божіе; но подразумѣвалъ подъ нимъ пантеистическое единство.

Вотъ какъ Джонаидъ смотрѣлъ на цѣли суфизма: „Освободить разумъ отъ подстреканій страстей, отучиться отъ усвоенныхъ привычекъ, извлечь изъ себя человѣческую натуру, обуздать чувства, приобрести качества интеллектуальныя, возвыситься познаніемъ истины и творить добро“.

Мусульманскій міръ смотрѣлъ на суфіевъ не всегда одинаково. Когда они проповѣдывали свои доктрины осмотрительно, не увлекаясь крайностями, не обнажая вполнѣ предъ глазами толпы ихъ пантеистической основы, выставляя главнымъ образомъ на видъ свое ученіе объ аскетизмѣ и жизни созерцательной, какъ средствахъ возвыситься духомъ до полного богопознанія, то на суфіевъ смотрѣли, какъ на людей благочестивыхъ и относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Когда же, напротивъ, они, оставляя осторожность, открывали толпѣ свое ученіе, то ихъ пантеизмъ принималъ въ глазахъ деистовъ мусульманъ размѣры дерзновеннѣйшаго кощунства и они строго преслѣдовались и погибали смертью мучениковъ. Часто случалось также, что правовѣрные мусульмане не знали, что подумать о суфіяхъ, что мы и видимъ, напримѣръ, относительно знаменитаго суфитскаго мученика Халладжа ¹⁾. Этотъ замѣчательный человѣкъ, персъ родомъ, внукъ страстнаго послѣдователя ученія Заратустры, былъ ученикомъ знаменитаго Джонаида и подвергся мученической смерти въ 921 году. Онъ донныѣ является въ глазахъ суфіевъ однимъ изъ ихъ важнѣйшихъ святыхъ. „Нѣкоторые, — говоритъ одинъ суннитскій писатель много вѣковъ спустя послѣ его смерти, — возводятъ Халладжа до небесъ, для иныхъ же это невѣрный, нечестивецъ“ „Современники Халладжа, говоритъ другой, имѣли о немъ столь же различныя, противныя одни другимъ мнѣнія, какъ евреи и христіане имѣли

¹⁾ Его имя было Абу-Мансуръ-ал-Хусейнъ; Халладжъ, что значить шерстобитъ, было его прозваніе.

объ Иисусѣ Мессіи“. Дѣйствительно, когда читаешь о его жизни у историковъ разныхъ направленій, то удивляешься поразительному различію ихъ взглядовъ на эту оригинальную личность: точно будто они говорятъ о разныхъ лицахъ, носившихъ одно и то же имя. Въ глазахъ большинства правовѣрныхъ это былъ колдунъ, которому помогала нечистая сила¹⁾, такъ какъ онъ производилъ явленія изумительныя, объясняемыя правовѣрными единственно дьявольскимъ навожденіемъ: такъ, напримѣръ, онъ зимой кормилъ лѣтними плодами, совершенно свѣжими, точно будто только что созрѣвшими, отгадывалъ съ поразительною вѣрностью чужія мысли, простирая въ воздухъ пустую руку и опускалъ ее полную золотыхъ монетъ и т. п. чудеса. У шиитовъ умѣренныхъ, имѣвшихъ немало точекъ соприкосновенія съ суфіями, о чародѣйствѣ Халладжа нѣтъ и помину. По ихъ свидѣтельству, Халладжъ проповѣдывалъ воздержаніе и умерщвленіе плоти, дабы дойти до высочайшаго духовнаго совершенства и стать равнымъ ангеламъ; продолжая неуклонно идти по этому пути возвышенія духа въ ущербъ тѣла, можно окончательно покорить въ себѣ животное начало, свойственное человѣческой натурѣ, и дожидаться, подобно Иисусу Христу, низшествія на себя духа божія, послѣ чего всѣ дѣйствія человѣка будутъ имѣть божественный характеръ. Причину казни Халладжа шииты объясняютъ тѣмъ громаднымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на толпу, что пугало суннитское духовенство.—Правовѣрные мусульмане, отличающіеся нѣкоторой широтою взгляда на вещи, также смотрѣли на Халладжа безъ того крайняго предубѣжденія, съ какимъ относились къ нему строгіе сунниты. Такъ Газали пытался даже объяснить въ благопріятномъ для Халладжа смыслѣ слова его „я—истина“ (что означаетъ: я—богъ): онъ объяснялъ ихъ избыткомъ, въ Халладжѣ любви къ Богу. Онъ считаетъ Халладжа святымъ, также какъ и другіе авторитетные мусульманскіе ученые. Наболѣе выдающіеся мусульманскіе богословы X в., напротивъ, всѣ сходятся въ томъ, что

¹⁾ Ибнъ-ал-Атиръ (éd. Ternberg, VIII, стр. 93—95); Абу-л-Феда (II, 338 и дальн.).

онъ былъ достоинъ смертной казни за отступничество отъ вѣры и дерзновенныя кощунства ¹⁾). Что всего оригинальнѣе, такъ это то, что сами суфіи не всѣ сходятся между собою во взглядѣ на Халладжа ²⁾). Многіе изъ нихъ сомнѣваются въ чистотѣ его пантеизма ³⁾ и думаютъ, что онъ былъ сторонникомъ ученія объ эманации божества въ души нѣкоторыхъ избранниковъ. Но это мнѣніе меньшинства суфіевъ. Большинство же смотритъ на него съ величайшимъ уваженіемъ и считаетъ его за праведника. По Суѣути ⁴⁾, въ 913 году по Р. Х., Халладжъ явился въ Багдадъ ⁵⁾. Ранѣе этого про него стали уже ходить рассказы, что онъ воскрешаетъ мертвыхъ и что злые духи (джинны) въ его власти и дѣлаютъ все, что онъ имъ прикажетъ. По этому прибытіе Халладжа въ названный городъ было замѣчено и произвело сильное волненіе въ народѣ. Хамидъ, визирь халифа Муктадира, былъ встревоженъ начавшимся съ прибытіемъ въ Багдадъ Халладжа броженіемъ умовъ и, по его настоянію, Халладжъ съ нѣкоторыми изъ его послѣдователей былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ пробылъ до 921 года. На первыхъ же допросахъ его учениковъ они показали, что считаютъ Халладжа Богомъ, такъ какъ видѣли, какъ онъ воскрешалъ мертвыхъ. Когда его самого спросили объ этомъ, онъ отвѣчалъ: „Да хранитъ меня Богъ ставить себя наравнѣ съ нимъ или мнить себя пророкомъ! Я — простой смертный, глубоко чтущій Бога!“ Визирь созвалъ совѣтъ изъ кадіевъ (судей) и выдающихся богослововъ и спрашивалъ ихъ заключенія по дѣлу о Халладжѣ. Совѣтъ объявилъ, что не можетъ высказаться за неимѣніемъ уликъ и признанія со стороны обвиняемаго. Визирь нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ Халладжа и тщетно старался хитро постав-

¹⁾ Ibn-Khallikân, éd. de Slane, I, p. 216 et suiv.

²⁾ См. его біографію, помѣщенную въ жизнеописаніяхъ святыхъ или „Тезкиретъ-ул-авліа“ суфія Ферид-ед-дин-Аттара (Tholuck, Bluthensammlung, p. 310—327).

³⁾ Guyard (Journ. asiatique, fevr.—mars, 1873, стр. 141) говоритъ, что пантеизмъ Халладжа выражался формулой: все—Богъ (tout est Dieu), а не наоборотъ.

⁴⁾ Soyonti, Hist. des Chalifes, p. 389.

⁵⁾ Халладжъ много путешествовалъ, между прочимъ онъ провелъ нѣкоторое время въ Индіи. (Dugat, op. cit., стр. 135).

ленными вопросами получить отъ него отвѣтъ, который могъ бы обличать его въ ереси. Ему удалось наконецъ, найти въ одномъ сочиненіи Халладжа слѣдующее мѣсто, которое могло служить ему въ обвиненіе. Халладжъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ, что, неимѣющій возможности совершить паломничество въ Мекку имѣетъ возможность замѣнить его слѣдующимъ образомъ: онъ можетъ совершить обычныя церемоніи паломничества (хожденіе вокругъ Каабы, лобызаніе „чернаго камня“ и т. п.) въ своей комнатѣ такъ, какъ будто бы онъ находится въ священномъ городѣ; при этомъ комната должна быть тщательно выметена и недоступна постороннимъ взорамъ; затѣмъ въ этой же комнатѣ онъ долженъ накормить наилучшимъ образомъ 30 сиротъ, служить имъ самому во время трапезы и подарить каждому изъ нихъ по одеждѣ и по семи диргемовъ; исполнившій все это, по мнѣнію Халладжа, совершилъ дѣйствіе, столь же достойное похвалы, какъ и меккское паломничество. Визирь показалъ это мѣсто кади Абу-Амру. Тотъ призвалъ Халладжа и потребовалъ объясненія. Халладжъ назвалъ трактатъ Хасана Басорскаго, откуда онъ заимствовалъ вышеизложенное мнѣніе о паломничествѣ. Кади сталъ обличать его въ обманѣ, говоря, что въ названной имъ книгѣ нѣтъ этого мѣста и въ раздраженіи назвалъ его невѣрнымъ. Этого было достаточно для визиря: онъ потребовалъ отъ кади смертнаго приговора „невѣрному“. Напрасно кади отказывался, говоря, что подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ не отступника, но лишь заблуждающагося. Визирь настоялъ на своемъ и смертный приговоръ состоялся и былъ подписанъ остальными присутствовавшими судьями и богословами.

Напрасно Халладжъ энергически протестовалъ, доказывая несправедливость приговора. „Вы не имѣете права проливать мою кровь, говорилъ онъ; моя вѣра—исламъ; я вѣрю въ преданіе и написалъ по этому поводу книги, которыя вы можете найти повсюду. Я всегда признавалъ превосходство четырехъ имамовъ¹⁾ и главенство первыхъ четырехъ халифовъ. Призываю тебя, Боже, помоги мнѣ, непусти погубить меня!“

¹⁾ Такъ называются у суннитовъ основатели 4 правовѣрныхъ философско-юридическихъ школъ, а именно: Абу-Ханафа, Маликъ, Аш-Шафи и Ибнъ-Гамбаль, о которыхъ подробно говорится въ 1-й гл. „Очерка“.

Его отвели въ темницу. Визирь поторопился представить халифу смертный приговоръ Халладжа. Этотъ послѣдній отдалъ Халладжа въ руки начальника полиціи, приказавъ наказать его тысячью ударовъ вѣнута и еще тысячью, если онъ не умретъ подъ ударами первой тысячи, и затѣмъ обезглавить. Но визирь умышленно передалъ приказаніе халифа нѣсколько иначе. Онъ отдалъ приказъ, чтобы, если Халладжъ не умретъ подъ ударами вѣнута, ему отрубили руку, и ногу, потомъ оставшіяся руку и ногу и, наконецъ, обезглавили бы, а тѣло сожгли. Халладжъ мужественно перенесъ страшную казнь. Трупъ его былъ сожженъ, а пепель брошенъ въ Тигръ. Но ученики его не увѣривали въ его смерть. Они были убѣждены, что кто-то другой, на него похожій, былъ казненъ вмѣсто него и что Халладжъ, спустя 40 дней, снова явится. Нѣкоторые увѣряли, что встрѣтили его ѣдущимъ на осленкѣ по дорогѣ въ Нахраванъ и слышали изъ устъ его слѣдующія слова: „Не вѣрьте глаголющимъ обо мнѣ, что я казненъ и умеръ!“ Таковъ рассказъ о жизни и кончинѣ Халладжа по сунитскимъ источникамъ. Суфіи же передаютъ его иначе. По ихъ свидѣтельствамъ, весь мусульманскій міръ былъ исполненъ рассказовъ о чуде сахъ, имъ совершаемыхъ. За нимъ слѣдовала постоянно громадная толпа народа и его вліяніе на народъ было безпредѣльно. Однажды, во время паломничества въ Мекку, когда онъ съ четырьмястами суфіевъ находился въ пустынѣ и всѣ съѣстные запасы были истреблены, онъ накормилъ каждого изъ своихъ спутниковъ жаренымъ ягненкомъ и двумя свѣжеиспеченными хлѣбами, которые каждый получилъ изъ своей собственной спины, по прикосновеніи къ ней рукъ Халладжа.

Онъ имѣлъ безчисленное множество враговъ, завидовавшихъ его вліянію на народъ. Они обвинили его предъ халифомъ въ ереси и судьи и ученые Багдада обрекли его на смерть за слова его: „Я есмь истина!“ (что означало: я—богъ)¹⁾.

¹⁾ Истина (хаккъ),—одно изъ главнѣйшихъ именъ божіихъ у мусульманъ. У нихъ существуетъ множество эпитетовъ божіихъ. Кромѣ общаго названія—Алла,—Богъ, исламъ имѣетъ еще множество наименованій, какъ наир.: баки—вѣчный, джами—соединитель, хади—путеводитель, вали—другъ, заки—очиститель, тахиръ—святой, латифъ—благосклонный, маликъ—царь, нуръ—свѣтъ, кадиръ—сильный, раббъ—господинъ, и множество друг. (Hughes,

Его заключили въ темницу. Множество народа сходилось къ нему, чтобы услышать отъ него поученіе. Впослѣдствіи доступъ къ нему былъ строго воспрещенъ. Суфіи рассказываютъ далѣе, что, когда онъ былъ приведенъ въ темницу, тамъ было 600 заключенныхъ. „Я хочу освободить васъ!“ сказалъ онъ имъ. — „Отчего же ты самъ не освободишь себя?“ отвѣчали ему. — „Я скованъ узами Бога, отвѣчалъ Халладжъ, и имѣю возлѣ себя спутника и вѣрнаго хранителя. Я бы могъ освободить себя маніемъ руки!“ Онъ сдѣлалъ жестъ и оковы спали съ заключенныхъ. — „Но двери заперты, сказали они, какъ мы выйдемъ?“ Халладжъ сдѣлалъ другой жестъ, и двери раскрылись; всѣ ушли, а онъ остался одинъ. „Зачѣмъ не уходишь ты?“ спросили его. — „Я обладаю тайной, отвѣчалъ онъ, которую могу повѣрить только тому, кто умѣетъ беречь ея“.

Когда его вели на казнь, повѣствуютъ далѣе суфіи, массы народа стеклись на пути его. Халладжъ обвелъ взорами толпу и воскликнулъ: „Богъ! Богъ! Богъ! Я — Богъ!“ — „Что есть истинная любовь?“ спросилъ его одинъ дервишъ. — „Ты узришь ее сегодня, завтра и послѣзавтра!“ отвѣчалъ онъ ¹⁾. — „Повѣдай мнѣ что нибудь!“ сказалъ ему юноша изъ толпы. — „Люди міра сего, отвѣчалъ Халладжъ, мыслятъ о добрыхъ дѣлахъ; ты же помышляй о томъ, чего одинъ атомъ стоитъ больше всѣхъ добрыхъ дѣлъ людей и ангеловъ, — о приобрѣтеніи истиннаго знанія“ ²⁾. Когда онъ подошелъ къ лѣстницѣ, ведшей на эшафотъ, гдѣ ожидали его палачи, онъ сказалъ: „Вотъ лѣстница, ведущая человѣка на небо!“ и сталъ спокойно подыматься по ней. Множество народа бросало въ него камни. Халладжъ оставался невозмутимъ. Когда же суфій Шибли, ученикъ Джонаида, бросилъ въ него грязью, онъ вздохнулъ. Когда его спросили, отчего онъ прежде оставался спокойнымъ, будучи побиваемъ камнями, а теперь вздохнулъ,

ор. cit., стр. 73—75). См. также изслѣдов. Г. Саблукова „Сличеніе мохаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанск. о нихъ ученіемъ“ Казань, 1883 г.

¹⁾ Онъ хотѣлъ этимъ сказать: истинная любовь (къ Богу) заключается въ безропотномъ подчиненіи всему, что, по волѣ его, случится со мной сегодня, завтра и послѣзавтра.

²⁾ Т.-е., по системѣ суфіевъ, познаніе Бога, или пантеистической сущности, наполняющей вселенную.

обрызганный грязью, онъ сказалъ: „Бросающіе въ меня камнями, не вѣдаютъ, что дѣлаютъ, и это не огорчаетъ меня, но Шибли знаетъ, что грѣшитъ, даже когда бросаетъ только грязью“. Ему отрубили руку; онъ усмѣхнулся и сказалъ: „Не трудно отсѣчь руку у скованнаго; высокимъ искусствомъ было бы отнять качества, простирающіяся до высочайшаго изъ небесъ“. Ему отрубили ноги; онъ опять усмѣхнулся и сказалъ: „У меня остались еще двѣ ноги, на которыхъ я хожу въ этомъ и томъ мірѣ; отрѣжьте же ихъ у меня, если можете!“ Когда, ранѣе, ему отрубили кисти рукъ, онъ потерялъ одну объ другую кровавыми останками, а потомъ потерялъ ими щеки. Когда его спросили, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ: „Я потерялъ много крови и щеки мои блѣднѣютъ. Я не хочу, чтобы вы думали, что я блѣднѣю отъ ужаса. Я хочу покинуть васъ съ розовыми щеками. Румяное лицо—лицо мужчины“. — „А зачѣмъ потерялъ ты кровью свои руки?“ спросили его. — „Я совершаю обрядъ омовенія, отвѣчалъ онъ, — омовенія любви должны совершаться кровью“ Умирая, онъ произнесъ: „Боже мой! Не отвергай отъ лица твоего истязующихъ меня! Хвала тебѣ, ибо изъ-за моей любви къ тебѣ мнѣ отсѣвели руки и ноги! Когда голова моя отдѣлится отъ тѣла, я надѣюсь узрѣть ликъ твой!“ Его послѣдними словами было: „Одного лишь желаетъ Единство: дабы признали его Единствомъ“ ¹⁾.

Таковъ рассказъ суфіевъ о жизни и смерти Халладжа ²⁾. Нечего и говорить, что историческая правда на сторонѣ повѣствованія о томъ же суннитскихъ источниковъ, помянутыхъ нами выше. Весь рассказъ о Халладжѣ, передаваемый суфіями, есть отъ перваго слова до послѣдняго — легенда, въ высшей степени, однако, для насъ любопытная, такъ какъ суфіи вложили въ уста Халладжа мысли и слова еретическія въ глазахъ правовѣрныхъ и понятныя и дорогія суфіямъ. Такимъ образомъ онъ является выдающимся, краснорѣчивѣйшимъ выразителемъ ихъ доктрины, въ особенности же ихъ взгляда на

¹⁾ Dozy, op. cit., стр. 334 и примѣч. 2.

²⁾ Халладжъ былъ казненъ въ мѣсяцѣ Дзилькаде, въ 309 г. гиджры, т.-е. 921 г. по Р. X. Guyard говоритъ, что можно предположить въ Халладжѣ приверженность къ идеямъ христіанства, такъ какъ онъ не разъ говорилъ о связи божества съ человѣкомъ.

смерть и по преимуществу мученическую, какъ величайшее счастье для суфія, ибо смертью душа его освобождается изъ своей темницы, — тѣла и „любящій“ достигаетъ полнаго соединенія съ „любимымъ существомъ“ (Богомъ), соединенія, которое составляетъ цѣль и задачу жизни каждаго суфія.

Изъ выдающихся представителей суфизма назовемъ еще слѣдующихъ:

Ал-Мухазеби († 857 п. Р. Х.) написалъ „Эр-риайа“, — жизнеописаніе суфіевъ.

Мухаммедъ-Салами-ибнъ-Нишапури († 1021 п. Р. Х.) составилъ трактатъ о степеняхъ совершенства въ суфизмѣ.

Ал-Кошайри († 1072 п. Р. Х.) разработывалъ философскую систему суфіевъ и написалъ по этому поводу книгу „Рисалà“.

Мы знаемъ уже ¹⁾ о томъ, какое мѣсто занималъ знаменитый Газали († 1111 г. п. Р. Х.) въ борьбѣ правовѣрія со свободной философской мыслью сектантовъ. Онъ старался примирить противоположныя мнѣнія. Странясь атеизма, онъ защищалъ правовѣріе, но радовался успѣхамъ философской мысли. Мистическій оттѣнокъ его сочиненій ²⁾ смягчаетъ въ немъ строгость суннита и скептицизмъ философа. При рѣшеніи важнѣйшихъ положеній Газали обращается къ внутреннему чувству, не ограничиваясь вѣрой и разумомъ. Оставаясь вѣрнымъ Курану и преданію, онъ объясняетъ ихъ, однако, въ мистическомъ смыслѣ суфіевъ, въ которыхъ онъ всегда чувствовалъ склонность ³⁾. Онъ является характернымъ представителемъ правовѣрнаго мистицизма и мистическаго правовѣрія. Благодаря ему суфизмъ окончательно расходится съ исламомъ, сохраняя лишь мусульманскую внѣшность. Теперь въ Персіи называютъ суфіемъ всякаго религіознаго вольнодумца, Шейхъ Сороварди ⁴⁾ († 1190—91 г.) — главнѣйшій пред-

¹⁾ 1-я глава.

²⁾ Газали написалъ трактатъ („Ихія“), полный стремленій согласить правовѣріе съ мистицизмомъ суфіевъ.

³⁾ Dugat смотритъ на Газали, какъ на суфія, вопреки мнѣнію Мунка (Mélanges) и Ренана (Averroës et l'averroïsme).—Замѣчательны сочиненія Газали „Мираджъ-ус-саликинъ“ и „Мишкаты-ул-ануаръ“, гдѣ онъ чрезвычайно подробно выясняетъ и критикуетъ философскія положенія суфіевъ.

⁴⁾ Его полное имя—шейхъ-Шехабъ-ед-динъ-Сороварди.

ставитель противоисламическаго суфизма. Онъ возставалъ противъ правовѣрія и противопоставлялъ ему цѣлую философскую систему, гдѣ оригинально сплетались идеи греческой философіи съ грезами восточной фантазіи. Жизнь его мало извѣстна. Съ юности онъ отличался успѣхами въ философскихъ наукахъ и аскетическимъ образомъ жизни. При султанѣ Саладинѣ онъ былъ обвиненъ улемами въ ереси за свое богословское свободомысліе и посаженъ въ темницу, гдѣ добровольно уморилъ себя голодомъ ¹⁾. Въ темницѣ онъ написалъ стихотвореніе ²⁾, проникнутое мистицизмомъ суфіевъ. Въ немъ встрѣчаются мѣста, достойныя вниманія. Вотъ они:

„Скажите друзьямъ моимъ, когда они увидятъ меня на
ложѣ смерти .

„Что этотъ безчувственный трупъ—не я!

„Это мое тѣло, но я не живу въ немъ.

„Я—неугасаемая жизнь!

„Я — птица; это тѣло было моею клеткой;

„Я распустилъ мои крылья и покинулъ мою темницу!

„Я—жемчугъ; тѣло мое было раковиной,

„Которая теперь раскрыта и покинута, какъ неимѣющая
цѣны.

„Вникайте въ тайную мысль,

„Облекаемую мною въ символы и образы!

„Не зовите смерть смертью, ибо, по истинѣ,

„Она есть жизнь, цѣль нашихъ желаній!

„Возноситесь любовью къ Богу,

„Который есть любовь,

„Который вознаграждаетъ насъ за усилія наши!

„Идите къ Нему безъ страха!“ etc.

¹⁾ По другимъ источникамъ, онъ былъ задушенъ, по приказанію султана, въ 1190 или 1191 году.

²⁾ Стихотвореніе это приводитъ Palgrave, Voyage en Arabie, II, 273—274, и приписываетъ его Газали, но у Кремера (Ideen des Islams, p. 132, прим. 32) есть указаніе, что стихотвореніе это съ ббльшей вѣроятностью можетъ быть приписано Сороварди.

Сороварди умеръ 38 лѣтъ, написавъ, однако, не мало ученыхъ сочиненій.

Вначалѣ Сороварди придерживался доктринъ шафеитскаго правовѣрнаго толка ¹⁾, но потомъ отдѣлился отъ него, основалъ секту иллюминатовъ и сталъ носить названіе „ученика міра духовъ“.

Богословскіе трактаты Сороварди представляютъ своеобразное соединеніе идей заратустрова ученія, неоплатониковъ и шиитовъ. Онъ силится согласить теософію съ умозрительной философіей. На землѣ есть люди, говоритъ онъ, которые занимаются вопросами бытія; они суть философы, представители Бога на землѣ; истинный теософъ — имамъ, намѣстникъ Бога, мистическій „полюсъ“ ²⁾; ему принадлежитъ могущество, отъ него исходятъ на землю справедливость и свѣтъ. Богъ есть „свѣтъ свѣта“, онъ лишень всѣхъ атрибутовъ. Богъ Сороварди — скрытый богъ, хотя и „свѣтъ“. Вѣчная матерія борется съ абсолютной вѣчностью; въ этой борьбѣ двухъ міровъ, матеріальнаго и духовнаго, мы видимъ повтореніе теоріи Эмпедокла о любви (*φιλία*) и ненависти (*νεῖκος*), кои суть причины бытія и движенія ³⁾. Преобладаніе остается на сторонѣ духовнаго начала, и любовь торжествуетъ надъ ненавистью: нематеріальное начало побѣждаетъ матеріальную сущность. Сороварди развиваетъ теорію идей-типовъ, аналогичную платоновской теоріи. Эти идеи-типы, духовные образы земныхъ вещей, суть также вѣчны, какъ первичная, неорганическая матерія. Сороварди объясняетъ иносказательно мѣста Курана о наслажденіяхъ рая и мученіяхъ преисподней. Вотъ какъ оригинально и поэтически-образно изображаетъ онъ мученія грѣшниковъ: „Души грѣшниковъ, покинувъ тѣло, мучаются своей нравственной непросвѣтленностью и внутреннимъ безобразіемъ. Они сожальютъ о чувственномъ мірѣ, куда уже не вернуться. Силы ихъ покидаютъ, глаза тускнѣютъ, уши не слышатъ, свѣтъ матеріальнаго міра не проникаетъ въ нихъ;

¹⁾ См. I главу.

²⁾ Ученіе шиитовъ подробно рассмотрѣнное во 2-й гл.

³⁾ *Φιλία* и *νεῖκος*. Эмпедокла современные физики, менѣе поэтичныя, чѣмъ ихъ предшественники, прозаически называютъ притяженіемъ и отталкиваніемъ, силою центропритягательной и силою центробѣжной.

одинаковымъ образомъ лишены они созерцанія божественнаго сіянія. Въ отчаяніи бродятъ они во мракѣ: ихъ подавляетъ ужасъ и терзаетъ печаль, спутники ночи!“

Ибнъ-Араби (родился въ Мурсіи, въ Испаніи, въ 1164 г. нашей эры) принадлежалъ къ ультра-суфіямъ, смотрѣвшимъ на себя, какъ на боговъ, оставаясь въ то же время „правовѣрнымъ“, хотя его „правовѣріе“ было весьма оригинальное: онъ, понимая буквально, согласно строгому суннизму, ученіе Курава объ Аллахѣ, обладающемъ всѣми человѣческими атрибутами (руками, ногами, глазами, ушами и т. д.), и утверждая, что необходимо принимать это ученіе на вѣру, не пытаясь объяснять его разумомъ, въ то же время развиваетъ ученіе о богѣ, какъ отвлеченной идеѣ, безличномъ представленіи. Ибнъ-Араби впадалъ въ состояніе экстаза, во время котораго ему были различныя видѣнія; онъ разговаривалъ тогда со всѣми святыми и пророками, бывшими и имѣющими явиться. Онъ велъ длинныя бесѣды съ Иисусомъ Христомъ и Мухаммедомъ и говорилъ съ Богомъ! Годъ смерти его неизвѣстенъ. Могила его въ Дамаскѣ привлекаетъ много поклонниковъ и служитъ мѣстомъ паломничества ¹⁾.

Кромѣ учено-богословскихъ представителей, суфизмъ обладаетъ еще цѣлымъ рядомъ поэтическихъ выразителей своихъ доктринъ. Знаменитые поэты мусульманскаго міра, — Ферид-ед-дин-Аттаръ, Джелал-ед-дин-румй ²⁾, Махмудъ - Шебистери, Саади, Хафизъ и Джами ³⁾ были ревностные мистики, страстные поклонники суфизма, и въ разныя эпохи звучными стихами своими проповѣдывали идеи суфіевъ, окутывая ихъ въ

¹⁾ Scholl, op. cit., стр. 409.

²⁾ У Девлетъ-шаха находимъ мы слѣдующую похвалу Джелал-ед-дину-румй: „Сердце его—ноцугай божественныхъ тайнъ, умъ его каравансарай безконечнаго свѣта! Слова его освѣжаютъ жаждущихъ въ равнинѣ созерцанія; они приводятъ ихъ къ источнику познанія, выводятъ изъ пустынь невѣдѣнья въ садъ истиннаго званія“ (Scholl, op. cit., стр. 306).

³⁾ Джами принадлежитъ, между прочимъ, поэма „Юсуфъ ве Зюлейха“, — Юсифъ и Зюлейха, героемъ которой является библейскій Юсифъ, сынъ Іакова, въ котораго влюбляется дочь египетскаго вельможи, ко двору котораго онъ попадаетъ, стораецъ страстью по немъ и, наконецъ, выходитъ за него замужъ. Но страстности и пластичности стиха поэма эта заслуживаетъ вниманія, какъ художественное произведеніе восточной музы.

разноцвѣтныя ткани разнообразныхъ образовъ и отвлеченныхъ формъ, блистающихъ оригинальною страстностью и безконечной глубиной. Безпрерывное стремленіе къ идеалу, страстная любовь къ „царю“ мистическаго неба, самоуглубленіе, внутреннее созерцаніе сверхчувственнаго міра, отождествленіе своего я съ величайшимъ Всѣмъ, міровою сущностью, уничтоженіе собственной личности въ божественной безконечности, дающее силы самому стать наравнѣ съ божествомъ, сдѣлаться самому богомъ,—вотъ мотивы поэзіи суфіевъ.

Выдающіяся произведенія поэтовъ-мистиковъ суть: „Гулистанъ-ирасъ“,—розовый цвѣтникъ тайнъ, Махмуда-Шебистери, „Мантык-ут-тайръ“, бесѣда птицъ, Ферид-ед-дин-Аттара, „Гулистанъ“, розовый цвѣтникъ, знаменитаго Саади, „Бустанъ“, фруктовый садъ ¹⁾, его-же, „Мееневи“ Джелал-ед-дина-руми, „Диванъ“ (т. е. полное собраніе сочиненій) Хафиза и друг. Поэзія мистиковъ разнообразна, своеобразна и поражаетъ европейца то разнузданной страстностью картинъ грубой чувственности, то странными сочетаніями образовъ, словъ, оборотовъ и выраженій, то низменностью, такъ сказать, будничной вульгарностью сюжета (какъ, напр. ²⁾), длинныя цвѣтистыя описанія трактира, трактирщика и себя, автора, еле стоящаго на ногахъ отъ обильныхъ возліяній), то, наконецъ, туманными образами, повитыми мистической дымкой, волнующими сердце и заманчиво шевелящими мысль. Все это не что иное, какъ внѣшнія оболочки внутренняго содержанія, все это иносказанія и такимъ, а не инымъ какимъ-либо, образомъ и слѣдуетъ понимать ихъ. Всѣ эти образы, какъ бы ни были они, на первый взглядъ, грубо-матеріальны,

¹⁾ 3-я книга „Бустана“ трактуетъ о любви. Ее можно считать шедевромъ персидской литературы. Въ ней Саади представляетъ любовь въ поэтическомъ образѣ горячей свѣчи: пламя ея есть ея слава и въ тоже время оно пожиратъ ее. Другая аллегорія любви: ночная бабочка, летящая на огонь и находящая въ немъ себѣ смерть. О жизни и сочиненіяхъ Саади см. „Шейхъ Мослехудинъ-Саади-Ширазскій“, изслѣдованіе И. Н. Холмогорова, преподавателя персидской словесности въ Лазаревск. Инстит. восточн. яз. въ Москвѣ.

²⁾ У Хафиза. Подъ трактиромъ поэтъ разумѣетъ небесныя сферы блаженства, подъ трактирщикомъ—божество, подъ виномъ—истину, познаніе Бога, міра и тайнъ его и т. д.

иносказательно выражаютъ сущность суфизма: любовь къ Богу и жажду смерти, какъ возможность съ нимъ соединиться, нравственную неустанную борьбу съ земными помыслами при помощи проникновенія идеей единства, полнымъ уразумѣніемъ, что все должно кончиться погруженіемъ въ безконечную божественную эссенцію. Часто въ стихахъ мистиковъ попадаются выраженія, въ которыхъ какъ бы слышатся нападки на религію, но это только такъ кажется: они осмѣиваютъ суннизмъ, забывшій духъ и преклонившійся предъ буквой. Иносказанія суфіевъ объясняются также еще и тѣмъ, что они желали избѣгнуть запрета обращенію своихъ стиховъ въ обществѣ со стороны суннитскаго духовенства и придавали имъ такую форму, которая не могла остановить на нихъ подозрительнаго вниманія правовѣрныхъ богослововъ. Къ сожалѣнію, размѣры статьи не позволяютъ намъ дать здѣсь нашимъ читателямъ образцовъ мистической поэзіи, хотя бы по одному отрывку изъ произведеній каждаго изъ вышеупомянутыхъ авторовъ. Это могло бы служить предметомъ особаго очерка, такъ какъ чуть ли не каждая строчка мистической поэзіи требовала бы обстоятельныхъ комментарій ея иносказательнаго языка, безъ чего творенія мистиковъ остались бы навсегда загадкою для непосвященныхъ въ ихъ тайники читателей.

Суфіи были трехъ родовъ: чистые суфіи, строго придерживавшіеся аскетическихъ воззрѣній, представителемъ которыхъ былъ Бишрѣ-босоногій ¹⁾; суфіи правовѣрные, присоединившіеся къ защитникамъ сунны при Ахмедѣ-ибнѣ-Гамбалѣ, и суфіи-философы, свободно развивавшіе пантеистическія доктрины суфизма ²⁾.

Кромѣ учено-богословскихъ и поэтическихъ сторонниковъ, суфизмъ имѣетъ еще особыхъ выразителей своихъ началъ въ безчисленномъ множествѣ факировъ или дервишей.

Факиры ³⁾, или дервиши ⁴⁾, суть члены многочисленныхъ

¹⁾ Бишрѣ-abu-Насрѣ, по прозванію босоногій, род. въ 767 г. въ Мервѣ; ум. въ 841 году; знаменитый аскетъ, ученикъ славнаго Джонаида.

²⁾ *Les Annales d'Ab-oul-Mahaçin. cités par Quatremère. Journ. asiatique, août, 1836, p. 134.*

³⁾ Факиръ—арабское слово: бѣдный.

⁴⁾ Дервишъ, -персидское слово, означаетъ: просящій у дверей. •

духовныхъ толковъ или орденовъ, положившихъ свое начало съ первыхъ годовъ возпикновенія ислама. Врожденная склонность народовъ Востока къ созерцательности, о которой мы упоминали раньше, была причиною образованія въ исламѣ, во дни Мухаммеда, религиозныхъ братствъ, вмѣнявшихъ въ обязанность своимъ членамъ—бѣдность ¹⁾, совершеніе извѣстныхъ религиозныхъ обрядовъ и жизнь созерцательную, духовную ²⁾. Впослѣдствіи такихъ братствъ образовалось очень много ³⁾. Эти религиозныя братства ⁴⁾, вопреки точному предписанію Мухаммеда: „да не будетъ въ исламѣ монашества!“ обратились современемъ въ правильно организованные полумонашескіе толки ⁵⁾, имѣвшіе свои особыя уставы, члены которыхъ носятъ названіе дервишей или факировъ. Въ настоящее время на Востокѣ насчитываютъ 32 толка дервишей, отличающіеся другъ отъ друга уставомъ, выполненіемъ зикр'а ⁶⁾, состоящаго въ призываніи милости Господней и славословіи имени

¹⁾ Принципъ бѣдности, какъ отрѣшеніе отъ всевозможныхъ благъ міра, основывается на словахъ Мухаммеда: „Ал-фикру-фâхри“. т. е. „бѣдность—моя гордость.“ Это не мѣшаетъ, однако, дервишескимъ толкамъ владѣть деньгами и угодами, приносимыми имъ въ даръ частью отдѣльными лицами, частью самимъ правительствомъ, оказывающимъ дервишескимъ орденамъ покровительство и ставящимъ ихъ почти въ независимое положеніе въ государствѣ.

²⁾ М-г D'Ohsson въ своемъ знаменитомъ трудѣ „The Ottoman Empire“ говоритъ, что члены этихъ братствъ были первыми суфіями и первое время, пока суфизмъ не развился въ цѣлую философскую систему, носили это названіе.

³⁾ Абу-Бекръ и Али были, по словамъ D'Ohsson'а. основателями многихъ такихъ общинъ.

⁴⁾ Братства эти, перейдя въ толки, приняли оттѣнокъ, напоминающій монашество, разумѣется, весьма отдаленно. Такъ, дервиши имѣютъ общежитіе и правильное совершеніе религиозныхъ церемоній нѣсколько разъ въ недѣлю. Дервиши даютъ обѣтъ бѣдности и безусловнаго повиновенія главѣ толка. Но въ то же время безбрачіе не вмѣняется въ обязанность этимъ отшельникамъ, посвятившимъ себя Богу: многіе изъ нихъ женаты и даже имѣютъ гаремы.

⁵⁾ Первое братство отшельниковъ основалъ, въ 657 г. по Р. Х., знаменитый въ исламѣ аскетъ Увайсъ-уд-Керани, изъ Іемена. Вполнѣ правильный орденъ дервишей, съ опредѣленнымъ уставомъ и организаціей, основанъ въ 766 г. по Р. Х. мистикомъ Алваномъ.

⁶⁾ Подробное описаніе главнѣйшихъ церемоній зикра, см. у Hughes'а, *op. cit.*, стр. 703 и слѣд.

божія, и, у нѣкоторыхъ толковъ, скаканіи, верченіи и завываніи, напоминающихъ „радѣнія“ нашей хлыстовщины, и особенностяхъ одежды членовъ ¹⁾. Укажемъ на нѣкоторые, наиболѣе характерныя, толки.

Толки дервишей дѣлятся на признающіе законъ, т. е. постановленія ислама (ба шерхъ) и непризнающіе предписаній какой бы ни было религіи (би шерхъ) ²⁾

Къ первымъ принадлежатъ:

Бестами (основ. Баязидъ - Бестами), Накешбенди (основ. пиръ Мухамедъ-Накешбенди) и Бахташи (основ. Хаджи-Бахташъ), которые претендуютъ вести свое начало отъ религіозной общины, основанной первымъ халифомъ, — Абу-Бекромъ. Всѣ остальные ордена дервишей считаютъ Али своимъ родоначальникомъ. Накешбенди весьма многочисленны. Они употребляютъ зикръ внутренней ³⁾. Бахташи ⁴⁾ развиваютъ символическое ученіе о поясѣ: каждый дервишъ этого толка за поясываетъ жадность, гнѣвъ, скупость, невѣжество, страсть, голодъ и все сатанинское и распоясываетъ щедрость, кротость, благочестіе, страхъ божій, любовь къ Богу, духовное насыщеніе и все божественное. Мевлеви (основ. Джелалъ-ед-динъ-руми) — толкъ дервишей наиболѣе распространенный въ Турціи. Они носятъ названіе „вертящихся дервишей“: они собираются въ свой монастырь (текіэ) и, по знаку шейха, съ головокружительной быстротой начинаютъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, пока не дойдутъ до экстаза (вадждъ) и затѣмъ полного изнеможенія. Кадири (основ. сейидъ-Абд-ул-Кадиръ, по прозв. пири-Дастагиръ) употребляютъ зикръ и устный, и внутренней. Къ нимъ принадлежатъ сунниты с.-з. предѣловъ Индіи и египтяне — рыболовы. Джелали (основ. сейидъ Джелалъ-ед-динъ-Бухари) въ большомъ количествѣ встрѣчаются

¹⁾ Hughes, op. cit., стр. 119 и слѣд.

²⁾ См. The Dervishes or oriental Spiritualism by John Brown; Malcolm's Persia и Ubicini, — Lettres sur la Turquie.

³⁾ Зикръ бываетъ двухъ родовъ: устный (зикръ джамі), т. е. произнесеніе имени божія вслухъ, и внутренней (зикръ хѣфи), т. е., произнесеніе извѣстныхъ религіозныхъ формулъ про себя (Hughes, op. cit., стр. 117, 118, 703).

⁴⁾ По мусульманскимъ преданіямъ, хаджи Бахташъ первый прозвалъ ямчаръ этимъ именемъ (Hammer).

въ Центральной Азіи. Нищенствующіе дервиши всего чаще принадлежатъ къ этому ордену. Сороварди (основ. знаменитый шейхъ Сороварди) процвѣтаютъ въ Афганистанѣ и имѣютъ въ своей средѣ много ученыхъ

Къ дервишамъ *би шерхъ* принадлежатъ Мурдари (основ. Зинда-шахъ-Мурдаръ) — фанатики аскетизма, умерщвляющіе свою плоть до послѣдней степени. Ихъ много въ Индіи Руфаи во время своихъ молитвенныхъ собраній оглашаютъ воздухъ дикими криками, переходящими затѣмъ въ нечеловѣчскій вой. Въ Турціи и Египтѣ они носятъ названіе „воющихъ дервишей“. Календери (основ. Календеръ-Юсуфъ-ал-Андалузи, испанецъ родомъ) — странствующіе дервиши, обязанные въ продолженіе всей своей жизни переѣзжать съ мѣста на мѣсто, нигдѣ подолгу не останавливаясь.

Къ сожалѣнію, дервиши, будучи представителями суфизма, скорѣе его искажаютъ и унижаютъ, чѣмъ возвышаютъ. Съ одной стороны, они играютъ роль далеко не завидную, ходя въ народѣ оборванными нищими, попрошайками, продавцами разныхъ талисмановъ и снадобій, снотолкователями, знахарями и даже фокусниками; съ другой, стараясь приблизиться къ божеству возвышеніемъ духа посредствомъ умерщвленія плоти, они предаются дикимъ пляскамъ и верченью, которыя, утомля тѣло, вызываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайное раздраженіе всей нервной системы и производятъ удовлетвореніе скорѣе чувственнаго, чѣмъ духовнаго характера. Экстазъ первыхъ суфіевъ обставлялся бѣльшей отвлеченностью и не искусственнымъ поднятіемъ нервъ, а глубокой самоуглубленностью и жизнью строгосозерцательной достигали они все бѣльшей и бѣльшей ясности духа и проникновенности въ сверхчувственный міръ духовными очами.

ГЛАВА VI.

Исламъ на западѣ.—Тарифъ.—Салихъ.—Куранъ, имъ составленный.—Берехвата. — Испанія; XI вѣвъ въ Испаніи. — Алморавиды. — Абд-алла-ибнъ-Язинъ. — Юсуфъ-ибнъ-Тешуфинъ. — Алморавиды въ Испаніи.—Алмогады.—Мухаммедъ-ибнъ-Тумертъ. — Нетерпимость Алмогадовъ.—Авероець.—Торжество правовѣрія.

Если мы перенесемъ съ востока среднихъ вѣковъ на западъ, въ Марокко и Испанію, то замѣтимъ весьма ощутительную разницу въ ихъ религіозной жизни. Здѣсь, на западѣ, мы уже не будемъ болѣе свидѣтелями бурныхъ религіозныхъ распрей; здѣсь мы видимъ процвѣтаніе древняго правовѣрія; здѣсь не знали, да и не хотѣли знать, смѣлыхъ философскихъ школъ и религіозныхъ системъ Багдада и Персіи; для мусульманъ Испаніи всѣ эти философскія школы, возникавшія и падавшія на востокѣ, и всѣ эти религіозныя системы сектантовъ, смѣло боровшихся съ оффиціальнымъ „правовѣріемъ“, были чѣмъ-то чуждымъ, непонятнымъ, внушающимъ удивленіе и возбуждающимъ негодованіе ¹⁾.

Эта разница религіозно-нравственнаго состоянія средне-вѣкового востока и запада объясняется характеромъ самого населенія. Народы Азіи, этой древней колыбели религій, уже прошли длинный періодъ религіозно-философскаго развитія прежде, чѣмъ приняли ученіе Мухаммеда. Исламъ былъ слиш-

¹⁾ Знаменитый ученый Гранады, — Ибнъ — Джубайръ, посѣтилъ во время Саладина, востокъ и вынесъ изъ своей поѣздки глубокое убѣжденіе, что, „нѣтъ нигдѣ ислама, кромѣ какъ на западѣ; повсюду только ересь и невѣріе!“ (Dozy, op. cit., стр. 342).

комъ сухъ, слишкомъ мало возвышенъ, слишкомъ матеріаленъ и неглубокъ, чтобы, удовлетворивъ ихъ нравственно, могъ дать пищу ихъ уму и воображенію.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Африкѣ и Европѣ, у народовъ мало развитыхъ въ религіозномъ отношеніи, всегда заимствовавшихъ религію у другихъ. Для невѣжественныхъ, полудикихъ берберовъ исламъ, когда они его приняли, былъ настолько выше ихъ умственного и нравственного уровня, что они всецѣло къ нему, такъ сказать, прилѣпились, не имѣя нравственной возможности отнестись къ нему критически ¹⁾ и, отдавшись новой вѣрѣ всѣмъ своимъ простымъ, непосредственнымъ существомъ, стали фанатиками ислама не менѣе самихъ арабовъ-побѣдителей.

Такой же, если не бѣльшей, ревностью къ исламу отличались и испанцы, фанатичные по натурѣ и склонные всецѣло отдаваться дѣлу вѣры. Испанія, въ эпоху покоренія ея арабами, была христіанской болѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Въ умственномъ развитіи она всегда отставала, всегда была позади другихъ странъ. Изъ всѣхъ провинцій римской имперіи Испанія всѣхъ дольше оставалась языческой. Когда императоръ Константинъ сдѣлалъ христіанство, изъ политическихъ видовъ, господствующей религіей, Испанія была почти всецѣло языческой, какой она, отчасти, оставалась и до начала VІІ вѣка, эпохи покоренія ея арабами. Обстоятельство это объясняется очень просто: дурнымъ отношеніемъ къ народу духовенства, которое болѣе отягчило, чѣмъ облегчило грустное положеніе, въ которое поставили эту страну римскіе императоры. Христіанскіе пастыри слишкомъ мало заботились о пасомыхъ, о ихъ духовномъ руководствѣ и просвѣщеніи, и всецѣло отдались непрерывнымъ преслѣдованіямъ евреевъ. Называвшіе себя христіанами часто не знали основныхъ догматовъ христіанства! Такимъ образомъ христіанство плохо укрѣпилось въ имперіи вестготовъ и это весьма облегчило побѣду исламу. Распространенію мусульманства помогло еще и то, что, при прежнемъ порядкѣ вещей, положеніе рабовъ было

¹⁾ До сихъ поръ они очень мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи и можно навѣрное сказать, что первые послѣдователи Мухаммеда были несравненно болѣе ихъ вѣрны и свѣдущи въ религіи пророка.

весьма тяжело; при господствѣ же ислама оно сразу измѣнилось къ лучшему: Куранъ гуманно относится къ рабамъ; отпустить на волю раба считается у мусульманъ добрымъ дѣломъ. Кромѣ того, самое рабство у мусульманъ было далеко не страшно и не тяжело.

Фанатизмъ побѣжденныхъ подѣйствовалъ и на побѣдителей: подъ вліяніемъ берберовъ и испанцевъ арабы Испаніи и Африки были горяздо болѣе привержены къ исламу, чѣмъ гдѣ-либо.

Не слѣдуетъ, однако же, думать, что исламъ на западѣ былъ однимъ чистымъ „правовѣріемъ“, что въ немъ никогда не зарождалось никакихъ религіозныхъ ученій, не возникало никакихъ сектъ. Хотя, какъ мы уже сказали, мусульманскій западъ и пользовался относительно бѣльшимъ спокойствіемъ религіозной жизни, совсѣмъ чуждымъ востоку, но и здѣсь, конечно, какъ и вездѣ, гдѣ есть люди и работаетъ мысль, были и свои отклоненія отъ принятой религіозной нормы, и возникали секты, неимѣвшія, надо замѣтить, серьезной философской сущности и не отличавшіяся ни смѣлостью, ни оригинальностью ученія.

Бросимъ на нихъ общій взглядъ.

Среди вождей хариджитовъ, принимавшихъ участіе въ великомъ движеніи сектантовъ въ Африкѣ, о чемъ мы подробно говорили во II-ой главѣ „Очерка“, былъ нѣкто Тарифъ ¹⁾, еврей родомъ, который происходилъ изъ колѣна Симеонова и владѣлъ двумя племенами берберовъ. Когда хариджиты, почти всегда остававшіеся побѣдителями вначалѣ, были, наконецъ, въ свою очередь, побѣждены и разсѣяны, Тарифъ удалился въ предѣлы Темсны ²⁾, водворился тамъ и былъ призванъ владыкой маленькимъ племенемъ этой страны, обожавшимъ, какъ кажется, до обращенія въ исламъ, Яхуса или Бахуса и назвавшимаго этимъ же именемъ и Аллаха арабовъ.

Самъ Тарифъ до самой смерти оставался мусульманиномъ, но сынъ его Салихъ, который ему наслѣдовалъ, сталъ выдавать себя за пророка и составилъ свой собственный Куранъ,

¹⁾ Онъ первый вторгнулся въ Испанію и городъ Тарифа названъ его именемъ.

²⁾ Dozy, op. cit., стр. 348.

который, однако, онъ не счелъ своевременнымъ повѣдать народу и который былъ обнаругованъ гораздо, позже его преемниками. Потомъ онъ сталъ выдавать себя за махди. Сынъ его, Илія, оставался мусульманиномъ, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, и только внукъ его, Іона (въ концѣ VIII вѣка), сталъ открыто проповѣдывать новое ученіе. Это былъ сильно видоизмѣненный исламъ. Всѣ признанные Мухаммедомъ пророками признавались таковыми и Салихомъ, но съ прибавкой его, Салиха, и его потомства. Постъ былъ перенесенъ съ мѣсяца Рамазана на Реджебъ и кромѣ того былъ прибавленъ одинъ лишній постный день въ недѣлѣ. Молитвы удвоены: предписывалось молиться пять разъ въ продолженіе дня и столько же ночью. Обряды омовенія и богомоленія остались отчасти тѣ же, что и у мусульманъ, отчасти же измѣнены. Общественная молитва совершалась не по пятницамъ, а по четвергамъ, рано утромъ. Муэzzинъ (созывающій на молитву¹⁾) не полагался: его призывъ замѣнило пѣніе пѣтуха, который пріобрѣлъ такимъ образомъ столь большое значеніе, что запрещалось, безъ крайней надобности, употреблять въ пищу пѣтуховъ и куръ и ѣсть яйца. Паломничество въ Мекку, въ виду дальности разстоянія, совершалось лишь въ видѣ исключенія, хотя не было отмѣнено. Количество законныхъ женъ не было ограничено четырьмя: ихъ можно было имѣть столько, сколько кто былъ въ силахъ содержать подобающимъ образомъ²). Строго воспрещалось имѣть рабынь наложницами, какъ это допускалось Мухаммедомъ, а также брать въ жены двоюродныхъ сестеръ. Запрещалось также жениться на правовѣрныхъ мусульманкахъ и выдавать дочерей замужъ за правовѣрныхъ мусульманъ. Законы были крайне строги: лжецъ наказывался изгнаніемъ; уличенный воръ приговаривался къ смертной казни; прелюбодѣй побивался камнями³).

¹⁾ Отъ арабскаго глагола азана,—звать на молитву.

²⁾ Каждой женѣ мусульманинъ обязанъ предоставить отдѣльное помѣщеніе въ домѣ, отдѣльное хозяйство и отдѣльный штатъ прислуги. Такъ какъ это стоитъ дорого, то обыкновенно мусульмане ограничиваются одною женою; лишь богатые пользуются правомъ многоженства.

³⁾ Куранъ Салиха, написанный на берберійскомъ нарѣчій, раздѣляется на 80 суръ (главъ), изъ которыхъ почти каждая носила имя какого-либо святаго или пророка. Первая носила имя Іова, послѣдняя—Іоны.

Какъ видитъ читатель, доктрина Салиха не отличалась ни глубиной, ни оригинальностью. Всѣ предписанія его Курана въ высшей степени произвольны и выдуманы для того, чтобы какъ можно болѣе отличить новую религію отъ ислама. Вообще, въ созданномъ имъ культѣ ясно мелькаетъ задняя мысль: упрочить за своими потомками власть надъ берберами. Берберы слѣпо подчинялись своему духовенству; выдавая себя за пророка и такимъ образомъ соединяя со свѣтскою властью престижъ святости, свойственной пророкамъ, онъ тѣмъ самымъ обезпечивалъ власть за своимъ потомствомъ, ставилъ ее на прочныя основы. При этомъ нельзя не замѣтить отпечатка жестокости, свойственной ученію Салиха, что напоминаетъ отличительную черту секты хариджитовъ, къ которой Салихъ нѣкогда принадлежалъ, какъ и его отецъ: всякій, отказывающійся принять его ученіе, считался уже тѣмъ самымъ приговореннымъ къ смерти.

Адепты этой новой религіи, извѣстные подъ именемъ Берехвата, долгое время своими буйными набѣгами наводили ужасъ на сосѣдей. Наконецъ, около 1090 г., они были побѣждены однимъ берберійскимъ эмиромъ и принуждены снова принять исламъ. Они пытались возстать, но были окончательно сломлены алмаравидами, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Въ Испаніи также были попытки видоизмѣнить исламъ. Такъ, мы видимъ возникновеніе въ Испаніи ученія, соединявшаго въ себѣ черты, свойственныя исламу и христіанству. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать чего-нибудь положительнаго объ этомъ оригинальномъ ученіи, такъ какъ почти ничего о немъ не знаемъ. Кажется, оно продолжалось весьма недолго, да и не могло имѣть успѣха при кордовскихъ Омейядахъ, правленіе которыхъ отличалось неограниченною властью духовенства и религіозной нетерпимостью народа, смотрѣвшаго, какъ на еретика, на всякаго, предававшагося научнымъ занятіямъ ¹⁾.

¹⁾ Знаменитый первый визирь Хишама II-го, Ал-Мансуръ, занимавшійся философіей и астрономіей и тѣмъ навлекшій на себя неудовольствіе духовенства и народа, отклонилъ отъ себя подозрѣніе въ этихъ еретическихъ, по мнѣнію толпы, занятіяхъ только тѣмъ, что, въ присутствіи выдающихся

Начало XI вѣва принесло съ собою много перемѣнъ и въ политической, и въ религіозной жизни страны. Сильно поколебленное владычество Омейядовъ было наканунѣ окончательнаго паденія, а господствующее „правовѣріе“ подвергалось со всѣхъ сторонъ непрерывнымъ нападеніямъ поборниковъ свободы религіозной мысли. Стали появляться различныя ученія. Одни развивали идею о невозможности доказывать религіозныя истины путемъ разсудочнымъ, если ихъ можно назидать хитростью или силою. Материалисты требовали магематическихъ доказательствъ въ подтвержденіе религіозной сущности и, не находя такихъ въ исламѣ (какъ нельзя найти ихъ въ какой бы то ни было религіи), смотрѣли на него, какъ на плодъ человѣческой глупости. Третьи утверждали необходимость сохранять лишь внѣшнюю сторону религіи, оставляя себѣ право не вѣрить въ ея внутренній смыслъ. Наконецъ, были и такіе, которые хотѣли соединить во-едино мусульманъ, христіанъ и евреевъ и создать „всемирную религію“, состоящую въ соблюденіи лишь однихъ нравственныхъ принциповъ, проповѣдуемыхъ каждою религіей и требуемыхъ разумомъ.

Раздробленіе Испаніи на мелкія самостоятельныя княжества, послѣ паденія Омейядовъ, весьма способствовало развитію религіозно-философскихъ системъ. Большинство эмировъ, ставши самостоятельными правителями областей, были людьми просвѣщенными, нерѣдко преданными научнымъ занятіямъ. Они охотно допускали религіозное вольнодумство своихъ подданныхъ и не стѣсняли ихъ религіозной совѣсти.

Но это продолжалось очень недолго. Всѣ возникавшія въ это время, упомянутыя нами, философскія системы, отличавшіяся крайней поверхностностью, бездоказательностью и запальчивою поспѣшностью въ выводахъ, что весьма понятно, если читатель припомнитъ то, что мы сказали о различіи запада и востока, не могли долго держаться, какъ неимѣвшія подъ собой твердой почвы и выдающихся руководителей. Правовѣр-

мѣстныхъ богослововъ, сжегъ собственноручно нѣсколько книгъ по астрономіи и философіи изъ своей бібліотеки, по выбору приглашенныхъ на это ауто-да-фе ученыхъ экспертовъ изъ духовенства.

ное духовенство смотрѣло на нихъ съ негодованіемъ и всѣми силами души жаждало правовѣрныхъ властителей. Въ концѣ XI столѣтія этимъ пламеннымъ желаніямъ суждено было осуществиться.

Въ промежутокъ этого времени въ Африкѣ произошло не мало перемѣнъ.

Яхья, владѣтель одного могущественнаго и воинственнаго берберійскаго племени, жившаго въ Сахарѣ и исповѣдывавшаго исламъ, вздумалъ совершить, въ 1036 году, паломничество въ Мекку и Медину. На возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ Кайраванъ послушать тамошняго знаменитаго богослова. Онъ весьма заинтересовался бесѣдами этого ученаго и, сознавая, насколько онъ самъ и его народъ мало посвящены въ догматы мусульманства, просилъ его дать ему одного изъ своихъ учениковъ въ качествѣ миссіонера. Это желаніе было не легко исполнимо, такъ какъ никто не хотѣлъ ѣхать въ пустыню, къ неизвѣстному народу. Наконецъ, удалось найти одного, согласившагося туда ѣхать. Это былъ нѣкто Абд-алла-ибнъ-Язинъ ¹⁾).

Приѣхавъ къ мѣсту назначенія, Абд-алла-ибнъ-Язинъ нашелъ народъ, просвѣщать который онъ былъ посланъ, до того невѣжественнымъ въ дѣлѣ вѣры, что религіозныя познанія большинства ограничивались священной формулой ислама „нѣтъ Бога, кромѣ Бога; Мухаммедъ посланникъ Божій“, и до того упорнымъ въ своемъ невѣжествѣ, что всѣ старанія новопрібывшаго миссіонера научить его догматамъ религіи пророка разбивались объ это упорство дикаго племени, какъ волны о каменистый берегъ. Абд-алла до того былъ огорченъ этимъ, что хотѣлъ было вернуться назадъ, но Яхья уговорилъ его остаться, предложивъ ему поселиться вмѣстѣ съ нимъ на небольшомъ островѣ близъ береговъ его владѣній и вмѣстѣ предаться служенію Богу. Абд-алла согласился и вмѣстѣ съ Яхьей и еще нѣсколькими лицами перелился на островъ, гдѣ ими былъ устроенъ „рабита“, т.-е. укрѣпленный монастырь. Мало-по-малу, въ „рабита“ стали стекаться частью любопыт-

¹⁾ См. 1., Aboulféda, An. mosl. t. III, p. 150; и 2., Notices et extraits, XII, стр. 625 и 631.

ные, частью ищущіе предаться уединенію и молитвѣ. Абд-алла назвалъ ихъ ал-мурабитунъ, т.-е., живущіе въ „рабита“, что въ устахъ испанцевъ-христіанъ видоизмѣнилось въ „алморавиды“. Число прибывавшихъ въ „рабита“ все увеличивалось и достигло до значительныхъ размѣровъ. Тогда Абд-алла объявилъ священную войну, которая была очень удачна. Берберы принуждены были силою исполнять свои религіозныя обязанности. Вся Сахара вскорѣ была обращена въ исламъ и, мало того, нафанатизована до послѣдней степени. Вскорѣ алморавиды выступили въ роли побѣдителей, завоевали страну, которая называется нынѣ государствомъ Марокко, и покорили сторонниковъ секты Салиха (Берехвата). Будучи крайне расположены къ богословамъ и строго придерживаясь всѣхъ предписаній ислама, алморавиды повсюду закупили въ свою пользу духовенство и народъ, съ котораго они не брали иныхъ податей, кромѣ предписанныхъ религіей.

Абд-алла погибъ во время войны съ послѣдователями секты Салиха. На его могилѣ воздвигли мечеть и прославили его святымъ.

Вскорѣ владѣнія алморавидовъ растянулись отъ Сенегала до Алжира. Владѣтельные эмиры Испаніи, не имѣя силъ противостать Альфонсу VI-му, королю кастильскому, пригласили на помощь властелина Марокко, Юсуфа-ибнъ-Тешуфина¹⁾. Онъ принялъ ихъ приглашеніе и помогъ одержать блестящую побѣду надъ кастильцами при Заллакѣ (1086 г.)²⁾. Четыре года спустя онъ снова былъ приглашенъ на помощь противъ кастильцевъ. На этотъ разъ онъ сдѣлалъ гораздо болѣе вреда своимъ союзникамъ, чѣмъ врагамъ. Опираясь на духовенство, видящее въ Юсуфѣ строго правовѣрнаго владыку, и народъ, смотрящій на него, какъ на избранника божія, властелинъ Марокко сдѣлался владыкой всей Испаніи. Онъ покорилъ

¹⁾ Юсуфъ-ибнъ-Тешуфинъ (Dugat, op. cit., стр. 176), при вступленіи во власть, обратился къ халифу Муктади-біамр-алла (1074—1094 п. Р. Х.) за инвеститурой, который даровалъ ее ему и прислалъ въ даръ почетныя одежды, — фактъ знаменательный, показывающій степень могущества, какимъ въ то время пользовался свѣтскій и духовный глава ислама.

²⁾ Подъ знаменами Альфонса VI кастильскаго въ битвѣ при Заллакѣ сражалось 40,000 евреевъ.

одного за другимъ владѣтельныхъ эмировъ, господствовавшихъ въ этой странѣ, послѣ паденія кордовскихъ Омейядовъ, и частью сослалъ ихъ въ пустыни Африки, частью умертвилъ. Господство алморавидовъ отличалось процвѣтаніемъ строгаго правовѣрія, ревниво охраняемаго фанатичнымъ духовенствомъ, которое нигдѣ не пользовалось такой безграничной властью, какъ во время владычества преемниковъ Абд-аллы-ибнъ-Язина.

Правовѣріе эпохи алморавидовъ отличалось крайнимъ фанатизмомъ, узкостью религіознаго взгляда и малымъ знакомствомъ съ самимъ исламомъ. Правовѣрные этой эпохи были не свѣдуши въ Куранѣ и Суннѣ. Единственно, что имъ хорошо было извѣстно, это—твореніе учениковъ Малика ¹⁾. Ихъ считали они непогрѣшимыми ²⁾. Религія исчерпывалась у нихъ знаніемъ сухой догмы; всякое поползновеніе смотрѣть на нее шире,—объявлялось ересью. Такъ, творенія Газали, въ особенности же его трактатъ „Возстановленіе богословскихъ знаній“, нигдѣ не подвергался такой неумолимой критикѣ, какъ въ Андалузій. Странные нападки философа на богослововъ его времени, преклонявшихся предъ буквой религіи и пренебрегавшихъ ея внутреннимъ смысломъ,—отличительная черта правовѣрія при алморавидахъ,—попали не въ бровь, а въ глазъ правовѣрнымъ Испаніи и вызвали преслѣдованія вышеупомянутаго сочиненія. Кордовскій кади объявилъ невѣрными всѣхъ тѣхъ, кто читалъ этотъ нечестивый, въ его глазахъ, трактатъ и издалъ особую фетву (указъ) о сожженіи этой вредной книги, что и было исполнено. Это время было также временемъ непрерывныхъ гоненій на христіанъ и евреевъ ³⁾. Ихъ преслѣдовали съ такимъ упорнымъ ожесточеніемъ, что они обратились за помощью къ королю Арагоніи. Походъ этого послѣдняго въ Андалузію былъ неудаченъ, и христіане

¹⁾ О Маликѣ и его школѣ мы говорили въ 1-й главѣ „Очерка“. Подробныя свѣдѣнія см. у Dugat, op. cit., стр. 262.

²⁾ Система Малика была официально признана въ Испаніи при Ал-Хакамѣ, третьемъ омейядскомъ халифѣ, и замѣнила собою систему Ауван-которая практиковалась съ эпохи вторженія арабовъ въ Испанію. Испанскіе ученые, во время своихъ путешествій по востоку, имѣли возможность слушать Малика въ Мединѣ. Маликійская доктрина проникла въ Испанію при Хишамѣ.

³⁾ Христіане сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ Гранадѣ.

потерпѣли жестокое возмездіе за свое дерзкое желаніе освободиться отъ ига притѣснителей.

Покореніе Испаніи пагубно подѣйствовало на алморавидовъ. Благочестивые берберы, привыкшіе къ своей пустынѣ, къ простому образу жизни, попавши въ богатую Испанію, мало-по-малу, совсѣмъ развратились, усвоивъ себѣ лишь самыя дурныя стороны цивилизаціи Андалузій. Они выжимали изъ Испаніи всѣ соки, какіе могли, уподобляясь мародерамъ въ лагерѣ побѣжденныхъ. Подкупъ цариль въ этой несчастной странѣ, во время господства алморавидовъ, до такой чудовищной степени, что мѣста и всякія льготы и преимущества открыто продавались рѣшительно всякому, безъ разбора, хотя бы то былъ завѣдомо разбойникъ съ большой дороги. Такой порядокъ вещей, разумѣется, не могъ долго продолжаться, и владычество алморавидовъ также пало, какъ и возникло: будучи вызвано къ жизни однимъ реформаторомъ, оно было разрушено другимъ.

Этотъ другой былъ Мухаммедъ-ибнъ-Тумертъ. Не отличаясь нравственными качествами, онъ обладалъ нѣкоторыми знаніями въ довольно значительной степени. Онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ воинственныхъ и смѣлыхъ ордъ берберовъ, — Масмуда, — той самой, которая оказала столь упорное сопротивленіе алморавидамъ, что Юсуфъ построилъ г. Марокко вблизи ея стоянокъ, надѣясь обезсилить ее непрерывными нападеніями.

Съ ранней молодости Мухаммедъ прилежно изучалъ Куранъ. Будучи юношей, онъ посѣтилъ Мекку. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Багдадъ, гдѣ изучалъ богословіе и философію ашаритовъ¹⁾. Уже тогда проявлялись въ немъ задатки религіознаго новатора, какимъ онъ и сдѣлался по возвращеніи въ Африку. Онъ съ жаромъ сталъ проповѣдывать реформу нравственнаго строя жизни, строго вооружаясь противъ малѣйшаго нарушенія закона, и пропагандировать философскую систему Ашари, считавшуюся до сего времени на западѣ ересью. За ересь же были сочтены и его аллегорическія, на манеръ ашаритовъ, толкованія Курана и Сунны, смущавшія своимъ антропоморфизмомъ. Система Мухаммеда не призна-

¹⁾ См. 1-ю главу „Очерка“.

вала также атрибутовъ божіихъ, въ чемъ она расходилась съ теоріей Ашари, приближаясь къ мутазилитству¹⁾).

Сначала Мухаммедъ повсюду встрѣтилъ сильную оппозицію своей проповѣди. Въ Бужіи, на примѣръ, гдѣ онъ разбилъ чаши для вина и музыкальные инструменты, онъ возбудилъ всеобщее негодованіе и былъ изгнанъ жителями. За то въ Тлемсенѣ его глубоко уважали за познанія и краснорѣчіе и считали чуть ли не святымъ.

Онъ жилъ при мечети за чертою города. Однажды, на склонѣ дня, ему дали знать, что одинъ изъ его друзей заключенъ въ темницу. Наступила ночь. Городскія ворота заперли. Вдругъ передъ ними появился Мухаммедъ и потребовалъ отъ сторожей, чтобы его впустили въ городъ. Это было бы совершенно невозможно для всякаго другаго, такъ какъ по ночамъ городскія ворота ни для кого не отворялись, но на этотъ разъ ворота раскрылись. Мухаммеду-ибнъ-Тумерту не осмѣлились преградить дорогу, — такимъ всеобщимъ уваженіемъ онъ пользовался. Онъ безпрепятственно вошелъ въ городъ и направился прямо къ темницѣ, куда проникъ вмѣстѣ съ тюремщикомъ, считавшимъ за счастье сопровождать „святаго“ и не помыслившимъ ему противорѣчить. Войдя туда, онъ облинулъ заключеннаго. „Я здѣсь“, отозвался тотъ. „Уходи отсюда, ты свободенъ!“ сказалъ ему Мухаммедъ и тотъ вышелъ безъ малѣйшаго протеста со стороны тюремщика, съ благоговѣніемъ взиравшаго на „праведника“.

Таково было вліяніе на народъ новаго религіознаго реформатора. Понятно, что, опираясь на толпу, онъ не страшился гнѣва владыкъ. Онъ безстрашно критиковалъ образъ дѣйствій эмира алморавидовъ, — Али, и даже публично, въ пятницу, сдѣлалъ ему въ одной изъ мароккскихъ мечетей строгое внушеніе за какое-то допущенное имъ нарушеніе закона. Въ другой разъ, встрѣтивъ сестру эмира на улицѣ безъ покрывала, — что строго запрещалось Кураномъ, но свободно практиковалось женщинами у алморавидовъ, какъ это дѣлается и понынѣ у берберовъ, — Мухаммедъ сталъ строго ей за это выговаривать и, больно ударивъ животное, на которомъ она ѣхала, сталъ гнать его домой; животное понесло и высокопо-

¹⁾ См. 1-ю главу.

ставленная наѣздница упала на землю. Вся въ слезахъ, отправилась она къ брату, прося защиты, но слабыхарактерный Али не посмѣлъ предпринять что либо противъ всеильнаго уваженіемъ къ нему народа проповѣдника, ограничившись лишь назначеніемъ публичнаго состязанія, на которомъ Мухаммедъ-ибнъ-Тумертъ долженъ былъ защищать свои положенія передъ дѣльми синклитомъ наиболѣе выдающихся богослововъ страны. Состязаніе окончилось полнымъ пораженіемъ этихъ послѣднихъ, смущенныхъ знаніями и блестящей діалектикой ихъ противника.

Въ 1121 году Мухаммедъ вернулся къ своему племени (Масмуда) и построилъ „рабита“; къ нему стали стекаться во множествѣ изъ окрестностей и число его учениковъ съ каждымъ днемъ все прибывало. Здѣсь начинается наиболѣе замѣчательный періодъ его жизни. Почувствовавъ силу, онъ сталъ постепенно приступать къ осуществленію коренившихся въ душѣ его честолюбивыхъ замысловъ, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, не обходится почти ни одна религіозная пропаганда. Онъ началъ очень осторожно, ограничившись ирповѣдью о необходимости очистить нравы и возстановить строгое исполненіе предписаній вѣры; при этомъ онъ не допускалъ насилуванія воли и запрещалъ проливать кровь. По мѣрѣ того, какъ крѣпло его вліяніе на толпу и прибывали послѣдователи, онъ становился смѣлѣе, предсказывая близкое появленіе махди¹⁾. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ кончилъ тѣмъ, что объявилъ себя самого ожидаемымъ махди, производя себя отъ Али, зятя пророка. Простодушный народъ повѣрилъ ему и поклялся въ вѣрности. Вліяніе его на толпу было громадно: безъ преувеличенія можно предположить, что достаточно было бы одного его слова, чтобы любой изъ его послѣдователей съ радостью совершилъ какое угодно преступленіе! Онъ предавался всевозможнымъ лишеніямъ, жилъ въ бѣдности, носилъ чуть не рубище и не прикасался къ женщинѣ. Было бы, однако, большою ошибкою принимать его за фанатика идеи. Это былъ, какъ мы уже сказали, честолюбивый хитрецъ, прикрывавшійся святостью для достиженія своихъ стремленій вполне мірскаго характера, — завоевательныхъ и династическихъ. Онъ во многомъ напоминалъ Абд-аллу-ибнъ-Маймуна, знаменитаго главу

¹⁾ О махди смотри II-ю главу „Очерка“.

измаилизма, создавшаго цѣлую строго развитую философско-мистическую систему, единственно съ цѣлью осуществить свои честолюбивые замыслы, увѣнчавшіеся современемъ успѣхомъ. Мухаммеду, однако, не дано было судьбой видѣть исполненіе своихъ стремленій, такъ какъ блестящія побѣды его послѣдователей, прозванныхъ алмогадами ¹⁾, уже не застали его въ живыхъ. Онъ умеръ въ 1128 году. Ему наслѣдовалъ его любимый ученикъ, — Абд-ал-Муминъ. Онъ съ такимъ успѣхомъ продолжалъ дѣло, начатое учителемъ, что въ короткое время завоевалъ обширныя владѣнія алморавидовъ.

Новые завоеватели были въ отношеніи евреевъ и христіанъ не лучше прежнихъ. Они, подобно алморавидамъ, преслѣдовали ихъ съ упорствомъ и ожесточеніемъ. Послѣ битвы при Марокко христіанамъ и евреямъ предложено было перейти въ исламъ или покинуть страну. Многіе избрали это послѣднее, но многіе также остались, принявъ исламъ лишь внѣшнимъ образомъ, втайнѣ же соблюдая вѣру предковъ.

Философская система алмогадовъ, основанная на принципахъ ученія Ашари съ примѣсью теоріи шизма и мутазилизма, была далеко не такъ суха и безжизненна, какъ холодное и строгое правовѣріе алморавидовъ. Она не была враждебна свободѣ мысли и не видѣла въ умственномъ развитіи источника ереси.

Такъ, Юсуфъ (1163 — 1184 г.), второй эмиръ алмогадовъ, былъ человекъ образованный и просвѣщенный. Съ жаромъ занимаясь философіей, онъ окружалъ себя учеными, назначая имъ значительное содержаніе. При его дворѣ жилъ и знаменитый Авероецъ (1120 — 1198 г.) ²⁾, написавшій, по просьбѣ эмира, свои комментаріи на Аристотеля. Преемникъ Юсуфа, —

¹⁾ Собственно алмувагидунъ, передѣланное кастильцами въ алмогады, т.-е. унитаристы, защитники единства божія, въ отличіе отъ алморавидовъ, признававшихъ атрибуты божіи и бывшихъ, въ глазахъ алмогадовъ, политеистами.

²⁾ Т.-е. Ибнъ-Рушдъ. Его философія имѣла вліяніе въ Европѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ. Онъ происходилъ изъ образованной и знатной фамиліи въ Андалузіи; изучилъ сперва мусульманское богословіе, затѣмъ — математику, философію и медицину. Авероецъ пользовался большимъ уваженіемъ мусульманскихъ ученыхъ своего времени, называвшихъ его „княземъ философіи“; по онъ не имѣлъ такой славы среди мусульманъ, какой достигъ въ христіанскомъ мірѣ. Причина этого заключается въ томъ, что хри-

Якубъ-ал-Мансуръ, сначала былъ покровителемъ мыслителей, но потомъ, подъ вліяніемъ правовѣрнаго духовенства, начавшаго пріобрѣтать силу, измѣнился и изъ сторонника философовъ сталъ ихъ гонителемъ. Авероецъ былъ сосланъ въ изгнаніе въ Ал-Несаба, близъ Кордовы, другіе ученые удалены отъ двора, занятія философскими науками воспрещены и многія книги религіозно-философскаго содержанія преданы сожженію. Нѣсколько времени спустя эмиръ одумался и снова призвалъ ученыхъ и философовъ къ своему двору, но, подъ давленіемъ духовенства, пріобрѣвшаго уже тогда значительное вліяніе, онъ снова и навсегда отъ нихъ отвернулся. Правовѣріе одержало окончательную побѣду!

Съ тѣхъ поръ свободѣ мысли на мусульманскомъ западѣ были подрѣзаны крылья, о философіи забыли и философскіе трактаты уничтожались съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи. Мусульманскій западъ снова сталъ такимъ же, какимъ былъ прежде: строго и узко правовѣрнымъ, и западные поклонники пророка повторяли съ гордостью: „въ нашей странѣ не выносятся ни малѣйшей ереси; у насъ нигдѣ не встрѣтишь ни церквей, ни синагогъ!..“¹⁾

стіанскіе ученые знали только нѣсколько именъ мусульманскихъ мыслителей, среди которыхъ Авероецъ занималъ выдающееся мѣсто, въ мухамеданскомъ же мірѣ онъ составляетъ лишь одно звѣно въ длинной цѣпи блестящихъ философовъ. Авероецъ написалъ множество сочиненій: о философіи (около 30), о богословіи (5 сочиненій), о юриспруденціи (9 сочиненій), объ астрономіи (3 соч.), о грамматикѣ (2 соч.) и о медицинѣ (17 соч.). До насъ дошло очень мало оригинальныхъ произведеній Аверсеца: мы знакомы съ ними лишь по латинскимъ переводамъ ихъ, сдѣланнымъ съ еврейскаго. Последнее изданіе этихъ переводовъ вышло въ Женевѣ, въ 1608 г. Въ философіи Авероецъ являлся горячимъ послѣдователемъ Аристотеля и врагомъ арабскихъ схоластиковъ и мистиковъ (Газали и друг.). По его опредѣленію, Богъ и вещество одинаково вѣчны: единство духа въ цѣломъ челоуѣчествѣ соединяется съ его безсмертіемъ, тогда какъ личности уничтожаются. Авероизмъ перешелъ сначала къ евреямъ, потомъ къ христіанамъ, и въ средніе вѣка, въ половинѣ XIII вѣка, игралъ важную роль въ схоластическихъ преніяхъ, какъ представитель невѣрія. Долѣе всего авероизмъ держался въ Падувѣ (почти до половины XVII вѣка). Размѣры статьи не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, сказать объ авероизмѣ подробнѣе (См. о немъ въ изслѣдованіи Ренана объ авероизмѣ).

¹⁾ Не совсѣмъ точно, такъ какъ небольшое число церквей осталось.

ГЛАВА VII.

Абд-ал-Ваггабъ и его ученіе.—Ваггабиты и ихъ крайности. — Успѣхи ваггабитовъ; Абд-ал-Азизъ.—Дѣйствія Порты противъ ваггабитовъ въ 1797 г.—Удачи ваггабитовъ въ 1801—1803 гг. — Саудъ (1803—1814).—Мехмедъ-Али и его дѣйствія противъ ваггабитовъ.—Ибрагимъ-паша и пораженіе ваггабитовъ (1818 г.).—Ваггабиты въ Индіи.—Общій взглядъ на ваггабитовъ.

Воспринятый многими полудикими, суевѣрными и низко стоящими въ умственномъ отношеніи народами, исламъ, постепенно видоизмѣняясь, раздѣлилъ участь, общую всѣмъ религіознымъ системамъ вообще: онъ извратился до неузнаваемости. На личность Мухаммеда перестали, мало-по-малу, смотрѣть, какъ на простаго смертнаго, какимъ онъ, безспорно, всегда самъ считалъ себя, о чемъ не разъ открыто заявлялъ въ Куранѣ. Мало-по-малу, сложилось нелѣпое ученіе, что, послѣ смерти пророка, душа его снова соединилась съ тѣломъ, и что онъ вознесся на небо, сидя на чудесномъ конѣ Борракѣ. Стали вѣрить, что онъ неукоснительно печется предъ Аллахомъ объ интересахъ своихъ прозелитовъ, рекомендуя ихъ его особому вниманію и покровительству. Его имя стали произносить съ необычайнымъ благоговѣніемъ и подобострастіемъ. Могилу его въ Мединѣ начали посѣщать съ не меньшею, если не съ большею, набожностью, чѣмъ Каабу въ Меккѣ. За Мухаммедомъ слѣдовала цѣлая категория святыхъ, болѣе или менѣе, чтимыхъ. Почти каждая мусульманская деревушка имѣла своего особаго святаго патрона, а каждый городъ имѣлъ ихъ по нѣсколькѣ! Въ честь этихъ патронъ приносились даже иногда жертвы со всѣми обрядами

прежняго язычества. Количество святыхъ возрастало не по днямъ, а по часамъ. Стоило умереть кому-нибудь, пользовавшемуся репутациею набожнаго, чтобы изъ него вскорѣ сдѣлали святаго.

Порицаемая Мухаммедомъ роскошь свободно процвѣтала среди его поклонниковъ. Категорически запрещенное исламомъ монашество усердно поддерживалось толками дервишей, о чемъ мы говорили въ V главѣ. Прежняя чистота нравовъ исчезла. Пьянство и развратъ царили среди мусульманскаго населенія. Принадлежность къ исламу стала ограничиваться лишь формальнымъ соблюденіемъ молитвъ, омовенія и постовъ; вся духовная сторона его вывѣтрилась. Исламъ пересталъ быть исламомъ Мухаммеда, какъ средневѣковой папизмъ утратилъ духъ евангельской истины. Католичество породило движеніе протестантовъ съ Лютеромъ во главѣ. Исламъ имѣлъ своего Лютера въ лицѣ Абд-ал-Ваггаба.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о немъ много свѣдѣній. Онъ родился въ Недждѣ, въ Аравіи, около 1720 года ¹⁾. Говорятъ, онъ провелъ нѣсколько учебныхъ лѣтъ въ Мединѣ, а потомъ побывалъ въ главнѣйшихъ школахъ востока. Убѣдившись, до какой степени современный ему исламъ непохожъ на ученіе, преподанное Мухаммедомъ, Абд-ал-Ваггабъ задался мыслью очистить мусульманство отъ порчи и сдѣлать его такимъ, какимъ оно должно бы было быть на самомъ дѣлѣ. Онъ съ жаромъ сталъ проповѣдывать реформу въ исламѣ, сначала въ Меккѣ и Мединѣ, но не имѣлъ успѣха. Тогда онъ возвратился къ себѣ на родину, въ Недждъ, гдѣ его ученіе встрѣтило большое сочувствіе. Мало-по-малу, онъ приобрѣлъ много приверженцевъ, такъ напр., одинъ изъ знатнѣйшихъ горожанъ Дерайи, — Мухаммедъ-ибнъ-Саудъ, вмѣстѣ со многими другими, сдѣлался его ревностнымъ послѣдователемъ; впоследствии онъ породнился съ Абд-ал-Ваггабомъ, сдѣлавшись его зятемъ. Задача Абд-ал-Ваггаба была въ высшей степени проста. Онъ хотѣлъ свести исламъ съ того неправильнаго пути, по которому онъ пошелъ, хотѣлъ очистить его отъ всего наноснаго, придать ему его первоначальную свѣжесть и привлекательную простоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распространялъ пра-

¹⁾ Какъ полагаютъ, въ м. Ал-Хаута.

вильныя религіозныя понятія среди бедуновъ, — мусульманъ лишь по имени, во многомъ оставшихся преданными своимъ прежнимъ языческимъ вѣрованіямъ. Онъ ратовалъ противъ культа обожанія личности пророка, культа, принявшаго чисто языческій оттѣнокъ, и противъ чрезмѣрнаго почитанія святыхъ. Его послѣдователи повсюду съ яростью нападали на часовни и мазары (мавзолеи), во множествѣ украшавшіе могилы многочисленныхъ мусульманскихъ святыхъ, и безжалостно ихъ разрушали. Можетъ быть, это и послужило главнымъ поводомъ къ тому, что современники ваггабитовъ считали ихъ за послѣдователей карматовъ, отличавшихся, какъ уже извѣстно, разрушительными набѣгами, грабежами и убійствами.

Послѣдователи Абд-ал-Ваггаба пошли, какъ это всегда случается, гораздо далѣе своего учителя. Не довольствуясь преслѣдованіемъ почитанія святыхъ, они нападали на куреніе табаку и на роскошь одежды, особенно допускаемую турками. Они приводили въ примѣръ самого пророка, всегда отличавшагося скромнымъ образомъ жизни и незатѣйливостью костюма. Ваггабиты одѣвались поэтому съ простотой, доходившей до крайности, такъ что по одеждѣ всегда можно было узнать приверженца Абд-ал-Ваггаба. Вооружаясь противъ табака ¹⁾, они вооружались также и противъ введенія въ организмъ всевозможныхъ наркотическихъ веществъ вообще, какъ напр., опиума, употребленіе котораго столь распространено на востокѣ. Также порицали ваггабиты употребленіе четокъ ²⁾ и амулетовъ. Желая поставить исламъ на должную высоту, они впадали нерѣдко въ излишній пуританизмъ ³⁾. Ратуя за возрожденіе ислама, Абд-ал-Ваггабъ врядъ ли задавался ка-

¹⁾ Куреніе табаку считается недовольственнымъ также многими мусульманскими богословами, основывающими это запрещеніе на религіозныхъ мотивахъ; въ Турціи можно встрѣтить многихъ, совсѣмъ некурящихъ. Маликиты смотрятъ на куреніе табаку, какъ на привычку, въ высшей степени предосудительную.

²⁾ Набожныя мусульмане часто употребляютъ четки (тесбихъ), перебирая которыя мысленно произносятъ 99 именъ божіихъ.

³⁾ Такъ, наприм., ими строго осуждался наивный обычай мусульманъ оставлять на бритой головѣ маковку, что дѣлалось собственно и въ виду распространеннаго у нихъ убѣжденія, что въ день страшнаго суда Мухаммедъ будетъ перепоситъ въ рай своихъ прозелитовъ, держа ихъ за маковку.

ними-либо честолюбивыми замыслами объ основаніи новой династіи въ Аравіи, но у потомковъ его уже начинается стремленіе къ господству надъ Недждомъ, что имъ и удалось вполнѣ. Въ началѣ текущаго столѣтія ваггабиты достигли апогея своего могущества. Ихъ ученіе процвѣтало ¹⁾, у нихъ была масса послѣдователей, они завладѣли Недждомъ и подчинили себѣ большую часть окрестныхъ бедуинскихъ ордъ. Ваггабиты не рѣшались еще, однако, идти войной на сосѣдніе съ ними Багдадъ и Гиджазъ. Ихъ возрастающее могущество и успѣхъ пропаганды возбудили къ нимъ ненависть въ меккскомъ шерифѣ. Почти всѣ гиджазскія племена находились подъ его властью и онъ не могъ равнодушно смотрѣть на усилія, которыя дѣлалъ Абд-ал-Азизъ ²⁾, чтобы привлечь

¹⁾ Основныя положенія ваггабизма слѣдующія: 1) Взгляды и положенія четырехъ правовѣрныхъ сектъ (Ханефиты, Шафеиты, Малъкиты, Гамбалиты) ни для кого не обязательны; всякій въ правѣ имѣть свои собственныя мнѣнія о религіозныхъ вопросахъ. 2) Не слѣдуетъ обращаться съ молитвой къ пророкамъ, вали, пирамъ (значеніе вали и пиръ объяснено раньше) и святымъ; единъ Богъ сердцеѣдецъ, къ Нему одному и слѣдуетъ прибѣгать съ мольбою. 3) При концѣ міра Мухаммедъ получитъ у Бога разрѣшеніе ходатайствовать предъ Нимъ о мусульманахъ (Сунниты учатъ, что разрѣшеніе это уже дано пророку). 4) Отнюдь не слѣдуетъ украшать могилы святыхъ, ни дѣлать предъ ними земныхъ поклоновъ, ни совершать вокругъ ихъ тавѣфа (хождение вокругъ, нѣчто въ родѣ православныхъ крестныхъ ходовъ); религіозныя церемоніи на могилахъ Мухаммеда въ Мединѣ также не должны быть совершаемы. 5) Женщинамъ не слѣдуетъ посѣщать могилы, такъ какъ онѣ неумѣренно выражаютъ горе (что не согласуется съ обязательнымъ для человѣка подчиненіемъ волѣ божіей). 6) Нужно соблюдать лишь слѣдующіе четыре праздника: эйд-ул-азгъ,—праздникъ жертвоприношенія, главнѣйшій мусульманскій постъ въ память жертвоприношенія Авраама; эйд-ул-фитръ—разговѣнье, вслѣдъ за постомъ мѣсяца Рамазана; ашура—постъ въ каждое десятое число мѣсяца Мухаррема, и лайлатъ-ул-мубарека—ночь въ мѣсяцѣ Шабанѣ, когда, по повѣрью мусульманъ, Аллахъ записываетъ все совершенное людьми въ продолженіе года. 7) Не слѣдуетъ праздновать маулудейя, т.-е. дня рожденія Мухаммеда. 8) Не слѣдуетъ давать никакихъ обѣтовъ на могилахъ святыхъ. 9) Перечисленіе именъ божіихъ надо дѣлать по пальцамъ, а не перебирая четки, и 10) Ваггабизмъ понимаетъ буквально вѣкоторыя выраженія Курана о Богѣ, какъ наприм., о сѣденіи Бога на небесахъ, о рукѣ божіей и т. п., утверждая въ то же время, что людямъ не объяснено, *какъ именно* Господь возсѣдаетъ на небесахъ и въ *какомъ смыслѣ* имѣетъ онъ руки.

²⁾ Сынъ Мухаммедъ-ибнъ-Сауда.

ихъ на свою сторону. Въ 1792—1793 г. онъ началъ военныя дѣйствія противъ ваггабитовъ, но безъ успѣха. Въ то же время онъ старался вооружить противъ нихъ Порту, выставляя ихъ упорными еретиками и людьми весьма опасными, въ виду приобрѣтаемаго ими значенія и могущества въ Аравіи. Паша Багдадскій, территорія котораго подвергалась набѣгамъ ваггабитовъ, пылалъ къ нимъ враждою не менѣе меккскаго шерифа. Порта рѣшила, наконецъ, дѣйствовать противъ нихъ, но, за финансовыми затрудненіями, могла привести свое намѣреніе въ исполненіе лишь въ 1797 г. Въ этомъ году турецко-арабская армія отправилась изъ Багдада въ Дерайю, но кампанія не удалась и было заключено перемиріе на шесть лѣтъ, которое, впрочемъ, было вскорѣ нарушено. Въ 1801 году ваггабиты завладѣли Имамъ-Хусейномъ, — однимъ изъ городовъ багдадскаго пашалыка, построеннымъ близъ главной святыни шитовъ, — могилы Хусейна, внука Мухаммеда. Пять тысячъ шитовъ пало на полѣ битвы, а часовня надъ могилой Хусейна была разрушена ваггабитами до основанія. Это возбудило негодованіе во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Шахъ персидскій гнѣвно упрекалъ багдадскаго пашу за допущеніе такого кощунства. Но вскорѣ произошло нѣчто еще болѣе ужасное для правовѣрныхъ: въ 1802 г. ваггабиты овладѣли Гиджазомъ и осадили Мекку. Меккскій шерифъ долго сопротивлялся, но подъ конецъ бѣжалъ въ Джидду. — 27 Апрѣля 1803 г., ваггабиты завладѣли священнымъ городомъ и воздержались на этотъ разъ отъ всякихъ кровопролитій и насилій изъ глубокаго уваженія къ святости мѣста. Однако, немедленно были разрушены мавзолеи на могилахъ святыхъ, а также золоченые куполы, поставленные на мѣстѣ рожденія Мухаммеда и въ честь его внуковъ Хасана и Хусейна, дяди Абу-Талиба и жены Хадиджи. Ими былъ также раздробленъ на части знаменитый, долгое время находившійся въ плѣну у карматовъ, „черный камень“, культъ почитанія котораго они считали языческимъ.

Такимъ образомъ обитатели Мекки и ея округа стали ваггабитами. Ихъ принудили не пропускать ни одной изъ пяти ежедневныхъ молитвъ (въ чемъ они весьма погрѣшали), снять шелковыя ткани и перестать курить. Въ ноябрѣ 1803 г.,

глава ваггабитовъ, — Абд ал-Азизъ, — былъ умерщвленъ во время молитвы однимъ персіяниномъ, мстившимъ за смерть троихъ сыновей своихъ, убитыхъ ваггабитами при взятіи Имамъ-Хусейна.

Ему наслѣдовалъ его сынъ Саудъ (1803—1814 гг.). При немъ ваггабиты овладѣли Мединой. Здѣсь, также какъ и всюду, гдѣ господствовало ихъ ученіе, они строго требовали чистоты жизни, простоты одежды и непремѣннаго исполненія дневныхъ молитвъ. Въ Джиддѣ, отличавшейся легкостью нравовъ, они попросту загоняли народъ въ извѣстные часы дня въ мечети на молитву, силою принуждая рабочій классъ кидать работу, а купцовъ запираеть лавки. Въ Мединѣ они очистили могилу пророка отъ всѣхъ драгоценностей, возложенныхъ на нее благочестивыми мусульманами, а религиозныя церемоніи, приходящія на ней, были строго запрещены, какъ языческіе обряды. Могущество ваггабитовъ постепенно росло. Имъ принадлежала почти вся Аравія. Они отваживались дѣлать, отъ времени до времени, набѣги на Сирію и грабить деревни почти у самыхъ воротъ Дамаска. Порта ничего, однако, не предпринимала противъ ваггабитовъ, — се пугала пустыня, отдѣляющая Дамаскъ отъ Гиджаза, и полная невозможность доставлять чрезъ нее продовольствіе арміи. Что-же касается Египта, то здѣсь Порта ввела себя иначе. Назначивъ, въ 1804 г., Мехмедъ-Али пашой египетскимъ, султанъ настоятельно потребовалъ отъ него, чтобы Мекка и Медина были отняты у ваггабитовъ. Паша поневолѣ долженъ былъ повиноваться, такъ какъ иначе онъ конечно, потерялъ бы свой пашалыкъ. Обстоятельства, однако, долго ему не благопріятствовали. Ему приходилось непрерывно бороться съ мамелюками; въ 1810 г. онъ заключилъ съ ними мирный договоръ. Затѣмъ онъ устроилъ имъ западню: несмотря на свободный пропускъ, который былъ имъ данъ, они были измѣннически перебиты въ каирской цитадели. Только послѣ этого, въ октябрѣ 1811 г., онъ двинулъ войска на Ямбо, — пѣхоту моремъ, а конницу сухимъ путемъ. Ямбо былъ взятъ, но попытка овладѣть Мединой не удалась. Медина была взята лишь въ 1812 г. Гарнизонъ, которому было позволено свободно удалиться изъ города, былъ коварно истребленъ съ чрезвычайною жестокостью.

Въ слѣдующемъ году и Мекка также была отнята у ваггабитовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, хотя турки завладѣли Гиджазомъ, владычество ваггабитовъ далеко не было подавлено. Возмущенные жестокостью и коварствомъ турокъ, они боролись съ ними съ величайшимъ одушевленіемъ и почти всегда на открытомъ полѣ оставались побѣдителями. Наконецъ, Ибрагимъ-пашѣ, которому отецъ его Мехмедъ-Али вручилъ главное начальство надъ войскомъ, удалось, въ 1818 г., отбросить ваггабитовъ въ Недждъ и осадить въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ, расположенномъ въ четырехъ дняхъ пути отъ Дерайи. Лагерь былъ взятъ отчаяннымъ приступомъ, а затѣмъ пала и Дерайя, которая была разграблена и разрушена до основанія. Глава секты, Абдалла, попался въ руки турокъ, былъ привезенъ въ Константинополь и обезглавленъ (19 декабря 1818 г.).—Сынъ его Туркй, потерявъ всякую надежду на возстановленіе прежняго могущества секты, бѣжалъ въ Ріазъ, гдѣ впоследствии былъ убитъ. Ему наслѣдовалъ Файзуль (1830 г.), утвердившій господство ваггабитовъ въ восточной Аравіи и сдѣлавшій Ріазъ столицей. Онъ былъ тотъ самый глава секты ваггабитовъ, который въ 1863 г. оказалъ самое радушное гостепріимство извѣстному путешественнику Палгреву ¹⁾, а въ 1865 г. принималъ сэра Левиса Пелли ²⁾, какъ представителя англійской королевы; годъ спустя онъ умеръ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Абдалла.

Хотя прежнее политическое и военное могущество ваггабитовъ безвозвратно исчезло и владѣнія ихъ ограничивались лишь скромными предѣлами Неджда, тѣмъ не менѣе, принципы ученія Абд-ал-Ваггаба ревностно поддерживались и распространялись весьма много мусульманскими богословами, свято оберегавшими ихъ отъ постороннихъ вліяній.

Въ 1822 году нѣкоему сейидъ-Ахмеду, нѣкогда занимавшемуся грабежомъ, при извѣстной долѣ дерзости, самоувѣренности и случайному преимуществу происходитъ изъ рода пророка, удалось съ успѣхомъ распространить ваггабизмъ на сѣверѣ Индіи. Индійскіе мусульмане признали его за истиннаго

¹⁾ Palgrave,—Central and eastern Arabia.

²⁾ Sir Lewis Pelly,—Political mission to Najd.

халифа и махди. Незамѣченный англичанами, онъ успѣшно перешелъ съ многочисленными послѣдователями границы ихъ владѣній въ Индіи и тысячами обращалъ въ свою вѣру. Назначивъ намѣстника въ Патнѣ, онъ прослѣдовалъ въ Дели (Delhi), гдѣ и основалъ свою резиденцію¹⁾. Желая объединить подъ своимъ знаменемъ мусульманъ центральной Азіи, онъ началъ возстаніе на границахъ Пешавера (1826 г.). Военныя дѣйствія, за симъ послѣдовавшія, продолжались четыре года, сначала съ переменнымъ счастьемъ, но подъ конецъ армія новаго халифа стала терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Окончательное истребленіе ея наступило по смерти ея вождя, убитаго Шеръ-Сингомъ, въ маѣ 1831 г., въ схваткѣ при Балакутѣ въ Газарахѣ (Hasarah). Остатки арміи укрѣпились въ Саттаанѣ, но въ 1863 г. англійскими войсками они были выбиты изъ позиціи и потерпѣли полное пораженіе. Часть же ихъ, около 3000 человекъ, поселилась въ Палози (Palosi), на берегахъ Инда²⁾.

Мы сравнили ваггабизмъ съ протестантствомъ. Дѣйствительно, ваггабиты своего рода протестанты востока. Однако, между христіанскимъ протестантствомъ и протестантствомъ ислама существуетъ та разница, что протестантство на западѣ признаетъ верховный авторитетъ лишь за однимъ Священнымъ Писаніемъ помимо Преданія, тогда какъ ваггабизмъ признаетъ верховный авторитетъ Курана и Преданія (Хадисъ) вмѣстѣ. Разница эта, однако, отнюдь не столь существенна, какъ кажется съ перваго взгляда. Мусульманское преданіе не имѣетъ никакой претензіи на боговдохновенность и служитъ лишь необходимымъ дополненіемъ для отчетливаго и правильнаго пониманія правилъ вѣры. Характерныя черты ваггабизма, — стремленіе поднять исламъ на первоначальную высоту, отдѣлить отъ него все то, что было постепенно ему навязано суннитами, жажда одухотворить ту окаменѣвшую развалину, въ которую исламъ со временемъ превратился, ихъ стараніе ввести простой образъ жтзпи и чистоту нравовъ, — роднятъ ихъ съ

¹⁾ Всѣ изрѣченія новаго халифа были собраны при его жизни и составили цѣлую книгу, — Сират-ул-мустахимъ.

²⁾ Th. Hughes, — op. cit., p. 661. См. также: Hunter, — Musalmans of India, и Brydges; — Brief history of the Wahabihs.

протестантами запада, боровшимися противъ деспотизма папъ, омрачившаго свѣтъ Христова ученія, противъ рутины католическихъ принциповъ, противъ роскоши и разврата средневѣковаго общества.

Однако, въ результатѣ ваггабизмъ не имѣлъ успѣха въ мусульманскомъ мірѣ. Въ концѣ XVIII столѣтія его могущество распространялось на всю сѣверную Аравію, а въ началѣ текущаго столѣтія, какъ извѣстно, ваггабиты завладѣли Меккой и Мединой. Ваггабизмъ дѣлалъ быстрые успѣхи. Въ Индіи, Египтѣ и сѣверной Африкѣ секта могла насчитывать своихъ прозелитовъ десятками тысячъ. Даже въ строго правовѣрной Турціи она имѣла многихъ тайныхъ сторонниковъ. Тѣмъ не менѣе, она не смогла воспользоваться своимъ могуществомъ и нынѣ обладаетъ лишь 2—3 тысячами человѣкъ послѣдователей, не болѣе, потерявъ навсегда свое прежнее громадное политическое значеніе. Главнѣйшія причины ея упадка это то, во-первыхъ, что проповѣдуемая ваггабизмомъ реформа ислама была слишкомъ способна возбуждать отпоръ: заставить весь мусульманскій міръ принять возрожденный Абд-ал-Ваггабомъ исламъ, въ его, такъ сказать, первоначальномъ видѣ, было невозможно, — приходилось постоянно воевать, и часто изъ-за пустяковъ, на которые творецъ ислама, отличавшійся удивительнымъ политическимъ тактомъ, навѣрно, не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія, умѣя дѣлать уступки требованіямъ минуты и обстоятельствамъ, чего никогда не умѣли и не хотѣли дѣлать вожди ваггабизма; во-вторыхъ, упорная борьба противъ почитанія святыхъ постоянно поддерживала раздраженіе мусульманъ противъ секты, имѣвшей много прекрасныхъ сторонъ. Производимыя же ваггабитами, съ ненужною пощшностью и злораднымъ ожесточеніемъ, разрушенія памятниковъ и куполовъ надъ могилами мусульманскихъ святыхъ всегда возбуждали чрезвычайное негодованіе противъ нихъ среди всего мусульманскаго міра, отвративъ отъ нихъ со временемъ всѣхъ, кто сначала имъ сочувствовалъ, и доставивъ имъ названіе еретиковъ, какими они и по сіе время именуются на востокѣ. Теперь ваггабизмъ въ полномъ упадкѣ, хотя сѣмена, брошенныя Абд-ал-Ваггабомъ, не окончательно заглохли: духъ его ученія живетъ и понынѣ. Протестантство

Лютера произвело реформу въ католической церкви. Протестанты востока не имѣли успѣха своихъ западныхъ собратьевъ: они хотѣли произвести реформу въ исламѣ, но потерпѣли не удачу. Они оставили, тѣмъ не менѣе, въ сердцахъ многихъ мусульманъ желаніе реформы, стремленіе къ ней,—и въ этомъ одномъ уже не малая доля заслуги ваггабизма предъ мусульманскимъ міромъ. Послѣдователи секты встрѣчаются нынѣ лишь въ Индіи и, какъ полагаетъ В. Блунтъ ¹⁾,—кое-гдѣ на югѣ Азіи. На своей же родинѣ, въ Аравіи, ваггабизмъ навсегда утратилъ прежнее значеніе. Династія Ибнъ-Сауда не долго продержала власть въ Недждѣ въ своихъ рукахъ, которая перешла затѣмъ къ Ибнъ-Рамиду ²⁾, совсѣмъ необладающему всегда отлагавшей ваггабитовъ фанатическою преданностью своему ученію. Онъ скорѣе національный и политическій вождь, чѣмъ глава секты. Хотя въ Константинополѣ на него, какъ и на всякаго ваггабита, до сихъ поръ смотрятъ, по традиціи, какъ на еретика, онъ считается въ то же время суннитами либеральнѣе за ихъ вѣрнаго и предавнаго союзника, каковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ ³⁾.

¹⁾ W. Blunt,—Future of Islam,

²⁾ Ibid.

³⁾ О ваггабизмѣ см. еще Burkhardt,—Bedouins and Wahhabys, и Lady Blunt,—Pilgrimage to Najd.

ГЛАВА VIII.

Движеніе бабидовъ въ Персіи (1844—1852).— Мирза-Али-Муххамедъ-Баба.— Его главнѣйшіе прозелиты.— Военныя дѣйствія бабидовъ въ Мазандаранѣ и ихъ успѣхи.— Смерть муллы-Хусейна.— Сулейманъ-Ханъ и неудачи бабидовъ.— Казнь Баба въ Тебризѣ (въ іюль 1849 г.).— Возстаніе бабидовъ въ Зенджанѣ.— Покушеніе бабидовъ на жизнь шаха въ 1853 г. — Личность Баба и его ученіе.— Доктрины бабизма.

Персія, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, всегда была весьма благодарной почвою для возникновенія и развитія всевозможныхъ сектъ и толковъ; на этой почвѣ, удобренной нѣкогда процвѣтавшимъ въ царствѣ Сассанидовъ ученіемъ маговъ¹⁾, они быстро развивались и укрѣплялись; много способствовали этому и свойства природы иранцевъ: присущая имъ пылкость и оригинальность ума, незнакомая прочимъ сыпамъ востока, широта взгляда на окружающее и любовь къ мистически-философскимъ изысканіямъ.

Такою была Персія со времени покоренія ея мусульманами, такою осталась она и понынѣ. Сравнительно недавнее (1844—1852 г.) религіозное движеніе бабидовъ въ Персіи, примѣшавшее къ себѣ соціально-политическій характеръ и разыгравшееся въ потрясающую кровавую драму, еще разъ подтверждаетъ вышесказанное.

Бабизмъ, явившійся подъ вліяніемъ суфизма вообще и мистическаго ученія шейхидовъ въ частности²⁾, былъ одною изъ

¹⁾ См. III главу.

²⁾ Секта шейхидовъ, придерживаясь общихъ мистическихъ взглядовъ

многочисленныхъ и, какъ и слѣдовало ожидать, неудачныхъ попытокъ религіозно-соціальной реформы въ исламѣ, — реформы, пасущая потребность въ которой давно уже ощущается самими мусульманами, но которая никогда не осуществлялась и никогда не осуществится, такъ какъ тогда исламъ навсегда пересталъ бы быть исламомъ...

Основатель знаменитой секты бабидовъ, тайные приверженцы которой и по сіе время многочисленны въ Персіи, мирза-Али-Мухаммедъ-Бабъ, т.-е., дверь (истины, на мистическомъ языкѣ суфіевъ), тихій, вѣчно углубленный въ себя юный аскетъ, преданный мистицизму, ничѣмъ не отличался отъ множества другихъ такихъ же суфіевъ, заслужившихъ себѣ уваженіе набожностью и созерцательною жизнью.

Али-Мухаммедъ родился въ Ширазѣ, въ началѣ этого столѣтія ¹⁾ и былъ сыномъ бѣднаго торговца бумажною тканью. Родителями онъ предназначался къ торговлѣ, но самъ чувствовалъ съ юности склонность къ уединенію, размышленію и аскетическимъ подвигамъ. На 23-го году жизни ²⁾ онъ появился въ Кербелѣ и сдѣлался ревностнымъ ученикомъ популярнѣйшаго проповѣдника тариката въ Персіи, — Хаджи-сейидъ-Казема, ставшаго главою (муршидомъ) шейхидовъ послѣ смерти основателя секты — шейха-Ахмеда. Здѣсь строгостью жизни, молчаливостью, двусмысленными отвѣтами и загадочными фразами, свойственными мистикамъ-суфіямъ, онъ началъ обращать на себя вниманіе и приобрѣтать извѣстность.

суфіевъ, имѣеть свою особую теорію объ имамѣ махди (см. II гл. „Очерка“). По ученію секты, имамъ махди, будучи невидимъ, никогда не покидалъ земли. Онъ живетъ тысячелѣтія, незнаемый міромъ и не сознавая самъ своего бытія. Душа его находится въ комъ-либо изъ людей, который самъ, въ свою очередь, не знаетъ, что его тѣло есть мѣстонахожденіе души махди. Когда этотъ избранный умираетъ, душа махди переходитъ въ тѣло какого-либо другого смертнаго и т. д. вплоть до суднаго дня. Пребывая невидимымъ, онъ непрестанно заботится о сохраненіи міра. Выродившись въ бабизмъ, секта шейхидовъ мало по-малу распалась и уже не соединялась болѣе. Хотя и по сіе время существуютъ сторонники этой доктрины, но они встрѣчаются рѣдко и не имѣютъ большаго значенія.

¹⁾ Годъ рожденія Баба точно неопредѣленъ. Есть извѣстіе, восточнаго происхожденія, что въ 1848 году Бабу было около 35 лѣтъ, слѣдовательно, — онъ родился не ранѣе 1812 года.

²⁾ Въ 1835 году.

На 28 году онъ вернулся на родину и началъ проповѣдывать о необходимости соблюдать волю Аллаха, которую люди забываютъ, увлекаемые страстями.

Нелицемерная строгость жизни и убѣжденность проповѣди молодого аскета сильно дѣйствовали на толпу и сдѣлали мало-по-малу изъ юнаго суфїя полу-пророка, полу-святого, за которымъ ходила толпа и съ жадностью ловила каждое его слово.

Послѣ смерти Хаджи-сейндъ-Ахмеда шейхиды избрали своимъ главою мирзу-Али-Мухаммеда, начавшаго съ этого времени называть себя бабомъ, т.-е., дверью истины ¹⁾, говоря, что онъ посланъ, Аллахомъ, чтобы чрезъ него ищущіе истины находили доступъ къ ней. Съ этого же времени ученики его стали именоваться бабї, т.-е., приверженцы Баба. Отсюда названіе секты, — бабиды ²⁾.

Все это, въ сущности, не новость въ исторіи суфизма и сектанства вообще. Исторія мусульманскихъ сектъ представляетъ намъ не мало фанатиковъ, претендовавшихъ на обладаніе истиной и выдававшихъ себя за пророковъ, святыхъ, за ожидаемаго шїитами махди и даже за само божество.

Ученіе Баба, — суфизмъ, — не новое по существу, конечно, не могло бы ни подучить широкаго распространенія, ни имѣть столькихъ послѣдователей, ни дойти до такихъ результатовъ, какъ вооруженныя возстанія бабидовъ, которыя персидскому правительству пришлось усмирять съ оружіемъ въ рукахъ, — если бы въ Персіи не чувствовалось потребности въ религіозно-соціальной реформѣ, сторонники которой воспользовались именемъ Баба, для распространенія своихъ либеральныхъ соціально-религіозныхъ идей.

Около Баба, мало-по-малу, стали группироваться ученики

¹⁾ Это названіе не ново. Мухаммедъ говорилъ: „я городъ знаній; Али — дверь (или врата) его“. Поэтому Али назывался шїитами дверью истины, хотя такія названія не всегда, и даже очень рѣдко, давались ему въ разговорѣ.

²⁾ См. о бабизмѣ „Бабї и бабиды“ Мирзы-Каземъ-Бека, Спб. 1865. — C-te de Gobineau, — „Religions et philosophies de l'Asie Centrale“, его же „Trois ans en Asie“ и С. Huart — La religion de Bab. réformateur persan du XIX siècle. Paris. 1889.

и послѣдователи. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательные, игравшіе важную роль въ религіозномъ движеніи бабидовъ, были: мулла-Хусейнъ-Бушруи, мулла-Юсуфъ-Ардебили, Хаджи-Мухаммедъ. Ага-Мухаммедъ-Али и два брата изъ Езда, сейидъ Хасанъ и сейидъ-Хусейнъ. Они имѣли, въ свою очередь, своихъ приверженцевъ, и возникающая секта такимъ образомъ быстро разширялась. Ея адепты расходились по разнымъ угламъ Персіи, проповѣдуя отъ имени Баба то, что давно назрѣло въ сознаніи народа и стремилось вырваться наружу. Такимъ образомъ тайное общество бабидовъ въ скоромъ времени разрослось до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и о немъ стали говорить повсюду.

Въ 1844 году Бабъ былъ арестованъ въ Ширазѣ, какъ главный двигатель тайной секты, успѣхами которой уже начали устрашать шахское правительство. Вскорѣ, однако, ему удалось бѣжать изъ заточенія въ Испагань, гдѣ; по приказанію губернатора, его не разъ испытывали въ правилахъ вѣры, но не нашли ничего еретическаго въ его ученіи; однако, его лишили свободы и держали въ почетномъ заточеніи (въ одномъ изъ дворцовъ).

Такъ продолжалось до 1847 г., года смерти испаганскаго губернатора, Манучехръ-Хана, послѣ чего послѣдовало распоряженіе тайно перевести Баба изъ Испагани въ Тегеранъ. Но сдѣлать это тайно оказалось невозможнымъ. Слухъ объ этомъ распространился въ народѣ и вызвалъ сильное возбужденіе умовъ. Шахское правительство очень этимъ встревожилось. Держать такого узника въ столицѣ оказывалось не совсѣмъ, удобнымъ и вотъ послѣдовало новое распоряженіе: конвою, сопровождавшему Баба изъ Испагани въ Тегеранъ, приказано было немедленно свернуть съ пути и отправиться съ арестантомъ въ Маку, — городокъ на границѣ Азербиджана.

Вскорѣ, однако, мы видимъ Баба въ Тебризѣ, гдѣ ему готовилось увѣщаніе среди ученыхъ и духовенства. Что происходило на этомъ засѣданіи, — точно неизвѣстно.

Одни утверждаютъ, что Бабъ держалъ себя дерзко и будто сказалъ: „я тотъ самый, котораго вы ожидаете тысячи лѣтъ“ (т.-е., ожидаемый шіитами имамъ-махди), и восхва-

лялъ составленный имъ Куранъ. Другіе же, что онъ держалъ себя скромно и отвѣчалъ уклончиво, придавая своимъ словамъ, какъ истый суфій, мистическое значеніе. Второе вѣроятіе, такъ какъ, иначе правительство не удовольствовало бы только ссылкой ¹⁾, чѣмъ именно и окончилось оубѣщаніе.

Пока вышеописанное происходило съ Бабомъ, пока его перевозили изъ Шираза въ Испаганъ, отсюда въ Тебризъ и, наконецъ, въ Маку, его сторонники не сидѣли сложа руки. Его муриды (ученики) постоянно тайно умножались. Въ Хорасанѣ и Мазандаранѣ успѣшно дѣйствовали въ пользу Баба упомянутые нами выше Хусейнъ-Бушруи и Хаджи-Мухаммедъ, въ Иракѣ—Мулла-Хусейнъ, въ Тебризѣ и его окрестностяхъ успѣшно проповѣдывали бабизмъ мулла-Юсуфъ и Ага-Мухаммедъ-Али.

Особенно серьезныя размѣры приняло движеніе бабидовъ въ Мазандаранѣ. Пользуясь продолжительной безурядицей, наступившей въ Персіи послѣ смерти Мухаммедъ-шаха, въ сентябрѣ 1848 г., до избранія новаго, теперешняго владыки Персіи, Насыр-уд-динъ-Шаха, бабиды, подъ начальствомъ муллы Хусейна, успѣли укрѣпиться лагеремъ близъ г. Сари, около могилы шейха-Теберси. Лагерь бабидовъ въ послѣдствіи усилился бабидами, пришедшими изъ Ирака и Азербиджана съ муллою-Юсуфомъ во главѣ. Бабиды устроили вокругъ могилы шейха цѣлую крѣпость. Крѣпость эта, съ двумя воротами, съ юго-вост. и зап. стороны, состояла изъ землянаго вала съ 12 башнями, высотой отъ $3\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{4}$ саж. Каждая изъ нихъ отстояла отъ другой на разстояніи 100—120 саж. Башни эти, съ бойницами, были укрѣплены земляною насыпью, утвержденною сваями и заваленною лѣсомъ. Вся же крѣпость снаружи была подкрѣплена землянымъ валомъ и оканчивалась наполненнымъ водою изъ ближайшихъ рѣчекъ глубокимъ рвомъ, окружавшимъ все укрѣпленіе. Жители ближайшихъ деревень были въ полномъ повиновеніи у бабидовъ и, частью изъ сочувствія, частью изъ страха, содѣйствовали имъ въ постройкѣ укрѣпленій и доставляли имъ съѣстные припасы. По персидскимъ источникамъ ²⁾, въ крѣпости бабидовъ было, будто бы,

¹⁾ Мирза-Каземъ-Бекъ предполагаетъ, что Бабъ былъ посланъ въ Маку.

²⁾ Историкъ Супехръ.

около двухъ тысячъ человекъ, хорошо вооруженныхъ и съ достаточными запасами.

Первымъ дѣломъ новаго правительства было заключеніе Баба въ крѣпость Чегрикъ ¹⁾ и попытки подавить возстаніе бабидовъ въ Мазандаранѣ. Попытки эти, однако, долго не были удачны, и увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, только благодаря хитрости главнокомандующаго шахскихъ войскъ.

Махди-Кули-Мирза ²⁾, по повелѣнію шаха, выступилъ, въ декабрѣ 1848 года, съ многочисленнымъ войскомъ въ Мазандаранъ и, обложивъ лагерь мятежниковъ и отдавъ приказаніе не допускать сообщенія осажденныхъ съ окрестными деревнями, ждалъ со дня на день, что голодъ принудитъ враговъ сдаться и просить пощады. Но его ожиданія не сбылись. Осажденные по ночамъ имѣли постоянныя тайныя сношенія съ сосѣдними селами и доставали себѣ продовольствіе.

Не думая сдаваться, они, отъ времени до времени, дѣлали по ночамъ вылазки и врасплохъ нападали на шахскія войска, обращая ихъ въ бѣгство. Въ одну изъ такихъ вылазокъ былъ убитъ храбрый мулла-Хусейнъ. Эти постоянныя неудачи шахскихъ войскъ возбуждали въ народѣ неудовольствіе, рождая опасное раздраженіе противъ правительства и завоевывая симпатіи общества въ пользу бабидовъ, которые насчитывали уже теперь своихъ приверженцевъ тысячами во всѣхъ концахъ Персіи. Тегеранскій дворъ былъ весьма встревоженъ мазандаранскимъ возстаніемъ и направилъ все вниманіе на усмиреніе этого опаснаго мятежа. Махди-Кули-Мирза остался, по прежнему, главнокомандующимъ, но ближайшія военныя дѣйствія противъ бабидовъ были поручены новымъ шахомъ Сулейманъ-Хану-Афшару, одному изъ наиболѣе извѣстныхъ въ современной исторіи Персіи генераловъ.

Съ этого времени начались неудачи бабидовъ. По его распоряженію, приступлено было къ правильной осадѣ укрѣпленій бабидовъ при Шейхъ-Теберзи, противъ которой осажден-

¹⁾ Во владѣніяхъ Яхья-Хана-Илхани, родственника Мухаммедъ-Шаха (Мирза Каземъ-Бекъ, *op. cit.* стр. 70).

²⁾ Принцъ Махди-Кули былъ сынъ покойнаго Аббасъ-Мирзы, стало быть, братъ (отъ разныхъ матерей) Мухаммедъ-Шаха, отца нынѣ царствующаго Насыръ-уд-динъ-Шаха (Мирза-Каземъ-Бекъ, *op. cit.* стр. 90. прим. 1).

нымъ нельзя было бороться, особенно при множествѣ шахскихъ войскъ, оцѣпившихъ крѣпость. Мучимые голодомъ и истомленные продолжительной осадой (съ осени 1848 до авг. 1849 г.), бабиды вошли въ переговоры съ Сулейманъ-Ханомъ, обѣщавшимъ имъ жизнь, если они добровольно сдадутся.

Хаджи-Мухаммедъ-Али, ставшій во главѣ мазандаранскихъ бабидовъ послѣ смерти муллы-Хусейна, выѣхалъ изъ лагеря со всѣми своими военачальниками и остальными бабидами, въ числѣ 214 чел. ¹⁾ и былъ почетно встрѣченъ принцемъ-главнокомандующимъ. Вдругъ, по данному знаку, на Хаджи-Мухаммеда и его спутниковъ коварно напали и почти всѣхъ ихъ или перерѣзали, или же предали страшнымъ мученіямъ ²⁾, кромѣ его самого и нѣкоторыхъ изъ бабидскихъ военачальниковъ, въ числѣ, кажется, шести человѣкъ, оставленныхъ для публичной казни, которая и была вскорѣ надъ ними совершена въ Барфурушѣ.

Такъ окончилось возстаніе бабидовъ въ Мазандаранѣ. Почти одновременно съ окончаніемъ мазандаранскаго дѣла былъ казненъ Баба.

Волненія, производимыя бабидами въ Испагани и Тебризѣ, возстаніе въ Мазандаранѣ и бунтъ въ Хорасанѣ, начавшійся почти одновременно съ мазандаранскимъ возстаніемъ, стоившій правительству большихъ издержекъ и многихъ хлопотъ и даже грозившій опасностью юному шаху,—все это рѣшило участь Баба.

Было сдѣлано распоряженіе привести его въ Тебризъ на казнь. вмѣстѣ съ Бабомъ захвачены были и заключены вмѣстѣ съ нимъ въ тебризскую темницу и два брата, выше нами упомянутые сейидъ-Хасанъ и сейидъ-Хусейнъ, неотлучно сопутствовавшіе своему учителю, со времени бѣгства его въ Испгань. Тутъ же въ темницѣ содержались заключенные за нѣсколько дней предъ тѣмъ Ага-Мухаммедъ-Али и сейндъ-Ахмедъ. Первый изъ нихъ дѣйствовалъ во имя Баба въ Тебризѣ и былъ весьма опаснымъ для духовенства края

¹⁾ Мирза-Каземъ-Бекъ, *op. cit.*, стр. 96.

²⁾ По словамъ Супехра, имъ всѣмъ перепороли животы и спаслись весьма немногіе. По другимъ свѣдѣніямъ,—ихъ, въ числѣ 300, облили нефтью и сожгли живьемъ.

Изъ темницы на казнь были выведены всѣ пятеро, но къ мѣсту казни пришли только двое. Сейидъ-Ахмедъ и два брата Хасанъ и Хусейнъ, видя смерть предъ глазами, отреклись отъ Баба, всенародно назвали его еретикомъ и даже стали плевать ему въ лицо. Одинъ Ага-Мухаммедъ-Али остался вѣренъ учителю. Его твердость духа и неустрашимость были такъ велики, что расположили въ его пользу присутствовавшихъ и вселили чувство презрѣнія къ поступку измѣнниковъ даже во врагахъ Баба, желавшихъ его смерти.

Въ то время, когда сейидъ-Ахмедъ поносилъ своего учителя, Ага-Мухаммедъ-Али, по общему отзыву всѣхъ очевидцевъ, подходилъ къ Бабу, почтительно цѣловалъ у него руку и торжественно восклицалъ: „вотъ врата истины! вотъ имамъ ислама!“

Мѣсто казни назначено было на дворѣ сарбазскихъ казармъ. Всѣ крыши сосѣднихъ домовъ и прилегающія къ казармамъ улицы были переполнены народомъ. Въ Персіи преступниковъ, присужденныхъ къ разстрѣлянію, привязываютъ обыкновенно къ столбу лицомъ къ стѣнѣ, спиной къ публикѣ, чтобы они не видѣли страшныхъ приготовленій. Ага-Мухаммедъ-Али просилъ привязать себя лицомъ къ цароду и равнодушно, громко читалъ молитвы, составленныя Бабомъ. Бабъ, по обыкновенію, былъ молчаливъ и самоуглубленъ. Выразительныя черты его лица, благородная осанка, мягкія манеры, блѣдное лицо съ шелковистой черной бородою и тонкими усами, красивыя, нѣжныя руки и кроткіе глаза—все возбуждало къ нему сочувствіе и сожалѣніе. Слѣдуетъ сказать, что большая часть толпившагося тутъ народа состояла изъ раздраженныхъ ненавистниковъ Баба и бабидовъ. Правительство предъ казнью Баба упорно распространяло въ народѣ слухи, весьма, какъ въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, преувеличенные, о кровопролитіяхъ, происходившихъ и происходящихъ во всѣхъ концахъ Персіи по милости бабидовъ, въ яркихъ краскахъ рисуя предъ народомъ упорство и дерзость мазандаранскихъ мятежниковъ и бунтовщиковъ въ Хорасанѣ, и тѣмъ сильно возбуждало толпу противъ бабидовъ. Такимъ образомъ, народъ смотрѣлъ на Баба и его ученика, какъ на людей, вполне заслуживающихъ казни. Однако же, недостойное по-

ведение двухъ братьевъ измѣнниковъ, самоотверженіе Аги-Мухаммедъ-Али и благородная, полная достоинства, осанка Баба приобрѣли ему среди враговъ не мало сторонниковъ, готовыхъ тутъ же выразить ему свое сочувствіе. Обстоятельства и время были, однако, не таковы, чтобы открыто высказывать симпатіи къ человѣку, на котораго духовенство и правительство смотрѣли, какъ на опаснѣйшаго ерссіарха и демагога. Вотъ почему казнь совершилась безъ всякихъ парупеній порядка и тишины, хотя и не безъ нѣкоторыхъ, взволновавшихъ толпу, событій.

Первые выстрѣлы попали въ веревки, которыми Бабъ былъ связанъ, и такимъ образомъ онъ вдругъ очутился на свободѣ. Шумъ и говоръ раздался въ толпѣ. Говорятъ, будто Бабъ побѣждалъ къ народу, выдавая случившееся съ нимъ за чудо. Можетъ быть, онъ успѣлъ бы въ этомъ, если бы стрѣлки были изъ мусульманъ, но они были изъ христіанскаго полка, нынѣ уже несуществующаго ¹⁾. Будь малѣйшее колебаніе со стороны сарбазовъ, то, несомнѣнно, произошли бы безпорядки въ пользу преступниковъ, но этого не было.

Баба снова привязали къ столбу. Первымъ разстрѣляли Агу-Мухаммедъ-Али, а затѣмъ и Баба. Такъ, 19 іюля 1849 года, окончилъ жизнь Бабъ на 37 или 38 году жизни.

Смерть Баба не имѣла никакого вліянія на движеніе бабидовъ, охватившее всю страну и повсюду разыгравшееся въ вооруженныя возстанія, которыя правительству приходилось тушить съ величайшимъ трудомъ, благодаря удивительной стойкости и энергіи мятежниковъ и почти повсемѣстному сочувствію къ нимъ толпы.

Въ 1849 г. вспыхнуло возстаніе бабидовъ въ Зенджанѣ ²⁾, окончившееся раззореніемъ этого города и истребленіемъ ба-

¹⁾ Существовавшій прежде въ Персіи отдѣльный христіанскій полкъ, весьма усиленный Мирзой-Тахъи-Ханомъ, въ бытность его первымъ министромъ при теперешнемъ шахѣ, предназначался на случай, когда военная дисциплина могла быть парупена разными неожиданными выходками, происходившими отъ пристрастій и предразсудковъ солдатъ-мусульманъ, что нерѣдко и случалось.

²⁾ Городъ въ Иракъ-Аджамѣ, въ 50 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Султаніа.

бидовъ, а въ мартѣ 1850 года было, не безъ труда, подавлено возстаніе бабидовъ въ Нейризѣ ¹⁾.

Въ самой столицѣ Персіи было также не малое количество тайно скрывавшихся бабидовъ. Они составляли правильно организованное тайное общество и ждали лишь случая произвести волненіе въ шахской столицѣ.

Въ августѣ 1852 года нѣсколькими бабидами было сдѣлано нападеніе на шаха, ѣхавшаго на охоту. Послѣдовало три выстрѣла одинъ за другимъ, и однимъ изъ нихъ шахъ былъ легко раненъ. Одинъ изъ стрѣлявшихъ былъ убитъ на мѣстѣ, двое схвачены съ пистолетами и кинжалами въ рукахъ. Наряженное надъ преступниками слѣдствіе обнаружило присутствіе въ столицѣ многихъ бабидовъ, жившихъ въ подземельяхъ, гдѣ ими устраивались тайныя сходки. Несчастныхъ долго мучили, пытая о соучастникахъ, и затѣмъ казнили, а также и всѣхъ прочихъ найденныхъ въ Тегеранѣ бабидовъ предали мучительной смерти, совершивши предварительно надъ ними всевозможныя изувѣрства.

Что же это было за ученіе, подъ названіемъ бабизма, въ чемъ заключалось религіозно-философское воззрѣніе бабидовъ и отъ чего движеніе ихъ приняло такіе обширные размѣры и могло быть подавлено лишь потоками крови и цѣною тысячъ человѣческихъ жизней? Что была за личность Бабъ и въ чемъ, въ сущности, заключалось его ученіе,—эти вопросы и донынѣ остаются и навсегда, вѣроятно, останутся нерѣшенными. Мы слишкомъ мало знаемъ о Бабѣ чего-нибудь положительнаго. Будучи мистикомъ и преданный ученію тариата ²⁾, Бабъ въ своихъ темныхъ и двусмысленныхъ рѣчахъ, свойственныхъ всѣмъ мистикамъ вообще, говорилъ, надо полагать, тоже, что и всѣ суфіи: онъ проповѣдывалъ самоусовершенствованіе чрезъ самоуглубленіе и самопознаніе, восхвалялъ преимущество созерцательной, духовной жизни надъ грубо-реальными запросами плоти, проповѣдывалъ покаяніе и смиреніе и возвѣщалъ скорое пришествіе ожидаемаго шінтами имама махди. При этомъ, будучи сыномъ своего времени,

¹⁾ Нейризъ, или Бахтеганъ,—большое селеніе, лежащее при соленомъ озерѣ того же названія, на сѣверо-востокѣ отъ Фессы.

²⁾ См. V главу.

онъ, вѣроятно, высказывалъ подчасъ и то, что давно многими чувствовалось и думалось въ Персіи, — а именно, говорилъ о необходимости реформы въ исламѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и въ управленіи краемъ, касаясь вопроса и объ улучшеніи судьбы женщины на востокѣ.

Выдавалъ ли себя Бабъ за „дверь истины“, придавалъ ли себѣ самъ тотъ священный характеръ, который придавали ему его ученики? На этотъ вопросъ такъ же трудно отвѣчать, какъ и на предыдущіе. Скорѣе можно предполагать, что нѣтъ, и что репутація Баба была дѣломъ его послѣдователей.

Могло быть и то, что Бабъ употреблялъ выраженіе „дверь истины“ въ иносказательномъ, мистическомъ смыслѣ, какъ это принято у суфіевъ, и при томъ среди учениковъ. Суфизмъ допускаетъ сплошь и рядомъ въ обращеніяхъ ученика къ учителю такія выраженія, какъ „дверь истины“, „источникъ божественныхъ тайнъ“ и т. п.

Личность Баба донинѣ, повторяемъ, осталась загадкой, какой она была и при его жизни, такъ какъ онъ почти вовсе не игралъ активной роли, постоянно оставаясь какимъ-то мѣомъ, во имя котораго дѣйствовали его окружавшіе. Бабизмъ никогда не былъ твореніемъ самого Баба и былъ всецѣло дѣломъ его учениковъ, удачно воспользовавшихся его именемъ, тѣмъ обаяніемъ, которое онъ сталъ пріобрѣтать въ толпѣ, какъ строгой жизни, загадочно говорящей аскетъ, истязующій плоть и живущій въ Богѣ, чтобы проповѣдывать отъ лица его все то, что, какъ мы уже говорили, давно назрѣло въ сознаниіи народа въ Персіи и жаждало случая вырваться наружу. Если бы Бабъ не появился, его бы выдумало, его бы создало то начинавшееся въ первой половинѣ этого столѣтія умственное движеніе въ Персіи, которое продолжается и по сіе время и заключается въ стремленіи къ религіозной и соціальной реформѣ.

Въ послѣднее время въ Персіи, какъ въ передовой, въ умственномъ отношеніи, странѣ востока, ясно чувствуется стремленіе къ внутреннимъ преобразованіямъ, попытки осуществить которыя были пока, къ сожалѣнію, неудачны.

Но попытки подобнаго рода и не могли быть иными. Ре-

лигіозно-соціальные перевороты народовъ совершаются не сразу и ихъ героямъ часто приходится страданіями и кровью запечатлѣвать то, чему они учили и во что сами беззавѣтно вѣрили.

Теперь бросимъ общій взглядъ на ученіе бабидовъ. Главнѣйшій, основной, принципъ бабизма былъ жизнь не по *буквѣ*, а по *духу* закона. Подобная мысль постоянно встрѣчается въ Куранѣ Баба, составленномъ двумя ближайшими, вышеупомянутыми его учениками, сейидъ-Хасаномъ и сейидъ-Хусейномъ.

Ученіе Баба о Богѣ то же, что и въ Мухаммедовомъ Куранѣ, но въ вопросахъ, относящихся до ученія о божествѣ (иллагійятъ), предметъ безконечныхъ споровъ мусульманскихъ богослововъ-схоластиковъ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ мнѣній самого Баба.

Судя по ниже приведеннымъ нами письмамъ къ покойному профессору спб. университета Мирзѣ-Каземъ-Беку (помѣщеннымъ имъ въ его изслѣдованіи о Бабѣ и бабидахъ) одного философа-изслѣдователя (мухагъымъ)¹⁾, проповѣдывавшаго бабизмъ въ Закавказьѣ и потому сосланнаго на жительство въ Смоленскъ, мы видимъ, что Бабъ и его ближайшіе ученики въ отношеніи ученія о Богѣ придерживались доктринъ мутазилитовъ, воспринятыхъ и разработанныхъ впоследствии шейхидами.

Богъ, по ученію бабидовъ, — высочайшее существо, творецъ видимаго и невидимаго, единъ, и не имѣетъ себѣ подобія. Атрибуты божіи, какъ-то всевѣденіе, всезнаніе, всемилосердіе и т. п., суть вѣчно нераздѣльны съ его существомъ и ихъ нельзя представить себѣ внѣ, отдѣльными, отвлеченными. Нельзя не замѣтить, что, хотя мутазилиты и приписываютъ себѣ это ученіе, возникшее, будто бы, изъ опасенія, чтобы признаніе различныхъ внѣшнихъ атрибутовъ единого Бога не вводило въ представленіе о высочайшемъ существѣ даже малѣйшей тѣни многобожія, но надо полагать, что это ученіе есть

¹⁾ Его имя Сейидъ-миръ-Абдуль-Керимъ. Онъ былъ сосланъ въ 1853 году, вскорѣ послѣ тегеранской катастрофы. Впоследствии онъ былъ выпущенъ на свободу и въ 1865 году, по словамъ Мирзы-Каземъ-Бека, проживалъ въ Астрахани.

изъ древности дошедшій до мутазилитовъ отзвукъ Платоновой философской системы.

Вотъ упомянутыя нами письма. Они въ высшей степени оригинальны своимъ иносказательнымъ языкомъ, мистическимъ направленіемъ и загадочнымъ тономъ, не чуждымъ отчасти схоластической философіи среднихъ вѣковъ.

Письмо первое.

Оно помѣчено 4 декабря 1860 года и написано смоленскимъ сейидомъ, когда до него дошло извѣстіе о желаніи Мирзы-Каземъ-Бека видѣть его и воспользоваться его бесѣдами для уясненія идей бабизма.

„Миръ жаждущимъ лицезрѣнія Господа, ищущимъ Его! Спросишь нѣкто о знаніи, ему отвѣчали: знаніе есть нравственное средоточіе въ храмѣ мудрости; нужно учиться у обильнаго (знаніемъ) мудреца, питаться, по его назначенію, пилюлями премудрости, чрезъ это врачеваніе перейти изъ четырехъ грубыхъ стихій въ четыре свѣтлыя и, такимъ образомъ, постичь ничтожество видимыхъ формъ, изолировать себя отъ ихъ представленій и соединиться со своимъ началомъ ¹⁾). Для ищущихъ знанія съ духовной точки видимое разногласіе Стараго и Новаго Завѣта и Курана непремѣнно уничтожится; тогда они узнаютъ, что на духовныхъ небесахъ пророки и всѣ святые суть одного начала. Въ этомъ началѣ нѣтъ различія и различіе видимое есть только проявленіе внѣшняго міра ²⁾). Всеблагій сотворилъ человѣка, конечно, не для знанія только внѣшняго міра, но и для достиженія сказаннаго средоточія,—истиннаго знанія. Достигая этого, ты освобождаешься отъ цѣпей чуждыхъ элементовъ (т.-е. физическаго міра) и созерцаешь въ себѣ великій міръ (идей); тогда ты

¹⁾ По смыслу Платоновой философіи, идеи (т.-е. вѣчные типы, по которымъ получаютъ формы всѣ категоріи бытія) пребываютъ въ высочайшемъ разумѣ,—въ Богѣ, изъ котораго онѣ истекаютъ и который есть ихъ общая субстанція.

²⁾ По той же Платоновой системѣ, идеи имѣютъ единое только реальное и абсолютное существованіе, предметы же индивидуальныя не иное что, какъ тѣни или копія съ нихъ, а наше понятіе о нихъ—ихъ блѣдное отраженіе.

уже не видишь себя въ частности. Видимое солнце одинаково озаряетъ восемнадцать тысячъ міровъ ¹⁾, но кто въ этомъ хаосѣ созерцаетъ занимаемую имъ степень (т.-е., идею своего рода), тотъ пойметъ, что онъ и весь міръ суть преходящи. Если онъ кинетъ взоръ на самого себя (т.-е., на форму, въ которую закована его безсмертная душа), то увидитъ, что онъ, среди 18 тысячъ формъ, не другое что, какъ вѣчный прахъ! ²⁾.

Тогда-то онъ припомнитъ слова: „вотъ вамъ обѣщанный адъ!“ ³⁾. Съ твоей стороны — усердное изслѣдованіе (истины), а со стороны истины (Бога) — влеченіе ⁴⁾. Миръ вамъ всѣмъ и милосердіе Бога, и Его щедроты!“

Письмо второе.

Вскорѣ послѣ перваго письма Мирза-Каземъ-Бекъ попросилъ названнаго бабида дать ему понятіе о вѣшнемъ проявленіи исповѣдуемой имъ религіи и сообщить, что онъ думаетъ о Бабѣ и о Куранѣ, ему приписываемомъ.

На это сейидъ отвѣчалъ слѣдующее:

„Во имя Бога милостиваго, милосердаго! Хвала Ему, сотворившему всѣ четы изъ того, что производитъ земля, изъ самихъ ихъ и изъ того, чего человекъ не постигаетъ ⁵⁾.“

¹⁾ Это число взято изъ мусульманскаго преданія, что вся вселенная состоитъ изъ 18 тысячъ міровъ.

²⁾ Мирза-Каземъ-Бекъ предполагаетъ, что авторъ письма хотѣлъ этимъ темнымъ мѣстомъ сказать слѣдующее: солнце одинаково освѣщаетъ каждый предметъ, но всякій предметъ, по своему качеству, болѣе или менѣе, воспринимаетъ свѣтъ солнца. Но это отраженіе ничто предъ самимъ солнечнымъ свѣтомъ. Если предметъ лишается способности воспріятія солнечныхъ лучей, онъ тѣмъ самымъ дѣлается ничто, элементомъ мрака.

³⁾ 36 сура Курана. Здѣсь сейидъ хочетъ сказать, что вѣчный адъ человека тамъ, гдѣ онъ лишень божественнаго начала и сознаетъ это лишеніе, Такимъ образомъ, сейидъ понимаетъ адъ не въ буквальномъ смыслѣ слова, а иносказательно.

⁴⁾ Влеченіе (джезбъ), по ученію суфіевъ, благодать, влекущая къ Богу его избранниковъ. Это начало пути къ совершенствованію (саликъ). Подробности см. въ V главѣ.

⁵⁾ Это взято изъ Курана: сура 36, ст. 36. Подъ четами разумѣются различные роды и виды земныхъ произведеній (по толкованію знаменитаго

Благословеніе и миръ да будетъ надъ его пророками и святыми! Миръ также и вамъ, изслѣдователь истины, и милосердіе Бога и благословеніе Его! Письмо ваше получили, содержаніе его поняли: вамъ угодно было разузнать о вѣрѣ бабидовъ, о наружныхъ выраженіяхъ ихъ исповѣданія. Трудно рѣшать относительно внѣшней жизни другихъ, въ особенности этихъ бабидовъ ¹⁾. Я не видѣлъ ихъ во внѣшнемъ ихъ представленіи и отъ нихъ самихъ я не слыхалъ правилъ ихъ (наружнаго) исповѣданія ²⁾; о внутреннемъ же ихъ исповѣданіи, вѣроятно, вы знаете.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ ³⁾ сей автоматъ ⁴⁾ также бродилъ въ степи заблужденія и неизвѣстности, происшедшихъ отъ множества разногласій въ наружныхъ формахъ религіи и исповѣданій. Не могъ бы я ухватиться за чтонибудь и выйти изъ отчаяннаго положенія, если бы не милости путеводаителя несчастныхъ заблудшихъ ⁵⁾. По своей благодати онъ надѣлилъ мою земную жизнь изъ чаши умерщвленія ⁶⁾, — изгналъ изъ видимаго царства плоти вліяніе внѣшняго представленія я ⁷⁾, и, наконецъ, по своей неопикуемой милости, призвалъ меня въ первобытный міръ ⁸⁾. Такъ онъ прервалъ

комментатора Курана, Бейдави). По смыслу 33 стиха этой же сурь, мертвая земля, оживленная божественной творческою силою, производитъ все земное. Такимъ образомъ эти произведенія сочетаются, каждое по своему семейству, роду и виду и производятъ подобныя себѣ. Все же, что, внѣ этого начала, Богъ сотворилъ изъ непостижимыхъ человѣку силъ.

¹⁾ Т.-е. возставшихъ въ Персіи подъ названіемъ бабидовъ.

²⁾ Мирва-Каземъ-Бекъ усматриваетъ изъ этого мѣста письма, что сейидъ удалился изъ Персіи гораздо ранѣе появленія бабизма, въ ту пору, когда распространяли свое ученіе шейхиды, и, во время пребыванія въ Россіи, мало зналъ о бабизмѣ въ Персіи.

³⁾ Письмо писано въ янв. 1861 г. 25 лѣтъ по лунному счисленію составляютъ 24 г. по солнечному, — значитъ, это было въ 1837 г., — эпоху процвѣтанія шейхизма въ Персіи.

⁴⁾ Авторъ письма говоритъ о себѣ, какъ о формѣ, въ которую закованъ его духъ, частица вѣчной идеи.

⁵⁾ Т.-е. Аллахъ. Это выраженіе часто употребляется въ тарикатѣ и его часто можно слышать изъ устъ дервишей.

⁶⁾ Научилъ умерщвлять страсти.

⁷⁾ Т.-е. внѣшнее самосознаніе уступило мѣсто внутреннему, духовному

⁸⁾ Т. е. міръ духовный; см. первое письмо.

мой сношенія съ міромъ *привратныхъ* ¹⁾ и привлекъ меня къ тому, кто пребываетъ за воротами, внутри храма (т.-е. истина). И такъ, если бы не благодать свыше ²⁾, то я былъ бы первый изъ погибшихъ!

Знай, что начало религіи есть познаніе Бога. Совершенное познаніе Его заключается въ таухидѣ ³⁾; совершенное же ученіе о таухидѣ заключается въ изолированіи атрибутовъ божіихъ, потому что всякій атрибутъ составляетъ идею внѣ описываемаго предмета ⁴⁾. И такъ, кто приписываетъ Богу какіе-нибудь атрибуты, тотъ ограничиваетъ Его, кто ограничиваетъ Его, тотъ считаетъ Его ⁵⁾, а кто считаетъ Его, тотъ говоритъ противъ Его предвѣчнаго единства ⁶⁾.

Но святъ Господь превыше всего того, что говорятъ грѣшники!

Хотя по умерщвленіи сего автомата, его водятъ по промежуточному міру ⁷⁾, но да будетъ на здравіе всякому счастливцу его собственная чаша; бѣдному же сейиду довольно и капелекъ, которыми онъ питается.

Миръ отъ Бога да будетъ тѣмъ единобожникамъ, которые радуются въ несчастіи“

Весьма замѣчательно ученіе бабидовъ о томъ, что все въ природѣ чисто, въ противоположность подраздѣленію Курана всѣхъ предметовъ на чистые и нечистые ⁸⁾. Эта истина была

¹⁾ Игра словъ. Въ подлинникѣ „бабскимъ“, т.-е. удостоился быть призваннымъ оставить двери, предъ которыми стоялъ, и созерцать того, кто за дверьми.

²⁾ Въ этой фразѣ звучитъ негодованіе на дѣйствія бабидовъ въ Персіи.

³⁾ Ученіе о единствѣ божіемъ.

⁴⁾ Вышеприведенныя мысли Баба о Богѣ.

⁵⁾ Приписываетъ ему числительность.

⁶⁾ Развитіе богословскаго ученія таухида принадлежитъ первому имаму шиитовъ,—Али.

⁷⁾ Алеми-берзахъ,—міръ между настоящимъ, физическимъ, и будущимъ, вѣчнымъ, гдѣ души грѣшниковъ получаютъ очищеніе. Авторъ говоритъ здѣсь аллегорически, намекая на промежуточное время между познаніемъ истины и ожидаемою имъ гибелью, вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій и гоненій.

⁸⁾ Къ послѣднимъ принадлежатъ, невѣрный (кяфиръ), вино, свинина,

предметомъ сначала тайнаго, а потомъ явнаго ученія Баба и разработана однимъ изъ главнѣйшихъ коноводовъ зенджанскаго возстанія бабидовъ, — Мудлой-Мухаммедъ-Али, прежде извѣстнымъ шиитскимъ муджтехидомъ, — признанный авторитетъ въ вопросахъ вѣры и закона, — а потомъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ бабидовъ. Все въ природѣ признавая чистымъ, бабиды проповѣдывали воздержаніе и умѣренность въ пищѣ.

Бабъ, какъ извѣстно, не курилъ табаку, не употреблялъ опиума и не пилъ даже любимаго на востокѣ напитка, — кофе.

Бабиды, проникнутые желаніемъ произвести реформу во внутренней жизни ислама, ратовали за уравненіе правъ женщины съ правами мужчины, за предоставленіе ей свободы въ обществѣ и за ограниченіе легкости развода, вполне зависящаго отъ произвола мужа.

Объ этомъ мы находимъ въ бабовомъ Куранѣ и, по всѣмъ преданіямъ, это относится къ ученію самаго Баба. Это либеральнѣйшее, въ глазахъ каждаго правовѣрнаго, ученіе особенно страстно распространялось женщиной, Хуретъ-ул-уйунъ (свѣтъ очей)¹⁾, руководившей движеніемъ бабидовъ въ Казвинѣ.

Мирза-Каземъ-Бекъ приводитъ слѣдующій текстъ Бабова Курана объ этомъ ученіи²⁾: „любите дочерей своихъ, ибо онѣ предъ Богомъ гораздо болѣе возвеличены и любезны, чѣмъ сыновья. Тотъ, кто приметъ это исповѣданіе, не долженъ давать развода. Между вами и женами вашими не должно быть покрывала, даже если бы это покрывало было тоньше древеснаго листка, дабы женщины ничѣмъ не огорчались: это есть для васъ милость Божія“

Нельзя не признать справедливости высказанной почтеннымъ профессоромъ Мирзой-Каземъ-Беккомъ мысли, что общіе принципы первоначальнаго бабизма, такъ сказать, бабизма въ его чистѣйшемъ видѣ (впослѣдствіи бабизмъ былъ иска-

мертвое тѣло и др. Вопросъ о чистомъ и нечистомъ составляетъ у мусульманъ, какъ и у евреевъ, предметъ постоянныхъ споровъ и разногласій.

¹⁾ Она была дочь извѣстнаго казвинскаго муджтехида, Хаджи-Мухаммедъ-Салпха, и по своему положенію принадлежала къ высшему слою мусульманскаго общества.

²⁾ Мирза-Каземъ-Бекъ, *op. cit.*, стр. 172.

женъ его послѣдователями), приближаются, до нѣкоторой степени, къ евангельской морали. Весьма жаль, что мы не знаемъ возрѣвнѣй Баба на Христа Спасителя, но, принимая во вниманіе вообще его мистически — возвышенный образъ мыслей и свойственную суфизму аскетическую чистоту и духовность міросозерцанія, можно, вѣроятно, предположить, что и о Спасителѣ Баба имѣлъ болѣе чистое и глубокое представленіе, чѣмъ какое мы встрѣчаемъ на этотъ счетъ въ исламѣ. хотя, надо сознаться, что ученіе ислама о Христѣ довольно возвышено, ибо Куранъ смотритъ на Спасителя, какъ на „слово Божіе, рожденное отъ Святаго Духа“ ¹⁾).

Эти соображенія невольнo заставляють смотрѣть на бабизмъ, какъ на ученіе, которое могло бы, можетъ быть, развиться въ переходную ступень ислама къ христіанству, если бы въ нему не примѣшались политическія стремленія, породившія революціонное движеніе въ Персіи и совершенно искажившія первоначальную наклонность бабизма къ достиженію реформы въ исламѣ мирнымъ путемъ проповѣди и нравственнаго воздѣйствія, а не меча и насильственныхъ переворотовъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи бабизмъ искажился до неузнаваемости. Изъ ученія чистаго и возвышеннаго онъ сдѣлался, мало-по-малу, разсадникомъ суевѣрія и фанатизма. Главари движенія каждый толковалъ по своему основные принципы Бабова ученія, выдавая за бабизмъ свои собственныя измышленія, не имѣвшія съ нимъ ничего общаго. Одно общее чувство ненависти къ деспотизму правящихъ классовъ и духовенству, съ одной стороны, и неудовлетворенность внутреннимъ строемъ общественной и частной жизни въ исламѣ, назрѣвшая въ послѣднее время въ Персіи, — съ другой, — соединяла всѣхъ бабидовъ во-едино, дѣлая изъ нихъ вооруженную силу, тѣмъ болѣе опасную, что ядро ея составлялъ народъ, придавая движенію бабидовъ нѣчто грозно-стихійное. Утративъ постепенно благородный обликъ первыхъ бабидовъ, стремившихся поставить свою родину на высоту современныхъ требованій жизни, науки и религіи, позднѣйшіе прозелиты бабизма представили себѣ, что уже наступило царство сахиб-уз-земана (владыки міра, т.-е. имама махди, ожидаемаго ши-

¹⁾ Суры Курана III, 40; IV. 169; XIX, 17.

тами), что они завладѣютъ скоро всей вселенной и что за гробомъ ихъ ожидаютъ несказанныя блаженства. Подобными обѣщаніями переполнены страницы такъ называемаго Бабова Курана. Чтобы постоянно подогрѣвать фанатизмъ толпы, руководители движенія раздавали направо и налево разные приносящіе счастье талисманы, до которыхъ такъ падка необразованная толпа, особенно на суевѣрномъ востокѣ. Учители бабизма являются въ это время людьми могущественными, волѣ которыхъ,—во имя, конечно, Баба,—слѣпо подчиняются ихъ приверженцы. Каждый изъ нихъ управлялъ безпрекословно дѣлами сомкнушагося около него кружка и по своему толковалъ религіозные вопросы. Такимъ образомъ, мы видимъ уже распаденіе бабизма на секты, которыя, впрочемъ, не успѣли сложиться во что-нибудь опредѣленное. Главы этихъ отдѣльных кружковъ возвеличивались усердно ихъ сторонниками и считались намѣстниками Баба на землѣ, въ то время уже обоготворяемаго. Къ шиитскому исповѣданію вѣры (нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Мухаммедъ—посланный Имъ, Али—вали ¹⁾ Его) бабиды прибавили еще слѣдующее:

а) Али-Мухаммедъ (Бабъ) есть самъ бакіетулла ²⁾ и б) таковой-то (имя кого-либо изъ главнѣйшихъ дѣятелей секты) — тайна ³⁾ бакіетуллы. Каждый кружокъ бабидовъ вставлялъ здѣсь имя своего учителя.

Бабиды заимствовали у шейхидовъ вѣрованіе, что атрибуты божіи олицетворяются въ святыхъ. По словамъ историка Супехра, бабиды давали своимъ вождямъ и учителямъ названія атрибутовъ божіихъ. Кромѣ того, нѣкоторымъ членамъ ихъ семействъ они давали имена мусульманскихъ святыхъ,

¹⁾ т.-е. главный послѣ Мухаммеда вождь ислама.

²⁾ т.-е. остатокъ божества,—выраженіе разъ только употребленное въ Коранѣ (с. XI ст, 807) и недостаточно объясненное комментаторами. Бабиды объяснили его въ мистическомъ смыслѣ средоточія (на землѣ) божественной силы, оставленной Богомъ для управленія міромъ, т.-е., невидимый имамъ махди.

³⁾ Подъ тайной (сиррь) подразумѣвается, на языкѣ мистиковъ, другъ, съ которымъ дѣлятся тайнами. Такъ тайной Бога называется избранникъ божій, знающій тайны божественнаго откровенія. Такимъ образомъ тайна бакіетуллы значить другъ, помощникъ, намѣстникъ невидимаго имама махди, управляющаго міромъ.

приписывая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ достоинства этихъ святыхъ. Такъ, напр., Хаджи-Мухаммедъ-Али, глава мазандаранскихъ бабидовъ, носилъ названіе величайшаго; Миръ-Абдуль-Керимъ—имя восьмаго имама. Въ первомъ видѣли олицетвореніе одного изъ атрибутовъ божіихъ, во второмъ—перерожденца имама Ризы, 8-го имама шиитовъ-иснашаридовъ ¹⁾. По ученію бабидовъ, послѣ смерти каждаго изъ такихъ святыхъ людей, душа его, чрезъ 40 дней, снова возвратится въ міръ въ новой формѣ. По мнѣнію Мирзы-Каземъ-Бека, бабиды вѣрили въ переселеніе душъ. Слѣдующія строки Курана бабидовъ указываютъ на существованіе у бабидовъ такого вѣрованія ²⁾.

„Скажи: жизнь Аллаха непохожа на жизнь творенія; ей нѣтъ ни начала, ни конца, ей ничто не предшествовало. *жизни же творенія, по истинѣ, предшествовала жизнь буквы истины*“; далѣе: „воистину, Богъ началъ свое твореніе *буквами истины*“, и еще далѣе: „скажи, что Богъ производитъ *буквы жизни изъ творенія...* а потомъ чрезъ *буквы истины* всѣмъ показываетъ къ себѣ путь: это значитъ то, что сказано, что Богъ дѣлаетъ *живыхъ мертвыми и мертвыхъ живыми*“. Подъ *буквами истины* въ Куранѣ бабидовъ разумѣются святые на небесахъ, подъ *буквами жизни*—святые на землѣ.

Такимъ образомъ, по вѣрованію бабидовъ, Богъ создалъ сперва буквы истины и ихъ жизнь предшествовала жизни его твореній; чрезъ буквы истины онъ всѣмъ показываетъ путь къ себѣ, т.-е., эти буквы истины, созданныя прежде всѣхъ, постоянно переселяются въ міръ, дабы направлять людей къ Богу или производить живыхъ, т.-е. буквы жизни, изъ мертвыхъ. Какъ же мертвыхъ Богъ производитъ изъ живыхъ? Въ Куранѣ бабидовъ это мистически разъяснено такъ: направляя къ себѣ твореніе (мертвое) чрезъ буквы истины (живое), Богъ производитъ мертвыхъ (т.-е., людей) изъ живыхъ (т.-е., буквъ истины),—т.-е. Богъ творитъ челоуѣка, который въ самомъ себѣ мертвъ, вселяя въ него букву жизни,—создаетъ мертвое твореніе изъ живого.

¹⁾ См. II. главу.

²⁾ Мирза-Каземъ-Бекъ, ор. сі., стр. 187—188.

Какъ мы уже упомянули, бабизмъ провозглашалъ равенство правъ мусульманской женщины съ правами мужчины. Впослѣдствіи бабиды, увлекаясь все болѣе и болѣе идеей равноправности женщинъ, дошли въ этомъ отношеніи до того, что стали проповѣдывать право женщинъ давать разводную мужьямъ. брать себѣ затѣмъ въ мужа кого захотятъ, и даже имѣть нѣсколькихъ мужей заразъ! Потомъ бабиды стали открыто проповѣдывать коммунизмъ женщинъ, но старый складъ мусульманской жизни не былъ поколебленъ въ этомъ отношеніи проповѣдью сектантовъ и мусульманки не воспользовались правами, предлагаемыми имъ не въ мѣру рьяными сторонниками ихъ равноправности.

Во внѣшній культъ религіи бабиды ввели свои измѣненія. Такъ, постъ въ мѣсяцѣ рамазанѣ сокращенъ ими съ 30 дней до 19, — число особенно чтимое, ибо оно представляетъ численное значеніе священнаго для мусульманъ слова вуджудъ, т.-е., сущность божественной субстаціи. По этому же они дѣлили годъ на 19 мѣсяцевъ и мѣсяцъ на 19 дней. вмѣсто хумса—т.-е., $\frac{1}{3}$ части добычи, назначенной Кураномъ (VIII, ст. 42), для бѣдныхъ, они назначили одну третью. Бабиды установили свои особыя привѣтствія при встрѣчахъ другъ съ другомъ. Обыкновенно мусульмане, встрѣчаясь, желаютъ другъ другу мира: — ас-селямъ-алейкумъ (миръ да будетъ надъ вами), — обычное привѣтствіе мусульманина мусульманину. На это привѣтствуемый долженъ отвѣтить: ве-алейкумъ-ас-селямъ, т.-е., и надъ вами да будетъ миръ. Бабиды же при встрѣчахъ обмѣнивались слѣдующими фразами: Алла акбаръ (Богъ великъ), и въ отвѣтъ—Алла аазамъ (Богъ всемогущъ). Болѣе обыкновенное привѣтствіе у нихъ было мерхебенъ бибъ, — благоденствіе тебѣ. Подобно тому, какъ мусульмане не могутъ употреблять вышензложенную привѣтственную формулу при встрѣчѣ съ немусульманиномъ; такъ и бабиды не употребляли своей при встрѣчѣ съ небабидомъ.

Эти и подобные обычаи внѣшняго культа соблюдались бабидами до тѣхъ поръ, пока они, увлекшись успѣхами возстанія, не порвали окончательно съ шіитами. Обѣщаніе могущества бабизма и грядущаго царства бабидовъ окончательно вскружило голову сектантовъ и они торжественно объявили

фатреть ¹⁾, т.-е. освобожденіе отъ ига закона. Покуда не утвердится бабизмъ по всему лицу земли, возгласили они, покуда царство Баба не укрѣпится и не создастся новый кодексъ Бабова закона ²⁾, всѣ бабиды свободны отъ исполненія религіозныхъ обязанностей. На этомъ основаніи бабиды перестали исполнять обычныя религіозныя обряды мусульманъ, — не совершали намаза, не соблюдали постовъ, пили вино, ѣли свинину и не ходили въ мечеть.

Что касается до Курана, приписываемаго Бабу, то онъ, вѣроятно, былъ написанъ уже извѣстнымъ намъ ученикомъ Баба, — сейидъ-Хусейномъ, какъ однимъ изъ образованнѣйшихъ прозелитовъ Баба, неотлучно при немъ находившимся и весьма желавшимъ играть первенствующую роль въ дѣлѣ бабидовъ. Одинъ экземпляръ Курана бабидовъ былъ въ рукахъ мирзы-Каземъ-Бека и, по его словамъ, онъ не представляетъ особаго интереса, такъ какъ не содержитъ въ себѣ ученія Баба, а заключаетъ лишь различныя молитвы и обѣщанія скораго наступленія царства бабидовъ по всей землѣ ³⁾.

Таковъ въ общихъ чертахъ бабизмъ, взволновавшій въ половинѣ текущаго столѣтія Персію и не уничтоженный казнями, не потопленный въ крови, но лишь на время подавленный. Отчего бабизмъ получилъ такое распространеніе и игралъ такую выдающуюся роль въ исторіи мусульманскаго сектанства, — понять не трудно, такъ какъ бабизмъ, какъ мы

¹⁾ Фатреть буквально—промежутокъ времени. Въ Куранѣ это слова употреблено одинъ только разъ (V, 22), въ смыслѣ промежутка времени между двумя пророками. Бабиды же разумѣли промежутокъ времени между двумя законами, шаріатомъ и будущимъ закономъ, имѣющимъ создаться бабизмомъ.

²⁾ Есть извѣстіе, будто онъ уже былъ готовъ и хранился у нѣкоего мудлы Абд-ух-Керима, бабида, убитаго въ Тегеранѣ, въ 1852 г. Говорятъ, будто онъ, во время преслѣдованія бабидовъ въ Казвинѣ (онъ былъ казвинецъ), заложилъ книгу въ стѣну какого-то дома; послѣ его смерти этой книги нигдѣ не могли найти.

³⁾ Характернѣйшіе, впервые появляющіеся нынѣ въ переводѣ, отрывки изъ священныхъ книгъ бабидовъ, носящихъ общее названіе бейанъ, т.-е. объясненіе, слово, которымъ бабиды именуютъ свое ученіе, читатели найдутъ у С. Huart'a, — *La religion de Bab. Paris. 1889.* Переводъ „Книги наставленій“ бабидовъ помѣщенъ въ соч. C-te de Gobineau, — *Religions et philisophies de l'Asie Centrale.*

уже не разъ упоминали выше, былъ выраженіемъ жажды реформъ, которая давно чувствовалась и чувствуется на востоѣ и которая съ такой силой обнаружилась въ Персіи, какъ передовой странѣ мусульманства по духовному богатству націи.

Бабизмъ и нынѣ существуетъ въ Персіи и имѣетъ много тайныхъ прозелитовъ изъ разныхъ классовъ общества. Въ особенности бабидовъ много въ Фарсѣ, Хорасанѣ и Кербелѣ, — мѣстахъ первоначальнаго развитія секты.

Шахское правительство знаетъ о существованіи этихъ опасныхъ сектантовъ, но не рѣшается начать открытаго преслѣдованія, боясь повторенія бывшихъ кровавыхъ смуть ¹⁾.

Попытки Баба реформы ислама не увѣнчались успѣхомъ. Онъ поплатился за нее своею жизнью и жизнью многихъ тысячъ своихъ приверженцевъ, но дѣло Баба не умерло вмѣстѣ съ ними. Бабизмъ, проповѣдь котораго громко раздалась по всему востоку и сразу завоевала себѣ всеобщее сочувствіе, — снова нѣкогда воспрянетъ, снова выступитъ на аренѣ исторіи. Бабизмъ, какъ и потерпѣвшая неудачу попытка реформы въ исламѣ Абд-ал-Ваггаба, въ Аравіи, былъ шагомъ впередъ въ умственной и соціальной жизни ислама, былъ прогрессомъ въ исторіи мухаммеданской культуры и уже тѣмъ самымъ не можетъ и не долженъ погибнуть.



¹⁾ Гоненія сектантовъ въ Персіи, однако, продолжаются и въ послѣднее время съ особою силою, что вызываетъ переселеніе бабидовъ на Кавказъ и въ Закаспійскую область. Особенно много бабидовъ переселяется къ намъ изъ Хорасана. Въ Асхабадѣ они устроили молельню, что вызвало неудовольствіе мѣстныхъ шіитовъ. Въ Закавказскомъ краѣ бабиды открыли двѣ молельни въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, Бакинской губ., и одна должна скоро открыться въ Елисаветпольской губ., въ Нухинскомъ уѣздѣ (Эти свѣдѣнія взяты изъ послѣднихъ корреспонденцій „Нов. Вр.“ изъ Тифлиса).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Отъ автора	III
ГЛАВА I. Исламъ при первыхъ халифахъ. — Причины развитія сектъ. — Вліяніе Персіи на умственное броженіе въ исламъ. — Внутреннее состояніе Персіи въ эпоху покоренія ея арабами. — Два рѣзко обозначенныя направленія мусульманскихъ сектъ. — Суьниты. — Обожаніе пророка. — Культъ святыхъ. — Хасанъ Басорскій и его школа. — Абу-Хузайфа-Василь-ибнъ-Агъа († 748 или 749 г.). — Мутазилиты. — Абу-Гузайль. — Назамъ (835). — Бисръ-ибнъ-ал-Мутамиръ. — Муаммаръ-ибнъ-Аббадъ. — Тумама († около 213 г.). — Амръ-ибнъ-Бахръ-ал-Джахизъ. — Джуббан. — Абу-Гашимъ. — Муазаръ. — Защитники правовѣрія: Абу-Хаммедъ-ибнъ-Мухаммедъ-Газали и Абу-Хасанъ-ал-Ашари. — Гоненіе мутазилитовъ при халифѣ Ал-Кадирѣ (1017 и 1018 г.). — Торжество мутазилитовъ при халифахъ Ал-Мамунѣ (813—833) и Ватыкѣ (842—847 г.). — Торжество правовѣрія при халифѣ Мутевеккилѣ (847—861). — Ибадиты и Зейдиты. — Морджиты. — Джабариты. — Сифатитты.	1
ГЛАВА II. Шиты. — Возникновеніе шиизма. — Причины приверженности шитовъ къ Али. — Обоотвореніе персами домусульманской эпохи своихъ царей и обоотвореніе Али и его потомковъ персамимусульманами. — Наслѣдственность власти и божественное право у персовъ. — Ученіе шитовъ о махди, — мессіи мусульманскаго міра. — Возникновеніе этого ученія и его исторія. — Мухаммедъ „сынъ Ханефитянки“. — Мухтаръ, „намѣстникъ махди“ — Возникновеніе ученія о скрытомъ имамѣ. — Арійскій мифъ о скрывшемся на время отъ глазъ людей героѣ — Али, сынъ Хусейна. — Сынъ его Мухаммедъ. — Младшій братъ Мухаммеда, — Зейдъ. — Абу-Муслимъ. — Ал-Моканна. — Шестой имамъ шитовъ — Джафаръ. — Седьмой имамъ — Муса. — Восьмой имамъ — Али-Риза. — Девятый, десятый и одиннадцатый имамы: Мухаммедъ, Али и Хасанъ. — Исчезновеніе двѣнадцатаго имама шитовъ, Мухаммеда, сына Хасана. — Секты въ шиизмѣ	25
ГЛАВА III. Хариджиты. — Возникновеніе секты. — Основныя черты ученія хариджитовъ. — Военныя дѣйствія Али противъ хариджитовъ. — Распространеніе секты. — Преслѣдованія хариджитовъ. — Новая фізіономія секты. — Временный союзъ хариджитовъ съ Шинтамп — Нафи-	

ибнъ-Азракъ.—Успѣхи хариджитовъ.—Продолженіе борьбы хариджитовъ съ правовѣрными.—Хариджиты среди Берберовъ.—Измаилиты.—Основные черты ихъ ученія.—Абд-алла-ибнъ-Маймунъ и его система.—Личность Абд-аллы-ибнъ-Маймуна.—Карматы.—Хамданъ-Карматъ.—Физиономія секты.—Абу-Саидъ.—Абу-абд-алла.—Махди Убейдулла,—первый фатамидъ.—Абу-Тагиръ.—Походъ караматовъ на Мекку и похищенія ими „чернаго камня“.—Упадокъ и прекращеніе секты.	Стр. 42
ГЛАВА IV. Халифъ Хакимъ.—Характеристика Хакима.— Два періода его жизни.—Преслѣдованія имъ христіанъ и евреевъ.—Даръзи и его ученіе о воплощеніи божества въ Хакимѣ.—Хамза.—Друзы.—Краткій историческій очеркъ Либана.—Хасанъ-Саба.—Его пребываніе при дворѣ Маликшаха.—Его неудачи и удаленіе отъ двора.—Основаніе секты асасиновъ.—Организація секты.—Могущество секты.—Ея упадокъ.—Краткая характеристика измаилизма . . .	67
ГЛАВА V. Скептицизмъ, какъ результатъ непрерывныхъ богословскихъ распрей.—Мистицизмъ суфіевъ.—Исламъ и мистицизмъ.—Внѣ мусульманское зарожденіе суфизма.—Основные положенія суфизма.—Пантеизмъ суфіевъ.—Вліяніе на суфизмъ философія Платона.—Первые провозвѣстники суфизма: Рабіа и Хасанъ Басорскій.—Основатель секты суфіевъ—Абу-Саидъ-ибнъ-аби-л-Хайръ (815 г. п. Р. Х.).—Толки Бестама († 875 г.) и Джонаида († 909 г.).—Халладжъ и значеніе его въ суфизмѣ.—Газали.—Шейхъ Сороварди.—Ибнъ-Араби.—Поэты мистики.—Дервиши	84
ГЛАВА VI. Исламъ на западѣ.—Тарифъ.—Салпхъ.—Куранъ, имъ составленный.—Берехвата.—Испанія; XI вѣкъ въ Испаніи.—Алморавиды.—Абд-ала-ибнъ-Язинъ.—Юсуфъ-ибнъ-Тешуфинъ.—Алморавиды въ Испаніи.—Алмогады.—Мухаммедъ-ибнъ-Тумертъ.—Нетерпимость Алмогадовъ.—Авероецъ.—Торжество правовѣрія	112
ГЛАВА VII. Абд-ал-Ваггабъ и его ученіе.—Ваггабиты и ихъ крайности.—Успѣхи ваггабитовъ; Абд-ал-Азизъ.—Дѣйствія порты противъ ваггабитовъ въ 1797 г.—Удачи ваггабитовъ въ 1801—1803 гг.—Саудъ (1803—1814).—Мехмедъ-Али и его дѣйствія противъ ваггабитовъ.—Ибрагимъ-паша и пораженіе ваггабитовъ (1818 г.).—Ваггабиты въ Индіи.—Общій взглядъ на ваггабитовъ	126
ГЛАВА VIII. Движеніе бабидовъ въ Персіи (1844—1852).—Мирза-Али-Мухаммедъ-Бабъ.—Его главнѣйшіе прозелиты.—Военныя дѣйствія бабидовъ въ Мазандаравъ и ихъ успѣхи.—Смерть муллы-Хусейна.—Сулейманъ-Ханъ и неудачи бабидовъ.—Казнь Баба въ Тебризѣ (въ іюль 1849 г.).—Возстаніе бабидовъ въ Зенджанѣ.—Покушеніе бабидовъ на жизнь шаха въ 1853 г.—Личность Баба и его ученіе.—Доктрины бабизма.	136